

2020 № 2 Научный журнал

UNIVERSUM HUMANITARIUM

UNIVERSUM HUMANITARIUM
2020. № 2

Научный журнал
Выходит 2 раза в год

Главный редактор

Кривошапкин Андрей Иннокентьевич – член-корреспондент РАН, профессор РАН, доктор исторических наук, директор Института археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

Заместитель редактора

Крадин Николай Николаевич – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, директор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия

Редакционная коллегия

Молодин Вячеслав Иванович – академик РАН, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

Лбова Людмила Валентиновна – доктор исторических наук, профессор Новосибирского государственного университета, Новосибирск, Россия

Головко Никита Владимирович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры онтологии, теории познания и методологии науки Новосибирского государственного университета, Новосибирск, Россия

Демидчик Аркадий Евгеньевич – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Новосибирского государственного университета, Новосибирск, Россия

Октябрьская Ирина Вячеславовна – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

Кошкарёва Наталья Борисовна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой общего и русского языкознания Новосибирского государственного университета, Новосибирск, Россия

Хьюг Плиссон – доктор наук, исследователь Национального центра научных исследований, координатор совместной международной российско-французской лаборатории АРТЕМИИ, Ле Бюг, Франция

Сукбэ Чжун – доктор наук, профессор кафедры археологии Корейского национального университета культурного наследия, Пуё, Южная Корея

Инук Кан – доктор наук, профессор Университета Кён Хи, Сеул, Южная Корея

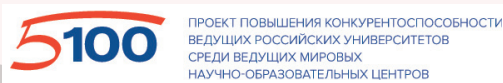
Хирофуми Като – доктор наук, профессор Университета Хоккайдо, Саппоро, Япония

Джон Олсен – доктор наук, профессор Университета Аризоны, Тусон, США

Габриэлла Импости – доктор наук, профессор русской литературы, заведующая отделением русского языка и литературы Болонского университета, Болони, Италия

Бенсе Виола – доктор наук, доцент Университета Торонто, Онтарио, Канада

Франко Занини – доктор наук, исследователь Лаборатории ELETTRA, Триеста, Италия

Редактор С. В. Исакова
Макет Е. А. Штри

Содержание

Тема номера: «Символы, мифы, верования в древних и традиционных обществах»

<i>Худяков Ю. С., Борисенко А. Ю.</i> Символика в наименованиях некоторых средневековых тюркских кочевых этносов, родов и имен известных исторических деятелей	8
<i>Головченко Н. Н.</i> Две поясные накладки из погребений населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа: символизм и сакрализация деструкции	18
<i>Ибрагимов Т. И.</i> Уникальный карабахский ковер «Гасымушагы»: происхождение, символизм и особенности дизайна	
<i>Aytaç A.</i> Turkish Carpets Described in the Paintings of Mehmet Ruhi Arel from the Military Painters	36
<i>Cuciuc Romanescu L. S., Kaya Ö.</i> Some approaches on the Great Goddess figure in mythology and visual arts	55

Методика и методология

<i>Давыдов Р. В., Губар Ю. С., Занини Ф.</i> Возможности применения синхротронных методов анализа при изучении археологических материалов	82
---	----

Новые материалы

<i>Белецкая А. А.</i> От суверенитета государства к суверенитету народа: конституционно – правовой опыт стран Азии и России	108
<i>Шматов М. Ю.</i> «Двигатель прогресса» или «контрреволюционная вылазка»? Конфликты в советском социуме Западной Сибири (1936–1938 гг.)	119
<i>Рыбаков Д. Ю.</i> Локальные особенности томского варианта кулайской культурно-исторической общности конца IV в. до н. э. – IV в. н.э.	132

Фоторепортаж

<i>Борисенко А. Ю.</i> Ойратский доспех – уникальная предметная историко-культурная реконструкция в Новосибирском государственном университете	162
--	-----

In memoriam

*Таймагамбетов Ж. Алексей Павлович Окладников. Эссе об
учителе*

170

От редакции

Новый номер *Universum Humanitarium* обращается к теме символов, мифов и верований в древних и традиционных обществах. Исследователями принято рассматривать эти понятия в стойкой взаимосвязи друг с другом.

Символы окружают человека в повседневной жизни и в известной степени формируют среду его обитания (как в древние эпохи, так и в настоящее время). Они являются своеобразным мостом между внутренним миром человека и его внешним окружающим пространством и таким образом могут отражать культурные ценности конкретных эпох. В свою очередь, распознавание этих символов – это интуитивный процесс, который зависит от культурного контекста распознающего.

Символы являются своеобразной аллегорией, посредством которой мы пытаемся передать одно трудно выразимое понятие через другое, более понятное. Вероятно, поэтому они лежат в основе мифологического мышления, являются одним из его основных элементов. Символы использовались, пусть порой и неосознанно, при формировании первобытных верований и первых религиозных систем.

Исследованием сущности символического мышления ученые, философы, психологи занимаются уже многие десятилетия. В археологии это, прежде всего, мир ритуальных традиций, однако символы пронизывали всю материальную культуру древних обществ. Графические символы и знаки, возникнув в период верхнего палеолита, с тех пор наносились на самые разнообразные предметы, независимо от материала, формы, функционального назначения. Они являлись своеобразными информационными носителями, могли означать принадлежность к определенному сообществу – профессиональному или этническому. Символический смысл имели не только нанесенные на предмет изображения, но и сам предмет, его цвет, материал и даже имя, которое давали изделию или человеку.

В данном номере нашего журнала мы собрали статьи, авторы которых представляют свое прочтение различных систем символов от палеолита до современности.

Борисенко А. Ю.
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
лаборатории гуманитарных исследований
Новосибирского государственного университета

**Тема номера:
Символы, мифы, верования в древних и
традиционных обществах**

Символика в наименованиях некоторых средневековых тюркских кочевых этносов, родов и имен известных исторических деятелей

Ю. С. Худяков¹, А. Ю. Борисенко²

¹ *Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия*

² *Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

В статье рассказывается об анималистической символике в наименованиях некоторых средневековых тюркских кочевых этносов, а именно, древних тюрок. Рассматриваются версии происхождения этнонима «тюрк» и его связь с образом волка в средневековых, китайских источниках, а также в научной литературе. Было проанализировано два варианта древнетюркской генеалогической легенды о происхождении древнетюркского племени и его правящего аристократического рода, сохранившихся в китайских летописных источниках, прослежена ее связь с реальной историей древних тюрок и приведены возможные места расселения народа. Был рассмотрен вопрос об использовании «волчьей» символики в древнетюркской этнокультурной среде. В работе также уделяется внимание изменению значения самого имени «тюрк» в период Средневековья на территории Степного пояса Евразии, когда даже после ухода древних тюрок с исторической арены их имя стало использоваться не только для обозначения представителей этого народа, но и некоторых других тюркских племен и народов, говоривших на тюркских языках. В завершении статьи рассмотрены вероятные последствия процесса межрасового и межкультурного смешения ранних тюрок с европеоидным населением Алтая, возникновение традиции установки «балбалов», а также изменения погребальных и поминальных обрядовых традиций в более позднее время у западных и восточных тюрок на территории Центральной и Средней Азии. Анализ источников показал, что не зависимо от происхождения источника по древнетюркской истории этноним «тюрк» всегда идентифицировался с кочевым воинством или приписываемыми ему яркими воинственными эпитетами.

Ключевые слова

древние тюрки, род Ашина, генеалогическая легенда.

Источник финансирования

Работа проведена в рамках реализации Государственного задания Минобрнауки в сфере научной деятельности (проект № FSUS-2020-0021).

Для цитирования

Худяков Ю. С., Борисенко А. Ю. Символика в наименованиях некоторых средневековых тюркских кочевых этносов, родов и имен известных исторических деятелей // *Universum Humanitarium*. 2020. № 2. С. 8–17

DOI

Symbols in the Names of Some Medieval Turkic Nomadic Ethnic Groups, Clans and Names of Famous Historical Figures

Yu. S. Khudyakov¹, A. Yu. Borisenko²

¹*Institute of Archeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia*

²*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russia*

Abstract

The article describes the animalistic symbolism in the names of some medieval Turkic nomadic ethnic groups, namely, the ancient Turks. The versions of the origin of the ethnonym "Turk" and its connection with the image of a wolf in medieval, Chinese sources, as well as in scientific literature are considered. Two versions of the ancient Turkic genealogical legend about the origin of the ancient Türkic tribe and its ruling aristocratic clan, preserved in the Chinese chronicle sources, were analyzed, its connection with the real history of the ancient Turks was traced and possible places of settlement of the people were given. The question of the use of "wolf" symbols in the ancient Turkic ethnocultural environment was considered. The work also pays attention to the change in the meaning of the very name "Turk" during the Middle Ages on the territory of the Eurasian Steppe Belt, when even after the departure of the ancient Turks from the historical arena, their name began to be used not only to designate representatives of this people, but also some other Turkic tribes and peoples who spoke Turkic languages. At the end of the article, the probable consequences of the process of interracial and intercultural mixing of the early Turks with the Caucasian population of Altai, the emergence of the tradition of installing "balbals", as well as changes in funeral and memorial ritual traditions in a later time among the Western and Eastern Turks in Central and Central Asia are considered. The analysis of the sources showed that, regardless of the origin of the source, according to the ancient Turkic history, the ethnonym "Turk" was always identified with the nomadic army or with bright warlike epithets attributed to it.

Keywords

ancient Turks, family of Ashina, genealogical legend.

Funding

The work was carried out as part of the implementation of the State task of the Ministry of Education and Science in the field of scientific activity (project No. FSUS-2020-0021).

For citation

Khudyakov Yu.S., Borisenko A.Yu. Symbols in the names of some medieval Turkic nomadic ethnic groups, clans and famous historical figures // Universum Humanitarium. 2020. No 2. P. 8–17

DOI

В этнических названиях некоторых средневековых тюркских кочевых этносов, а также в наименованиях отдельных из них правящих

аристократических родов и в именах некоторых исторических деятелей сохранились, вероятно, некогда полученные ими от иноплеменников и воспринятые ими самими различные наименования, обозначающие грозных хищных зверей или воинственных предков. Такие люди самими своими именами, родовыми и этническими названиями должны были внушать трепет и чувство тревоги и душевного беспокойства.

В военной истории Центральной Азии в течение эпохи раннего Средневековья важную роль играли некоторые тюркские кочевые племена и народы, возглавляемые правящими аристократическими родами и выдающимися правителями и военачальниками, оставившими заметный след в военной истории своих этносов и этнических групп.

Одним из таких, достаточно широко известных этносов, объединившим и возглавившим в течение определенных исторических периодов многие кочевые народы и племена в пределах обширного Центрально-Азиатского историко-культурного региона на рубеже эпохи раннего Средневековья были кочевые «тюрки», или как их принято называть в специальной научной и научно-популярной литературе – «древние тюрки» [Гумилев, 1967. С. 31].

В специальной, исторической научной литературе сохранились разные объяснения значения самого этнического термина «тюрк». Согласно одному из них, восходящему к известному средневековому автору Махмуду Кашгари, свое название тюрки якобы получили от самого бога мусульман Аллаха, которому принадлежит такое весьма памятное определение: «Воистину у меня есть войско, я назвал его тюрк и поселил на востоке» [Бернштам, 1935. С. 46]. В данном случае предполагается, что этноним «тюрк» имеет божественное происхождение. Он прямо отождествляется со значением понятия «войско».

Иное объяснение этого этнического имени предложено в известном сводном переводе текстов из китайских летописных сочинений о древних и средневековых кочевниках, осуществленном Н.Я. Бичуриным, который считал, что название тюрок восходит к монгольскому термину «дулга» – шлем, в значении «тюрки» – «шлемоносцы», т.е. «воины» [Бичурин, 1950. С. 221]. Предположительно такое название тюрки получили после своего переселения с территории Восточного Туркестана на Алтай, поскольку островерхие алтайские горные вершины напоминают очертания шлемов.

Встречаются и некоторые другие объяснения этого названия. Например, известно еще одно толкование этого термина как «сильный, крепкий, могущественный, главный» [Аманжолов, 2003. С. 37–38].

Во всех трех случаях этноним «тюрк» идентифицируется с кочевым воинством, или приписываемыми ему яркими воинственными эпитетами.

В период образования самостоятельной государственности древних тюрков и создания Первого Тюркского каганата древним тюркам удалось объединить под своим началом многие кочевые племена. Уже в течение эпохи Средневековья, несмотря на то, что сам тюркский кочевой этнос со временем постепенно ушел с ведущих мест на арене мировой истории в Степном поясе Евразии, термин «тюрк» приобрел определенное расширительное значение и стал употребляться для обозначения не только самих древних тюрков, но и некоторых других тюркских племен и народов, говоривших на тюркских языках.

Из средневековых источников известно, что во главе тюркского племенного объединения в период образования государства находился правящий аристократический род, известный под названием «Ашина». Согласно тюркской генеалогической легенде этот род вел свое происхождение от легендарной прорадительницы – волчицы [Бичурин, 1950. С. 220–222]. Иногда современники называли древних тюрков «расой волков», их положение среди кочевых племен и народов нередко сравнивали с этими грозными хищниками в животном мире. «Волчья» символика получила определенное распространение среди воинской атрибутики древних тюрков. На своих боевых знаменах древние тюрки прикрепляли воинские навершия в виде позолоченных скульптурных волчьих голов [Худяков, 2007. С. 15].

В китайских летописных источниках сохранилось два, несколько отличающихся друг от друга, варианта древнетюркской генеалогической легенды о происхождении своего племени и правящего аристократического рода. Согласно одной из них непосредственные предки древних тюрков в прошлом проживали на побережье далекого «Западного моря». Они подверглись нападению и были истреблены жестокими врагами, которые истребили почти всех членов этого племени и сохранили жизнь только одному мальчику, у которого отрубили руки и ноги и бросили в болото умирать. Этого несчастного мальчика спасла от голодной смерти легендарная сердобольная волчица, которая не только его выкормила, спасла от голодной смерти, но даже и забеременела от него. Узнав, что мальчик выжил, враги снова пришли, нашли и убили его. Волчица сумела скрыться от же-

стоких врагов в отдаленной пещере в горах, расположенных к северу от Гоачана, где родила десять сыновей, один из которых был назван Ашина. В дальнейшем он стал вождем возродившегося племени, а его имя стал носить сам тюркский правящий род. В последующем, один из потомков основателя этого рода, по имени Асянь-шад, переселился со всем своим племенем на Алтай, где принял племенное название «Тюрк», которое подчинилось жужаням и стало изготавливать и поставлять в качестве дани для них железные изделия [Бичурин, 1950. С. 220–221].

Согласно другой версии тюркской генеалогической легенды, далекий предок тюрков происходил из владения Со, которое находилось к северу от земель, населенных хуннами. «Старейшина аймака назывался Апанбу. Их было 70 братьев. Первый назывался Ичжини-нишиду и родился от волчицы. Апанбу с прочими братьями был от природы глуп, почему весь Дом его был уничтожен. Нишиду имел сверхъестественные способности. Он мог вызывать ветер и дождь. Он имел двух жен, одна из которых была дочерью духа лета, другая – дочерью духа зимы. От первой жены у Ичжини-нишиду родилось четыре сына. Первый из них превратился в Ивиса – лебедя, второй под именем Цигу (Кыргыз), царствовал между реками Афу (Абакан) и Гянь (Енисей). Третий царствовал на реке Чуси, четвертый, старший сын по имени Надулу-шад, жил в горах Басычусиши. Его сородичи, потомки Апанбу, жили в горах, где были очень холодные росы. Надулу-шад «произвел теплоту», чем спас всех остальных сородичей, которые избрали его старейшиной и приняли название тюрк. Он имел десять жен. Его сын от младшей жены, Ашина, хотя был малолетним, смог опередить всех своих братьев и выше всех прыгнул на большое дерево. Поэтому братья признали его старейшиной под именем Асянь-шад» [Худяков, 2007. С. 16–17].

В дальнейшем, от легендарного правителя Асянь-шада, носившего знатный титул «шад», вел свое происхождение первый достоверно известный тюркский верховный правитель, который имел титул «ябгу» Туу, сыном и преемником которого стал основатель Первого Тюркского каганата Бумын, принявший титул «каган». Согласно, этой легендарной версии, представитель тюркского правящего рода Ашина, сын Ичжини-Нишиду, известный под своим именем, или, что более вероятно, под своим титулом «Цигу» – «Кыргыз», или, что более вероятно – «правитель кыргызов», управлял этим народом, вероятно, переселенным жужанями из Восточного Туркестана на земли, расположенные в междуречье рек Абакана и Енисея в Минусинской

котловине, подобно тому, как сами предки древних тюрков были переселены из Восточного Туркестана на территорию Алтая. Однако, из китайских источников известно, что еще со времени господства державы Хунну над кочевыми племенами Центральной Азии, управлять кыргызами был поставлен попавший в плен ханьский военачальник Ли Лин, потомки которого правили древними и средневековыми кыргызами вплоть до монгольского времени [Бичурин, 1950. С. 351–352]. Вероятно, правление «Цигу» из рода Ашина на землях Минусинской котловины не получило своего дальнейшего продолжения и со временем енисейскими кыргызами вновь стали управлять потомки Ли Лина.

По сведениям китайских летописей, предки древних тюрков были отдельным племенем в составе хуннов. Они образовывали отдельный аймак, известный «по прозванию Ашина» [Бичурин, 1950. С. 220]. По другим сведениям, предками тюрков были «смешанные ху» – «варвары – кочевники», из Пиньляна – пограничного района с китайской империей Хань, расположенного к западу от района Ордо-са [Кляшторный, 1965. С. 279]. В дальнейшем, они были вытеснены сяньбийцами на запад, в район Турфана, где тюркский предводитель Ашина и его братья женились на местных женщинах из Гаочана. В этот период на территории Восточного Туркестана проживало местное европеоидное население, говорившее на иранских и тохарских языках. Согласно мнению, высказанному в середине 1960-х годов известным тюркологом С.Г. Кляшторным, у древних тюрков сохранялась иранская титулатура правителей и само название своего правящего рода Ашина на сакском языке, которое он обозначил в предложенном переводе как «достойный, благородный» [Кляшторный, 1965. С. 280–281]. Однако, в дальнейшем, он предложил совсем по другому интерпретировать это же самое этническое наименование, как тюркский цветовой термин «кек» – «синий», или «голубой», входивший в состав тюркского этнонима «кек-тюрки», обе части которого объяснил как два самостоятельных термина «кеки» и «тюрки» [Кляшторный, 2003. С. 248]. Однако, с такой, довольно оригинальной трактовкой данного этнического термина, содержащейся в сочинении этого известного исследователя истории и культуры древних тюрков довольно трудно согласиться, поскольку цветковые обозначения иногда входят в состав некоторых этнонимов тюркских племен и народов. В качестве примера можно привести, как подобные цветковые обозначения входят в состав названий одного из подразделений в составе запад-

ных тюрок – тюргешей, которые разделялись на «сары-тюргешей» и «кара-тюргешей» – «желтых тюргешей» и «черных тюргешей».

Исследователи, неоднократно обращавшиеся к изучению тюркских генеалогических легенд, пытались уточнить места древнего обитания тюркского этноса. В свое время Н.А. Аристов высказал предположение, согласно которому упомянутое в одной из легенд «владение Со» находилось в долине реки Лебедь на северном Алтае. Поэтому, по его мнению, именно Алтай необходимо считать легендарной исторической прародиной древних тюрок [Аристов, 2003. С. 100–102].

Согласно предположению С.Г. Кляшторного, высказанному в середине 1960-х годов, «Западное море», упомянутое в одной из легенд, представляет собой современные озера Гашун-нор и Сого-нор, в которые впадает река Эдзин-гол, в пределах Внутренней Азии. Вероятно, в этом районе на рубеже эпохи поздней древности могли обитать предки древних тюрок, которых можно назвать «ранними тюрками», вплоть до времени своего последующей миграции на территорию Восточного Туркестана [Кляшторный, 1965. С. 278].

По одной из генеалогических легенд предки древних тюрок, которых можно назвать – «ранними тюрками», проживали на землях, находившихся западнее Западного моря. Они представляли собой отдельное кочевое племя в составе хуннского объединения и составляли особый аймак, известный «по прозванию Ашина» [Бичурин, 1950. С. 220]. По другим сведениям, предки древних тюрок представляли собой племена, состоявшие из «смешанных ху Пиньляна» – пограничного района с древней китайской империей Хань, расположенного на землях, лежащих западнее Ордоса [Кляшторный, 1965. С. 279]. Вероятно, предки древних тюрок, ранние тюрки, представляли собой древних кочевников – потомков хуннов, включивших в свой состав местные кочевые племена юэчжей, обитавших на местах своего древнего проживания.

В IV–V веках некоторые хуннские кочевые племена, населявшие отдельные пограничные районы с соседним Китаем, были оттеснены переселившимися на эти земли племенами древних монгольских кочевников – сяньбийцев, и были вынуждены мигрировать в западном направлении на земли Турфанского оазиса в Восточном Туркестане. В числе этих кочевых племен были предки древних тюрок, которых можно назвать «ранними тюрками», возглавляемые своим правящим аристократическим родом Ашина. Согласно одному из вариантов древнетюркских генеалогических легенд, легендарный первопредок тюрок Ашина и его братья, родившиеся от волчицы, в дальнейшем,

женились на женщинах из Гаочана [Худяков, 2007. С. 18]. В середине V в. предводитель «ранних тюрок» Ашина, находившийся во главе тюркского объединения, насчитывавшего пятьсот семей, был вынужден бежать подчиниться правителю государства жужаней. Вероятно, в дальнейшем, древние тюрки были поселены жужаньскими правителями на территории Алтая, где проживали в течение нескольких поколений. Они были обязаны производить железные изделия, в том числе, вероятно, железное оружие и поставлять изготовленные предметы в качестве дани жужаньским каганам.

Вероятно, в период проживания на территории Восточного Туркестана, в пределах современного Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая, в том числе в Турфанском оазисе, «ранние тюрки», возглавляемые правящим аристократическим родом Ашина, этнически и культурно «смешивались» с местным европеоидным тохарским, а также с ираноязычным, хотано-сакским, кочевым населением. Процесс межрасового и межкультурного смешения продолжился и после переселения «ранних тюрок» на территорию Алтая. Вполне возможно, что «ранние тюрки» восприняли у местного древнего кочевого населения Горного Алтая характерную для местных, горно-алтайских древних кочевников, носителей булан-кобинской культуры, характерную для них погребальную обрядность – совершение погребений взрослых людей по обряду ингумации в сопровождении, снаряженного конской сбруей, верхового коня, а также характерные черты поминальной обрядности – сооружение поминальных оградок из установленных на ребро каменных плит с вертикально установленными стелами и рядами каменных столбиков, которые в эпоху Средневековья стали известны под названием – «балбалов».

В течение последующей исторической эпохи раннего Средневековья подобные погребальные и поминальные обрядовые традиции были частично сохранены и в определенной степени развиты и трансформированы в культурах древних тюрок, в том числе у западных и восточных тюрок на территории Центральной и Средней Азии. У восточных тюрок данная традиция развилась в почитание, прежде всего, мужчин – воинов. У западных тюрок почитались и предки по женской линии [Шер, 1966. С. 26]. В дальнейшем данная традиция получила широкое распространение на большей части обширной территории Степного пояса Евразии в культурах восточных и западных кыпчаков в течение последующей исторической эпохи развитого Средневековья.

Список литературы

Аманжолов А. С. История и теория дреанетюркского письма. Алматы: Мектеп, 2003. 368 с.

Аристов Н. А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Труды по истории и этническому составу тюркских племен. Бишкек, 2003. 458 с.

Бернштам А. Н. Происхождение турок // Проблемы истории докапиталистических обществ. М.; Л. 1935. Вып. 5–6. С. 43–54.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. I. 381 с.

Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М.: Наука, 1967. 525 с.

Кляшторный С. Г. Проблемы ранней истории племени Турк (Ашина) // Новое в советской археологии. М.: Наука, 1965. С. 278–281.

Кляшторный С. Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб.: СПбГУ, 2003. 559 с.

Худяков Ю. С. Золотая волчья голова на боевых знаменах: Оружие и войны древних тюрков в степях Евразии. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007. 192 с.

Шер Я. А. Каменные изваяния Семиречья. М.; Л.: Наука, 1966. 139 с.

References

Amanzholov N. A. Zametki ob etnocheskom sostave tyurkskikh plemen i narodnostei i svedenia ob ikh chislennosti. In: Trudy po istorii i etnicheskomu sostavu tyurkskikh plemen. Bishkek, 2003, 458 p. (In Russ.)

Aristov N. A. Zametki ob etnicheskom sostave tyurkskikh plemen i narodnostei i svedeniya ob ikh chislennosti. In: Trudy po istorii i etnicheskomu sostavu tyurkskikh plemen. Bishkek, 2003, 458 p.

Bernshtam A. N. Proiskhozhdenie turok. In: Problemy istorii dokapitalisticheskikh obshchestv. M.;L., 1936, iss. 5–6, pp. 43–54. (In Russ.)

Bichurin M. Ya. Sobranie svedenii o narodakh, obitavshikh v Srednei Azii v drevnie vremena. Moscow; Leningrad, AS USSR Publ., 1950, iss. I, 381 p. (In Russ.)

Gumilev L. N. Drevnie tyurki. Moscow: Nauka, 1967, 525 p. (In Russ.)

Klyashtornyi S. G. Problemy rannei istorii plemeni Turk (Ashins). In Novoe v sovetskoi arkheologii. Moscow: Nauka, 1965, pp. 278–281. (In Russ.)

Klyashtorni S. G. Istoria Zentral'noi Azii i pamyatniki runicheskogo pis'ma. St. Petersburg: SPbSU, 2003, 559 p. (In Russ.)

Khudyakov Yu. S. Zolotaya volchia golova na boevykh znamenakh: oruzhie I boiny drevnikh tyurok v stepyakh Evrazii. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 2007, 192 p. (In Russ.)

Sher Ya. A. Kamennye izvayania Semirechia. Moscow; Leningrad: Nauka, 1966, 139 p. (In Russ.)

Материал поступил в редакцию

Received

20.08.2020

Информация об авторах / About the authors

Худяков Юлий Сергеевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН (пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия), профессор, Новосибирский государственный университет (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия)

Yuliy S. Khudyakov, Doctor of History, Leading Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation), Professor, Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

khudjakov@mail.ru

ORCID 0000-0002-4741-9971

Борисенко Алиса Юльевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории гуманитарных исследований, Новосибирский государственный университет (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия)

Alisa Yu. Borisenko, Candidate in History, Senior Researcher, Laboratory for humanities, Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

aborisenko2@mail.ru

ORCID 0000-0001-9558-5678

Две поясные накладки из погребений населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа: символизм и сакрализация деструкции

Н. Н. Головченко

*Алтайский государственный педагогический университет
Барнаул, Россия*

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению двух поясных накладок, происходящих из погребения два кургана восемь могильника Масляха-1, публикуется впервые, и могилы один кургана 15 некрополя Новотроицкое-1. Предлагаются гипотетические реконструкции обоих сохранившихся фрагментарно накладок, и их декора. На основе изучения топографического контекста обнаружения находок, и отсутствия их дополнительных элементов в исследованных комплексах автор приходит к выводу о возможном преднамеренном, ритуальном повреждении данных вещей. Анализ топографии предметного комплекса одежды в погребениях большереченской культурно-исторической общности предоставляет определенные свидетельства преднамеренного расстёгивания пояса на погребенном, что отражает форму обращения с вещью во время обряда перехода, которую можно определить как символическую или функциональную деструкцию. Отмеченное явление может быть рассмотрено с позиции изучения форм ситуационной сакрализации предметного комплекса одежды. Деструктивные манипуляции, производимые с поясом и его фурнитурой, имеют широкие семантические коннотации, и фиксируются как на археологических, так и на этнографических материалах. Символизм деструкции может быть рассмотрен с точки зрения отмеченной этнографами гипотезы «перевернутого мира», согласно которой, сломанная вещь, по аналогии с умершим человеком, получает новую жизнь в ином мире.

Ключевые слова

Верхнее Приобье, эпоха раннего железа, предметный комплекс одежды, поясные накладки, ситуационная сакрализация.

Для цитирования

Головченко Н. Н. Две поясные накладки из погребений населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа: символизм и сакрализация деструкции // *Universum Humanitarium*. 2020. № 2. С. 18–35

DOI

Two Belt Overlays from the Burials of the Upper Ob Region Population of the Early Iron Age: Symbolism and Sacralization of Destruction

N. N. Golovchenko

*Altai state pedagogical University
Barnaul, Russia*

Abstract

The article is devoted to the consideration of two belt overlays originating from the burial two mounds eight of the Maslyakha-1 burial ground, published for the first time, and the graves one of the 15 mound of the Novotroitskoe-1 necropolis. Offered a hypothetical reconstruction of both the surviving fragments of the plates and their decoration. Based on the study of the topographical context of the discovery of finds, and the absence of their additional elements in the studied complexes, the author comes to the conclusion about the possible deliberate, ritual damage to these things. The analysis of the topography of the subject clothing in burials Bolsherechenskaya cultural-historical community provides some evidence of the deliberate undoing the belt of the deceased that reflects the shape of the treatment thing during a rite of passage, which can be defined as symbolic or functional degradation. This phenomenon can be considered from the point of view of studying the forms of situational sacralization of the subject complex of clothing. Destructive manipulations made with the belt and its accessories have broad semantic connotations, and are fixed on both archaeological and ethnographic materials. The symbolism of destruction can be considered from the point of view of the «inverted world» hypothesis noted by ethnographers, according to which a broken thing, by analogy with a dead person, gets a new life in another world.

Keywords

Upper Ob region, Early Iron Age, subject complex of clothing, waist pads, situational sacralization.

For citation

*Golovchenko N. N. Two Belt Overlays from the Burials of the Upper Ob Region Population of the Early Iron Age: Symbolism and Sacralization of Destruction. Universum Humanitarium. 2020. No 2. P. 18–35
DOI*

Костяные и металлические накладки на пояса широко представлены в материалах погребальных памятников юга Западной Сибири. Проблемы их систематизации и интерпретации рассматривались в массе опубликованных работ [Боброва, Яковлев, 1994. С. 61–89; Троицкая, 1996. С. 154–162; Азбелев, 2009. С. 29–49; Варфоломеев, 2011. С. 315–325; Воробьева, 2010. С. 56–63; Добжанский, 1990; Дэвлет, 1980; Килуновская, Фролов, 2020. С. 126–139; Шульга, 2008]. Однако, неко-

торые вопросы символического обращения с ними все еще остаются перспективными для исследования. Выявлению практик подобных манипуляций с вещами, обнаруженными в погребальных памятниках большебереченской культурно-исторической общности Верхнего Приобья эпохи раннего железа, посвящена настоящая работа.

Материалы

Всего нам известно 64 поясные накладки, происходящие с территории Верхнего Приобья и датируемые эпохой раннего железа, часть из них (18) сохранилась фрагментарно. В качестве показательного примера остановимся на двух находках такого рода.

Первая фрагментированная поясная накладка была обнаружена в ходе работ Крутихинской археологической экспедиции Барнаульского государственного педагогического института 1982 года под руководством А. П. Уманского в нетронутom втором погребении кургана восемь могильника Масляха-1 в районе тазовых костей скелета взрослого мужчины.

Размеры находки составляют 2 x 11,5 см, ее отличительной чертой является наличие «веревочного» орнамента по кромке изделия и несколько отверстий, использовавшихся для фиксации накладки на ремне (рис. 1). Примечательно, что данная вещь оказалась единственным элементом поясной фурнитуры, выявленным в захоронении.

Материалы полевых исследований Масляхинских некрополей довольно полно опубликованы [Могильников, Уманский, 1982. С. 69–93; Уманский, Телегин, 1990. С. 96–99; Рыкун, 1997. С. 75–82], однако результаты работ на кургане восемь в доступных изданиях почему-то не отражены.

Первоначально, в полевом дневнике, хранящемся в архиве сектора археологии УНИЛ «Историческое краеведение» Алтайского государственного педагогического университета, находка была атрибутирована А. П. Уманским, как «костяной предмет с иззубренным краем». Позже, при описании коллекции Историко-краеведческого музея АЛТГПУ, экспонат был определен как накладка.

Здесь необходимо признать, что термин «накладка», применительно к данному изделию применим несколько условно. Вполне вероятно, характеризуемый элемент поясной фурнитуры некогда исполнял роль ременной пряжки. Однако, в таком случае придется допустить, что в погребение не была помещена не только оставшаяся часть, име-

ющейся пряжки, но и ее визави, пропущенными шнурками между которыми должен был фиксироваться поясной набор (рис. 1).

Отсутствие других изображений на накладке заставляет предполагать, что окантовочный узор был распространен, как минимум, на трех ее гранях из четырех. Подобный способ оформления экстерьера поясных накладок имеет некоторые условные параллели в искусстве скифо-сибирского мира, однако, там он, как правило, охватывает все границы изделия [Кубарев, 1987. Табл. XVI; Кубарев, 1991. Табл. XXVII; Молодин и др., 2003. Рис. 55; Чугунов и др., 2017. Табл. 144]. Вместе с тем, определенные аналогии отмеченному декоративному приему известны и в позднебронзовых материалах Верхнего Приобья, что, возможно, указывает на его традиционность для населения региона (схожий по стилистике «гребенчатый», «веревочный» декор известен как на поделках из бронзы, кости и рога [Матвеев, 1993. Табл. 18, 5], так и на керамике [Членова, 1994. Рис. 39]). Отсутствие окантовки на одной из сторон изделия придает ей несколько незавершенный вид, что может быть объяснено как преднамеренным умыслом, продиктованным соображениями культового характера, так и частным случаем осмысления и воспроизведения известного декора мастером изготовителем.

Вторая фрагментированная поясная накладка происходит из могилы один кургана 15 некрополя Новотроицкое-1, и будучи включенная в состав широко известного поясного набора и сохранившаяся на конгломерате тканей уже неоднократно публиковалась в печати [Могильников, Уманский, 1997. С. 119–124; Могильников, Уманский, 1999. С. 91–110; Шульга и др., 2009. С. 38–40; Головченко, 2017. С. 55–61; Лихачева, 2020. Рис. 90]. При этом, несмотря на широкое внимание к данному комплексу, именно эта накладка в рисунках к публикациям была представлена по-разному, вероятно, в силу того, что ей, как относительно непрезентабельной вещи, особого внимания исследователями не отводилось (рис. 2).

Выявлена накладка на тазовых костях скелета взрослого мужчины, и атрибутируется как украшение стрелкового пояса. «S-видный» узор, часть которого изображена на фрагменте изделия, имеет массу аналогии в материалах Большого Новоселовского, Большого Полтаковского курганов, курганах Аржан-2, Пазырык, могильника Даган-Тэли-1 и может быть гипотетически реконструирован, исходя из предполагаемой ширины ремня в 3–4 см (рис. 2) [Руденко, 1953. Табл. CXIX; Грач, 1980. Рис. 62, 1; Курочкин, 1992. Рис. 22; Чугунов и др., 2017. Табл. 49, 79]. Мотив S-видного сюжета, сохранявшийся в искусстве южно-сибирских кочевников на протяжении тысяче-

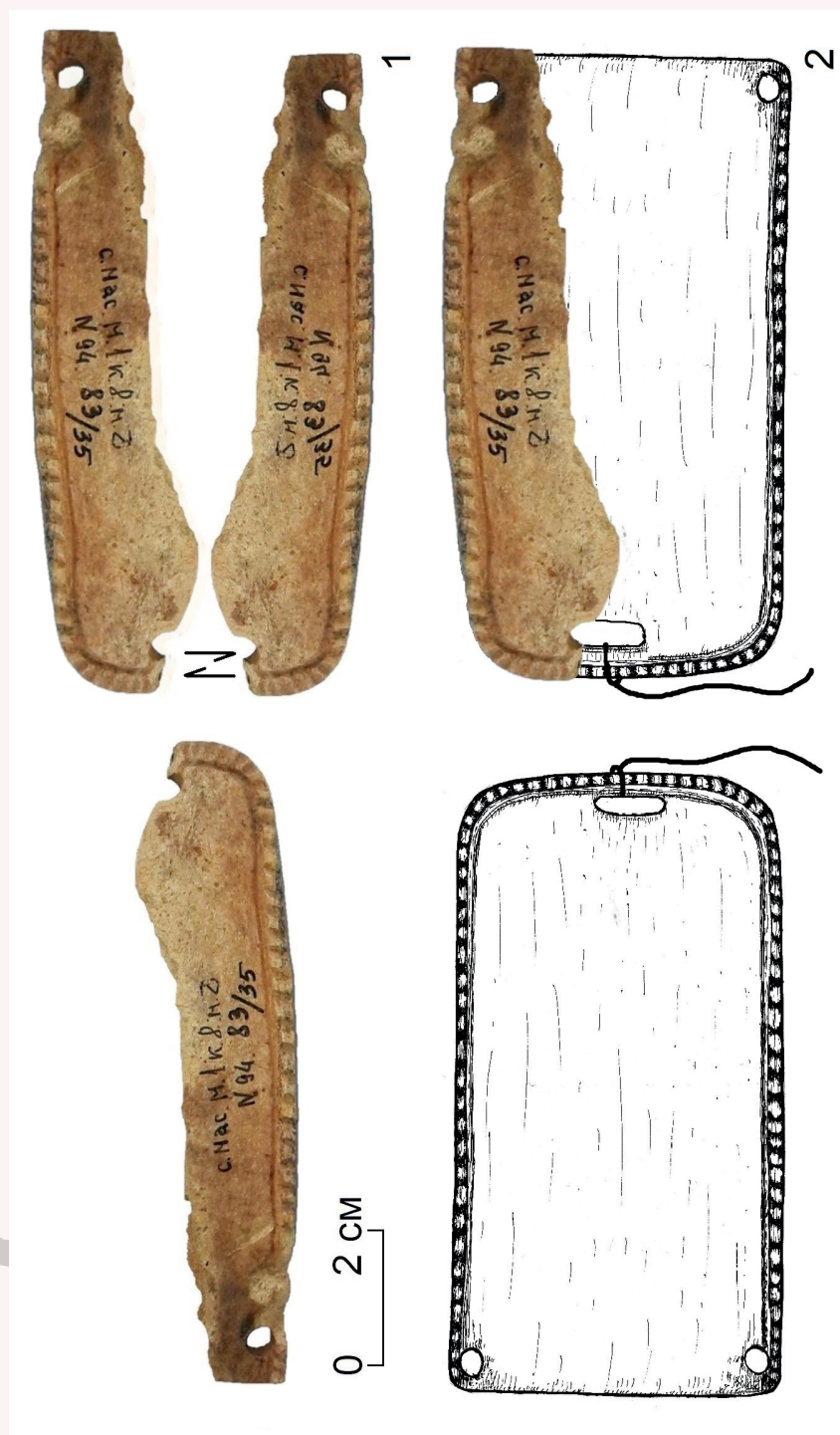

Рис. 1. Фрагмент поясной накладки из могилы 2 кургана 8 могильника Масляха-1: 1 – фото современного состояния предмета (фото Н.Н. Головченко); 2 – реконструкция накладки и способа ее использования.

Fig. 1. Fragment of a belt lining from grave 2 of the barrow 8 of the burial ground Maslyakha-1: 1 – photo of the current state of the item (photo by N.N. Golovchenko); 2 – reconstruction of the lining and how it is used

Рис. 2. Фрагмент поясной накладки из могилы 1 кургана 15 могильника Новотроицкое-1: 1 – прорисовка орнамента по современному состоянию предмета; 2 – прорисовка орнамента наклочки по изданию П. И. Шульга, А. П. Уманского и В. А. Могильникова [Шульга и др., 2009, Рис. 116, 4]; 3 – гипотетическая реконструкция орнамента.

Fig. 2. Fragment of a belt lining from grave 1 of the barrow 15 of the burial ground Novotroitskoe-1: 1 – drawing of the ornament according to the current state of the object; 2 – drawing of the ornament of the lining according to the publication of P.I. Shulga, A.P. Umansky and V.A. Mogilnikov [Shulga et al., 2009, Fig. 116, 4]; 3 – hypothetical reconstruction of the ornament.

тия, интерпретируется исследователями как сильно схематизированное изображение «гибкого, готового к прыжку и движению тела животного» [Савинов, 1984. С. 135–137]. Наличие на одном орнаментальном поле нескольких S-видных компонентов, вероятно, могло пониматься как стилизация известной в скифо-сибирском искусстве сцены борьбы («терзания»). Впрочем, сочетание различных плавно изгибающихся и разнонаправленных линий могло само по себе отвечать каким-то эстетическим представлениям населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа. В данном отношении описанную нами находку можно сопоставить с поясными блоком и пряжкой из кургана 19 могильника Новый Шарап-1 [Троицкая, Бородовский, 1994. Табл. XIX, 7–8] и рядом других предметов металлопластики из синхронных памятников центрально-азиатского региона [Кубарев, 1987. Табл. LX, LXXV; Кубарев, 1991. Табл. LI; Матющенко, Татаурова, 1997. Рис. 20, 27; Полосьмак, 1987. Рис. 59, 5; Троицкая, Бородовский, 1994. Рис. 19, 4; Фролов, 2008. Рис. 118, 4; Шульга, 2003. Рис. 58; Шульга, 2008. Рис. 60, III].

Рассмотренные находки значительно отличаются друг от друга, они выявлены в относительно синхронных памятниках на разных берегах Оби, изготовлены из различных материалов и несут на себе не схожий орнамент. Накладка из могильника Масляха-1 может быть отнесена к изделиям, изготовленным на территории Верхнего Приобья, в то время как новотроицкая, скорее всего, привозная. Выбор для специального рассмотрения именно этих двух находок определен рядом соображений контекстуального характера. Во-первых, обе они происходят из неразграбленных подкурганных мужских захоронений большереченской культурно-исторической общности. Во-вторых, обе накладки представлены одним фрагментом, остальные их составляющие в погребениях отсутствовали. Данные обстоятельства наводят на мысль о целенаправленном повреждении предметов, в момент, предшествующий их помещению в погребальные комплексы или же о сознательном использовании в качестве сопроводительного инвентаря вышедших из эксплуатации и недоделанных изделий. Символическая поломка – является одним из распространенных приемов ритуального обращения с вещами в процессе их событийной сакрализации в рамках отправления погребального обряда.

Интерпретация

Анализ топографии предметного комплекса одежды в погребениях большереченской культурно-исторической общности предо-

ставляет определенные свидетельства преднамеренного расстёгивания пояса на погребенном [Головченко, 2017. С. 55–61; Головченко, 2018. С. 61–68; Головченко, 2019. С. 21], что отражает форму обращения с вещью во время обряда перехода, которую можно определить как символическую или функциональную деструкцию. В. А. Могильников анализируя большебереченские материалы писал: «не исключено, что в погребения клали, как правило, пояса со снятыми пряжками в соответствии с канонами погребального ритуала». Также исследователь обращал внимание на то, что явление положения поясов в могилы без пряжек или части поясов без пряжек на Саяно-Алтае сохранялось до эпохи средневековья [Могильников, 1997. С. 71]. Подобные случаи намеренного искажения убора отмечались в специальной литературе при изучении погребальных памятников и ранее [Гмыря, 2015. С. 194–229]. Однако, наиболее представительные сообщения об обрядовой стороне рассматриваемого явления дает этнография народов Сибири и сопредельных территорий, о чем красноречиво свидетельствуют материалы издания «Украшения народов Сибири» Музея археологии и этнографии РАН. В частности, достаточно указать на специальную обобщающую статью Н. В. Ермоловой по поясам народов Северной Сибири и Дальнего Востока [Ермолова, 2006. С. 170–302].

О деструкции поясного набора и поясной одежды в погребальной обрядности хакасов сообщает В. А. Бурнаков [Бурнаков, 2009. С. 130], а селькупов – А. И. Боброва и Я. А. Яковлев [Боброва, Яковлев, 1994. С. 75–76]. Ряд деструктивных форм обращения с костюмом погребенного у сибирских шаманистов отмечает Е. С. Новик (обряжение в специальную одежду, нанесение на нее разрезом, срезание волос, переворачивание бляшек, противопоставление левого-правого и др. [Новик, 2004. С. 176]). При этом автор отмечает, что ремень и пояс являются традиционными и семантически насыщенными вещами. Ремень используется в качестве орудия для гадания [Новик, 2004. С. 87], а снятие пояса является одним из функциональных этапов некоторых праздничных игр [Новик, 2004. С. 212]. В определенных случаях ремень может считаться посредником между миром живых и миром духов, он же может является духом-помощником шамана [Новик, 2004. С. 134, 142].

Л. П. Потапов указывает на то, что для тувинцев традиционно ношение двух поясов, украшенных металлическими пряжками, бляшками-накладками и бусинами [Потапов, 1969. С. 215–216]. При этом фиксируется несколько типов женского пояса – веревочный и ленточный, но украшался металлическими пряжками пояс только у за-

мужних особ и у мужчин. Применительно к погребальной обрядности автор указывает, что пояс подкладывали под голову умершего (т.е. выводили из стандартного функционального состояния) [Потопов, 1969. С. 377].

Показательны сведения нганасанского шамана Дюхадие, сообщенные А. А. Поповым, согласно которым ремень может осмысляться как нить-дыхания, спускающаяся с верхнего мира к человеку и связывающая его с создателем мира [Попов, 1976. С. 32].

Известна семантическая близость погребального и свадебного обряда. В этом отношении любопытно описание якутской свадьбы, во время которой при вхождении в дом мужа на невесте развязывался пояс, приведенное И. А. Худяковым [Худяков, 1969. С. 166–174].

Особое отношение к поясам в рамках похоронно-поминальной обрядности отмечается и у финно-угорских народов Урало-Поволжья. В частности, Г. А. Корнишина сообщает о специфическом, способе подвязывания пояса, с правой стороны, а не с левой как это делают живые [Корнишина, 2017. С. 157–162].

Семантическая сторона помещения в погребальные комплексы преднамеренно сломанных (выведенных из функционального состояния) вещей в широкой перспективе на материалах этнографии приведена в работе А. Ш. Бодровой [Бодрова, 2009. С. 33–39].

В конечном счете, все многообразие деструктивных манипуляций, производимых с поясами, и их структурными элементами, вероятно, обусловлено верой в перевернутость иного мира. Возможно, люди верили, что в потустороннем мире жизнь устроена наоборот, разломанная вещь приобретает целостность.

Обсуждение

Ключевым аспектом изучения деструктивных манипуляций, осуществляемых с поясными наборами, мне представляется необходимость рассмотрения данного явления во всем его многообразии, достигающем до учета контекста индивидуальных находок в конкретных погребениях. В данном предположении я исхожу из того, что сакральная сфера, как правило, консервативней профанической, а внутреннее разнообразие – необходимое условие существования культуры.

Широко известна идея о том, что в культовых практиках массовые вещи обесцениваются, а единичные получают особое сакральное значение. В данном ключе качественное содержание приобретают не только описанные выше накладки, но и другие находки, имеющие

отношение к поясному набору и отражающие акты преднамеренной деструкции.

В свое время В.А. Могильников предположил, что пояса из кургана 19 Нового Шарапа-1 и погребения пять кургана 15 Камня-2 были армированы подпрямоугольными железными бляхами шириной 7–8 см [Могильников, Куйбышев, 1982. С. 117; Могильников, 1997. С. 72] и могут относиться к категории бронированных воинских ремней, бляшки которых играли не только роль своеобразного доспеха, но и служили специфическим элементом декора.

Аналогичные пластины были обнаружены в захоронениях могильников Казенная Заимка-1, Масляха-1, Ближние Елбаны-3, Ближние Елбаны-12, Фирсово-14, Бийск-1, Енисейское-4 [Лихачева, 2020. С. 204–205]. По мнению, В.Д. Кубарева, часть деревянных поясных пластин из пазырыкских курганов Уландрыка имитировала металлические пластины, а изображения «катафрактариев» есть на петроглифах Алтая [Кубарев, 1987. С. 78–79]. Вышеупомянутые изделия, происходящие из большереченских погребений, имеют достаточно плохую сохранность, обусловленную как процессами естественной коррозии, так, возможно, и действиями ритуального характера.

В недавно вышедшей книге «Вооружение и военное дело населения Лесостепного Алтая в раннем железном веке (VIII–I вв. до н.э.)» О. С. Лихачева поставила под сомнение возможность использования отдельных «защитных/панцирных» пластин в качестве элемента декора наборных поясов. В общем виде аргументация исследовательницы сводится к тому, что среди имеющихся находок «достаточно хорошо прослеживаются отдельные пластины, соединенные ламellarным способом бронирования» [Лихачева, 2020. С. 131]. Мне представляется, что сам по себе факт установления такого способа соединения пластин на поясе не отрицает их декоративного характера. Важно, что в погребальный комплекс был помещен не полноценный доспех, который реконструирует по нескольким имеющимся пластинам О. С. Лихачева [Лихачева, 2020. Рис. 84, 86, 91, 97, 100, 103], а его отдельные компоненты (выведенные из изначального функционального состояния, и лишь условно, в соответствии с принципом *pars pro toto*, намекающие на отношение к некой первоначальной своей целостности). Из материалов погребений точно не ясно, были ли эти пластины закреплены на поясах, возможно, в погребения помещались фрагменты доспеха. Допуская закрепление панцирных пластин на поясном наборе надо учитывать факт их повторного использования, которое также может быть рассмотрено с позиции изучения ситуационной сакрализации. К сожалению, вопросы, связанные с об-

рядовой стороной помещения в погребения вооружения, в том числе votивного и сломанного [Лихачева, 2020. С. 66], остались О. С. Лихачевой не рассмотренными.

Заключение

Подводя итог, отметим, что поясные накладки из могильников Масляха-1 и Новотроицкое-1 могут быть рассмотрены с позиции изучения явлений событийной сакрализации. Сакрализация деструктурированных вещей подтверждается разнообразностью ее форм – изъятием одной из парных или всех поясных пряжек, помещением в погребальные комплексы недоделанных или сломанных изделий, их фрагментов или votивов. При этом весь набор данных манипуляций проявляется не только применительно к предметному комплексу одежды, но и вооружению. Обе эти категории сопроводительного инвентаря населения большереченской культурно-исторической общности включают в себя вещи местного производства, адаптационные экземпляры и объекты транскультурного комплекса.

Символизм деструкции может быть рассмотрен с точки зрения отмеченной этнографами гипотезы «перевернутого мира», согласно которой, сломанная вещь, по аналогии с умершим человеком, получает новую жизнь в ином мире. С другой стороны, семантика деструкции может отражать некоторые элементы охранительной магии – сломанное оружие, чтобы покойник не мог навредить, сломанная поясная пряжка, чтобы он не мог подпоясаться и прийти к живым.

Выявить многообразие и поливариатизм явлений сакрализованной деструкции, а также символизм различных предметов, используемых населением Верхнего Приобья эпохи раннего железа во время погребальных ритуалов – задача будущих исследований.

Список литературы

Азбелев П. П. Таштыкский пояс // Древности Сибири и Центральной Азии. 2009. № 1–2 (13–14). С. 29–49.

Боброва А. И., Яковлев Я. А. К вопросу о роли и значении погребального инвентаря позднесредневекового населения Нарымского Приобья: пояс // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 1994. Вып. 2. С. 61–89.

Бодрова А. Ш. Семантика погребальной одежды народов Сибири в контексте мифологических представлений // Сибирский сборник-1:

Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. Книга 1. СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 33–39.

Бурнаков В. А. К вопросу о похоронной обрядности у хакасов // Сибирский сборник-1: Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. Книга 2. СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 126–136.

Варфоломеев В. В. Тасмолинское погребение с наборным поясом из могильника Тегисжол // Вопросы археологии Казахстана. 2011. Вып. 3. С. 315–325.

Воробьева С. Л. Поясные накладки с изображением грифона: к вопросу о происхождении и времени появления в лесостепи Приуралья // Уфимский археологический вестник. 2010. № 10. С. 56–63.

Гмыря Л. Б. Намеренное искажение убора женского костюма в погребальной практике кочевников Западного Прикаспия (по материалам Паласа-сыртского курганного могильника IV – V вв.) // Древние культы, обряды, ритуалы: памятники и практики. Зимовники: Зимовниковский краеведческий музей, 2015. С. 194–229.

Головченко Н. Н. Некоторые результаты предварительного технико-технологического анализа образцов тканей из некрополей Верхнего Приобья эпохи раннего железа // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, Филология. 2017. Т. 16. №3. С. 55–61.

Головченко Н. Н. Исследование и некоторые вопросы интерпретации фрагментов текстиля из кургана 15 некрополя Новотроицкое-1 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 2 (41). С. 61–68.

Головченко Н. Н. Предметный комплекс одежды населения Верхнеобского бассейна эпохи раннего железа: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2019. 25 с.

Грач А. Д. Древние кочевники в центре Азии. М.: Наука, 1980. 256 с.

Добжанский В. Н. Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск: НГУ, 1990. 164 с.

Дэвлет М. А. Сибирские поясные ажурные пластины II в. до н. э. – I в. н. э. // Археология СССР. САИ. Вып. Д4–7. М.: Наука, 1980. 67 с.

Ермолова Н. В. Пояса у народов Северной Сибири и Дальнего Востока // Украшения народов Сибири. СПб.: МАЭ РАН, 2006. С. 170–302.

Корнишина Г. А. Знаково-символические функции одежды в похоронно-поминальной обрядности финно-угорских народов Урало-Поволжья // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2017. № 4 (49). С. 157–162.

Кубарев В. Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск: Наука, 1987. 300 с.

Кубарев В. Д. Курганы Юстыда. Новосибирск: Наука, 1991. 190 с.

Курочкин Г. Н. Богатые курганы скифской знати на юге Сибири (Большой Новоселовский и Большой Полтаковский курганы) // Археологические изыскания. Вып. 7. СПб: Изд-во ИИМК, 1992. 94 с.

Лихачева О. С. Вооружение и военное дело населения Лесостепного Алтая в раннем железном веке (VIII–I вв. до н.э.). Барнаул: Изд-во ИП Колмогоров И.А., 2020. 304 с.

Матвеев А. В. Ирменская культура в лесостепном Приобье. Новосибирск: изд-во НГУ, 1993. 182 с.

Матющенко В. И., Татаурова Л. В. Могильник Сидоровка в Омском Прииртышье. Новосибирск: Наука, 1997. 198 с.

Могильников В. А., Уманский А. П. Курганы Масляха 1 и 2 по раскопкам 1979 г. // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1982. С. 69–93.

Могильников В. А., Куйбышев А. В. Курганы «Камень-II» (Верхнее Приобье) по раскопкам 1976 г. // Советская археология. 1982. № 2. С. 179–185.

Могильников В. А., Уманский А. П. Предметы поясного набора с зооморфным декором из Новотроицких курганов // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: материалы научно-практической конференции. 1997. Вып. 8. С. 119–124.

Могильников В. А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н.э. М.: Наука, 1997. 195 с.

Могильников В. А., Уманский А. П. Новотроицкое I, курган 15 и хронология некоторых вещей Южной Сибири середины – третьей четверти I тысячелетия до н.э. // Вопросы археологии и истории Южной Сибири: сборник статей к 75-летию со дня рождения доктора исторических наук, профессора А.П. Уманского. Барнаул: Изд-во БГПИ, 1999. С. 91–110.

Молодин В. И., Воевода М. И., Чикишева Т. А., Ромащенко А.Г., Полосьмак Н.В., Шульгина Е.О., Нефедова М.В., Куликов И.В., Дамба Л.Д., Губина М.А., Кобзев В.Ф. Население Горного Алтая в эпоху раннего железного века как этнокультурный феномен: происхождение, генезис, исторические судьбы (по данным археологии, антропологии и генетики). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. 286 с.

Новик Е. С. Обряд и фольклор в сибирском шаманизме: Опыт сопоставления структур. М.: Восточная литература, 2004. 304 с.

Полосьмак Н. В. Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск: Наука, 1987. 126 с.

Попов А. А. Душа и смерть по воззрениям нганасанов // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л.: Наука, 1976. С. 31–43.

Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.-Л.: Наука, 1953. 402 с.

Рыкун М. П. К антропологии населения лесостепного Алтая в эпоху раннего железа (по материалам могильников Масляха 1, 2) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 1997. № 1. С. 75–82.

Савинов Д. Г. Об одной традиции в искусстве звериного стиля (К вопросу о местном компоненте) // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология. Новосибирск: Наука, 1984. С. 135–137.

Троицкая Т. Н., Бородовский А. П. Большереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск: Наука, 1994. 184 с.

Троицкая Т. Н. Местные пояса населения верхнеобской культуры // Археология, антропология и этнография Сибири (сборник памяти А. Р. Кима). Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1996. С. 154–162.

Уманский А. П., Телегин А. Н. Аварийные исследования могильника Масляха-2 // Охрана и исследование археологических памятников Алтая. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1990. С. 96–99.

Худяков И. А. Краткое описание Верхоянского округа. Л.: Наука, 1969. 340 с.

Членова Н. Л. Памятники конца эпохи бронзы Западной Сибири. М.: Наука, 1994. 170 с.

Чугунов К. В., Парцингер Г., Наглер А. Царский курган скифского времени Аржан-2 в Туве. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. 500 с.

Шульга П. И. Могильник скифского времени Локоть-4а. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2003. 204 с.

Шульга П. И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Ч. I: Раннескифское время. Барнаул: Азбука, 2008. 276 с.

Шульга П. И., Уманский А. П., Могильников В. А. Новотроицкий некрополь. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2009. 329 с.

References

Azbelev P. P. Tashtytskii poyas. *Drevnosti Sibiri i Central'noj Azii*, 2009, № 1–2 (13–14), pp. 29–49. (in Russ).

Bobrova A. I., Yakovlev Ya. A. K voprosu o roli i znachenii pogrebal'nogo inventarya pozdnesrednevekovogo naseleniya Narymskogo Priob'ya: poyas. *Kuzneczkaya starina*. Novokuzneczk, 1994, No. 2, pp. 61–89. (in Russ).

Bodrova A. Sh. Semantika pogrebal'noi odezhdy narodov Sibiri v kontekste mifologicheskikh predstavlenii. In: *Sibirskii sbornik-1: Pogrebal'nyi obryad narodov Sibiri i sopredel'nykh territorii. Kniga I.* St. Petersburg, MAE RAN, 2009, pp. 33–39. (in Russ).

Burnakov V. A. K voprosu o pokhoronnoi obryadnosti u khakasov. In: *Sibirskii sbornik-1: Pogrebal'nyi obryad narodov Sibiri i sopredel'nykh territorii. Kniga 2.* St. Petersburg, MAE RAN, 2009, pp. 126–136. (in Russ).

Chlenova N. L. Pamyatniki koncza epokkhi bronzy Zapadnoi Sibiri. Moscow: Nauka, 1994, 170 p. (in Russ).

Chugunov K. V., Parcinger G., Nagler A. Czarskii kurgan skifskogo vremeni Arzhan-2 v Tuve. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017, 500 p. (in Russ).

Devlet M. A. Sibirskie poyasnye azhurnye plastiny II v. do n. e'. – I v. n. e'. *Arkheologiya SSSR, SAI.* Moscow: Nauka, 1980, No. D4–7, 67 p. (in Russ).

Dobzhanskii V. N. Nabornye poyasa kochevnikov Azii. Novosibirsk: NSU Publ., 1990, 164 p. (in Russ).

Ermolova N. V. Poyasa u narodov Severnoi Sibiri i Dal'nego Vostoka. In: *Ukrasheniya narodov Sibiri.* St. Petersburg, MAE RAN, 2006, pp. 170–302. (in Russ).

Gmyrya L. B. Namerennoe iskazhenie ubora zhenskogo kostyuma v pogrebal'noi praktike kochevnikov Zapadnogo Prikaspiya (po materialam Palasa-syrtskogo kurgannogo mogil'nika IV–V vv.). In: *Drevnie kul'ty, obryady, ritualy: pamyatniki i praktiki. Zimovniki: Zimovnikovskii kraevedcheskii muzei,* 2015, pp. 194–229. (in Russ).

Golovchenko N. N. Research and some issues of interpretation of fragments of textiles from the mound 15 of the necropolis of Novotroitskoye-1. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii,* 2018, No 2 (41), pp. 61–68. (in Russ)

Golovchenko N. N. On Results of the Preliminary Technical and Technological Analysis of Tissue Samples from the Necropolis of the Upper Ob Dated Early Iron Age. *Vestnik NSU. Series: History and Philology.* 2017, Vol. 16, No 3: Series: History and Philology, pp. 55–61. (in Russ).

Golovchenko N. N. Predmetnyi kompleks odezhdy naseleniya Verkhneobskogo bassejna epokhi rannego zheleza: Avtoref. diss. ... kand. ist. nauk. Novosibirsk, 2019, 25 p. (in Russ).

Grach A. D. Drevnie kochevniki v centre Azii. Moscow: Nauka, 1980, 256 p. (in Russ).

Khudyakov I. A. Kratkoe opisanie Verkhoyanskogo okruga. Leningrad: Nauka, 1969, 340 p. (in Russ).

Kornishina G. A. Sign-Symbolic Function of Clothing in the Funeral Rites of Finno-Ugric Peoples of Ural-Volga Region. *Surgut State Pedagogical University Bulletin*, 2017, No 4 (49), pp. 157–162. (in Russ).

Kubarev V. D. Kurgany Yustyda. Novosibirsk: Nauka, 1991, 190 p. (in Russ).

Kubarev V.D. Kurgany Ulandryka. Novosibirsk: Nauka, 1987, 300 p. (in Russ).

Kurochkin G. N. Bogatye kurgany skifskoi znati na yuge Sibiri (Bol'shoi Novoselovskii i Bol'shoi Poltavovskii kurgany). *Arkheologicheskie izyskaniya*, St. Petersburg, IIMK Publ., 1992, No. 7, 94 p. (in Russ).

Likhacheva O. S. Vooruzhenie i voennoe delo naseleniya Lesostepnogo Altaya v rannem zheleznom veke (VIII–I vv. do n.e.). Barnaul: IP Kolmogorov I.A. Publ., 2020, 304 p. (in Russ).

Matveev A. V. Irmenskaya kul'tura v lesostepnom Priob'e. Novosibirsk: NSU Publ., 1993, 182 p. (in Russ).

Matyushhenko V. I., Tataurova L. V. Mogil'nik Sidorovka v Omskom Priirtysh'e. Novosibirsk: Nauka, 1997, 198 p. (in Russ).

Mogilnikov V. A. Naselenie Verkhnego Priob'ya v seredine – vtoroj polovine I tysyacheletiya do n.e. Moscow: Nauka, 1997, 195 p. (in Russ).

Mogilnikov V. A., Kujbyshev A. V. Kurgany «Kamen'-II» (Verkhnee Priob'e) po raskopkam 1976 g. *Sovetskaya arxeologiya*, 1982, No 2, pp. 179–185. (in Russ).

Mogilnikov V. A., Umanskii A. P. Kurgany Maslyaxa 1 i 2 po raskopkam 1979 g. In: *Voprosy arkheologii Altaya i Zapadnoi Sibiri epokhi metal-la*. Barnaul: AltSU Publ., 1982, pp. 69–93. (in Russ).

Mogilnikov V. A., Umanskii A. P. Novotroiczkoe I, kurgan 15 i khronologiya nekotorykh veshhei Yuzhnoi Sibiri serediny – tret'ej chetverti I tysyacheletiya do n.e. In: *Voprosy arkheologii i istorii Yuzhnoi Sibiri: sbornik statei k 75-letiyu so dnya rozhdeniya doktora istoricheskikh nauk, professora A. P. Umanskogo*. Barnaul: BGPI Publ., 1999, pp. 91–110. (in Russ).

Mogilnikov V. A., Umanskii A. P. Predmety poyasnogo nabora s zoomorfnyim dekorom iz Novotroiczkikh kurganov. In: *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraya: materialy nauchno-prakticheskoi konferencii*, 1997, No. 8, pp. 119–124. (in Russ).

Molodin V.I., Voevoda M.I., Chikisheva T.A., Romashchenko A.G., Polosmak N.V., Shulgina E.O., Nefedova M.V., Kulikov I.V., Damba L.D., Gubina M.A., Kobzev V.F. Naselenie Gornogo Altaya v epokhu rannego zheleznogo veka kak etnokul'turnyi fenomen: proiskhozhdenie,

genezis, istoricheskie sud'by (po dannym arxeologii, antropologii i genetiki). Novosibirsk: SB RAS Publ., 2003, 286 p. (in Russ).

Novik E. S. Obryad i fol'klor v sibirskom shamanizme: Opyt сопоставления структур. Moscow: Vostochnaya literatura, 2004, 304 p. (in Russ).

Polosmak N. V. Baraba v epokhu rannego zheleza. Novosibirsk: Nauka, 1987, 126 p. (in Russ).

Popov A. A. Dusha i smert' po vozzreniyam nganasanov. In: Priroda i chelovek v religioznykh predstavleniyakh narodov Sibiri i Severa, Leningrad: Nauka, 1976, pp. 31–43. (in Russ).

Rudenko S. I. Kul'tura naseleniya Gornogo Altaya v skifskoe vremya. Moscow, Leningrad: Nauka, 1953, 402 p. (in Russ).

Rykun M. P. K antropologii naseleniya lesostepnogo Altaya v epokhu rannego zheleza (po materialam mogil'nikov Maslyakha 1, 2). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 1997, No 1, pp. 75–82. (in Russ).

Savinov D. G. Ob odnoi tradicii v iskusstve zverinogo stilya (K voprosu o mestnom komponente). In: Skifo-sibirskii mir. Iskusstvo i ideologiya. Novosibirsk: Nauka, 1984, pp. 135–137. (in Russ).

Shulga P. I. Mogil'nik skifskogo vremeni Lokot'-4a. Barnaul: AltSU Publ., 2003, 204 p. (in Russ).

Shulga P. I. Snaryazhenie verkhovoi loshadi i voinskie poyasa na Altae. Ch. I: Ranneskifskoe vremya. Barnaul: Azbuka, 2008, 276 p. (in Russ).

Shulga P. I., Umanskii A. P., Mogil'nikov V. A. Novotroiczkii nekropol'. Barnaul: AltSU Publ., 2009, 329 p. (in Russ).

Troiczkaya T. N. Mestnye poyasa naseleniya verkhneobskoi kul'tury. In: Arkheologiya, antropologiya i etnografiya Sibiri (sbornik pamyati A.R. Kima). Barnaul: Izd-vo AltGU, 1996, pp. 154–162. (in Russ).

Troiczkaya T. N., Borodovskii A. P. Bol'sherechenskaya kul'tura lesostepnogo Priob'ya. Novosibirsk: Nauka, 1994, 184 p. (in Russ).

Umanskii A. P., Telegin A. N. Avarijnye issledovaniya mogil'nika Maslyakha-2. In: Okhrana i issledovanie arkheologicheskikh pamyatnikov Altaya. Barnaul: AltSU Publ., 1990, pp. 96–99. (in Russ).

Varfolomeev V. V. Tasmolinskoe pogrebenie s nabornym poyasom iz mogil'nika Tegiszhol. *Voprosy arheologii Kazahstana*, 2011, No. 3, pp. 315–325. (in Russ).

Vorobieva S. L. Poyasnye nakladki s izobrazheniem grifona: k voprosu o proiskhozhdenii i vremeni poyavleniya v lesostepi Priural'ya. *Ufimskii arkheologicheskii vestnik*, 2010, No 10, pp. 56–63. (in Russ).

Материал поступил в редакцию
Received
08.08.2020

Информация об авторе / About the author

Головченко Николай Николаевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры отечественной истории, Алтайский государственный педагогический университет (г. Барнаул, ул. Молодежная 55, 656031, Россия)

Nikolay Nikolayevich Golovchenko, Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer of the Department of National History, Altai State Pedagogical University (55 Molodezhnaya st., Barnaul 656031, Russia),

nikolai.golowchenko@yandex.ru

+7-913-093-48-14

ORCID 0000-0002-1498-0367

Уникальный карабахский ковер «Гасымушагы»: происхождение, символизм и особенности дизайна

Ибрагимов Т. И.

*Институт Архитектуры и Искусства НАНА
Баку, Азербайджан*

Аннотация

В статье исследуются вопросы происхождения, символизма и особенностей дизайна редкого карабахского ковра «Гасымушагы». Название ковра отражает традиционное название территории жизненного ареала карабахских племен с самоназванием «Гасымушагы», что в переводе означает «Дети/потомки Гасыма». Уникальность ковра обусловлена его «родством» со знаменитыми «драконовыми» коврами Карабаха. В статье прослежена эволюция ковра «Гасымушагы» от «драконовых» ковров сефевидской эпохи – до ковров конца первой четверти XX века. Анализ художественных и типологических особенностей дизайна ковра позволил констатировать его «генетическую» связь с «драконовыми» коврами Карабаха а также, с поздними коврами из исторических регионов Азербайджана - Ширван, Казах, Куба. Основные мотивы ковра имеют неоспоримые параллели с мотивами азербайджанских ковров из этих регионов. Типологически узнаваемым мотивом ковра «Гасымушаги» является крестовидный центральный медальон(гель), от которого вверх и вниз отходят парные «рукава» («Гол»), содержащие мотив вьющегося растения с мелкими цветами. Ткачихи этого ковра условно этот мотив «паук». Центральное поле ковра с розеткой оставалось узнаваемым на протяжении столетий. Кайма ковров «Гасымушаги» имеет несколько вариантов, идентичных декоративным каймам не только карабахских, но и ширванских, казахских ковров.

Ключевые слова

Кавказский ковер, Гасымушагы, Карабахский ковер, Южный Кавказ, Сефевиды, Тебриз, Драконовый ковер, Азербайджанский ковер.

Для цитирования

Ибрагимов Т. И. Уникальный карабахский ковер «Гасымушагы»: происхождение, символизм и особенности дизайна // *Universum Humanitarium*. 2020. № 2. С. 36–54

DOI

Unique Karabakh Carpet "Gasimushagi": Origin, Symbolism and Design Features

T. I. Ibrahimov

*Institute of Architecture and Art ANAS
Baku, Azerbaijan*

Abstract

The article examines the issues of origin, symbolism and design features of the rare Karabakh carpet "Gasimushagi". The name of the carpet reflects the traditional name of the territory of the life area of the Karabakh tribes with the self-name "Gasimushagy", which means "Children / descendants of Gasim". The uniqueness of the carpet is due to its "relationship" with the famous "dragon" carpets of Karabakh. The article traces the evolution of the "Gasimushagi" carpet from "dragon" carpets of the Safavid era – to carpets of the end of the first quarter of the 20th century. The analysis of artistic and typological samples of design carpets made it possible to state its "genetic" connection with the "dragon" carpets of Karabakh, as well as late carpets from the regions of Azerbaijan – Shirvan, Kazakh, Cuba. The main motives of the carpet have undeniable parallels with the motives of Azerbaijani carpets from these regions. The typologically recognizable motif of the "Gasimushagi" carpet is the famous central medallion (rosette), from which paired "sleeves" ("Gol"), containing the motif of climbing plants with small flowers, extend up and down. The weavers of this carpet conditionally have this motif "spider". The central field of the rosette carpet has remained recognizable for over a century. The border of the "Gasimushagi" carpets has several options, which are identical to the decorative borders of not only Karabakh, but also Shirvan and Kazakh carpets.

Keywords

Karabakh carpet, Gasimushagi, Dragon carpets, Safavid carpets, Azerbaijan carpet, South Caucasus.

For citation

Ibrahimov T.I. Unique Karabakh Carpet "Gasimushagi": Origin, Symbolism and Design Features. Universum Humanitarium. 2020. No 2. P. 36–54

DOI

Введение

Карабахские ковры Южного Кавказа отличаются присущим им оригинальным художественно-техническим и символическим содержанием. Оригинальностью «художественного языка» и богатством символизма выделяются среди них Карабахские ковры, содержащие в своей «генетической памяти» родство с мотивами, присущими многим азербайджанским коврам.

Одним из самых узнаваемых ковров карабахской группы является ковер «Гасымушагы» с его необычным и запоминающимся дизайном. Особенности дизайна и орнаментальных мотивов ковра оставались стабильными на протяжении длительного времени и этот фактор позволяют говорить о глубокой устойчивости традиций в создании этих ковров [Керимов, 1983. С. 221].

Основные мотивы, образующие своеобразие ковра «Гасымушагы» – это центральный медальон и «отходящие» от него наверх и вниз парные «S»-образные «рукава», которые ткачи этих ковров традиционно называли «*аг-гол*» («белый рукав») (рис. 6).

В отличие от центрального медальона, характеризующегося стабильностью дизайна, основная и малая каймы имеют много вариантов, встречающихся не только в карабахских, но и в коврах Ширвана, Кубы и Казаха.

Ковры Гасымушагы относятся к Джебраильской подгруппе карабахских ковров, на которые оказали сильное влияние традиции тебризского ковроткачества. Это влияние обусловлено тем, что Джебраильский регион Карабаха граничит (через реку Аракс) с Южным (Иранским) Азербайджаном. Через Джебраил, караванный маршрут веками соединял горный и равнинный Карабах с Южно-Азербайджанскими городами Тебриз, Хой, Урмия, Ардебиль, и др.

Кроме Джебраильской подгруппы, в карабахскую группу ковров входит Шушинская подгруппа, охватывающая нагорную часть Карабаха и подгруппа Низменного Карабаха с культурным и ремесленным центром в городе Барда [Мурадов, 2011. С. 30].

Надо отметить, что вся система декора ковра «Гасымушагы» образована из различных растительных и цветочных мотивов, что является характерной чертой и тебризских и карабахских ковров [Абдуллаева, 1971. С. 47]. Богатая флора Карабаха оказала влияние на ковровое ремесло этого региона, в котором легко узнаются стилизованные мотивы местных растений, цветов, плодов и ягод (рис.3).

Некоторые Западные эксперты восточных ковров, в своих классификациях, включают ковры «Гасымушагы» в группу так называемых «драконовых» ковров (по азербайджански – «*Аждахалы*») [Maurizio, 1996. С. 128]. Общность и родство ковров «Гасымушагы» и знаменитых «драконовых» ковров Карабаха – неоспорима. Их отличие в том, что драконовые ковры, так до конца и остались элитным продуктом дворцовых мастерских (кархане). Тогда как, ковры «Гасымушагы» получили широкое распространение в народном ремесле ковроткачества.

Основная часть

Возникновение и формирование художественных особенностей дизайна ковров «Гасимушагы» приходится на вторую половину XVIII века – период возникновения феодальных ханств в кавказской провинции бывшей Сефевидской Империи. Одним из таких ханств было Карабахское, имевшее Нагорные и Низменные регионы.

Утрата экономических и культурных связей между Кавказским и Иранским Азербайджаном, в результате феодальной раздробленности стала причиной обособления коврового ремесла Карабаха и появления в нем новых тенденций развития. На первоначальном этапе, резко уменьшилось производство больших дворцовых ковров, которые раньше изготавливались и поставлялись в сефевидские дворцы Иранского Азербайджана. Уменьшилось и количество ковров, поступающих в Карабах по караванными маршрутам из крупных ковровых рынков Тебриза, Мараги, Ардебиля и других городов Иранского Азербайджана. Обрыв торгово-экономических и культурных связей между Кавказским и Иранским Азербайджаном отрицательно сказался на развитии коврового ремесла не только в Карабахе, но и других ремесленных центрах Кавказского Азербайджана.

В результате феодальных войн, периодически происходивших между феодальными ханствами, стали исчезать и внутренние торговые и ремесленные связи между Карабахом, Гянджой, Газахом, Араном, Ширваном, Муганью и другими регионами некогда единого Сефевидского государства. Из-за нарушения культурного и художественного обмена, подпитывавшего традиции коврового ремесла, карабахским ткачам приходилось все чаще и чаще разрабатывать новые, местные дизайны и украшать их новыми мотивами.

С конца XVIII века старинные дизайны больших дворцовых ковров сефевидской эпохи стали упрощаться в Карабахе и приобретать новые художественные особенности. Стали возникать и формироваться новые художественные традиции ремесла ковроделия у различных племен и кланов, проживавших в Карабахе.

Одним из таких племен, создавших свой собственный, традиционный ковровый дизайн было племя, именовавшее себя «Гасимушагы». Племя исторически проживало в горной части Карабаха (современный Лачинский район Карабаха).

Племя Гасимушагы, происходившее из Киркукских тюркменов, считало своим первопредком мифического тотема (пир) Гасым. Члены племени называли себя детьми Гара Гасыма (Дети черного Гасы-

ма). Отсюда и появилось название «Гасымушагы», что буквально означает «Дети/потомки Гасыма» [Ibrahimov, 2019. С. 101].

Разрастаясь, племя основывало все новые и новые деревни, среди которых: Шамкенд, Кюрдхаджи, Чорман, Шалва, Арикли, Пиче-ниш и др. В последствии, все эти родственные деревни составили этно-территориальный конгломерат поселений, который стал называться «Гасымушагы обасы» (ареал расселения племени Гасымушагы [Tribal Land]). Этническая и географическая общность проживания различных кланов одного и того же племени, обусловили появление и общего названия для ковров, тканных в деревнях этого Tribal Land.

Основным фактором в создании нового дизайна ковра «Гасымушагы» было творческое обновление традиций и мотивов классических ковров сефевидской эпохи. В дворцовых, сефевидских коврах можно встретить ранние варианты основных орнаментальных мотивов, которые позже превратятся в канонизированные мотивы ковра «Гасымушагы».

Прототип основного канонизированного мотива ковра «Гасымушагы» существовал еще в «драконовых» коврах, сотканных в Карабахе в сефевидскую эпоху в конце XVII столетия (рис. 1). В тех коврах, прототип знаменитого мотива ковра «Гасымушагы» – «*аг гол*» («белый рукав») участвует в качестве элемента дизайна сетчатого мотива ковров. В них, прототипы белых продолговатых «рукавов» ковра «Гасымушагы» имеют откровенную растительную природу. Соединяясь с черными листьями, белые листья участвуют в образовании общей решетчатой структуры среднего поля «драконовых» ковров. Ромбической формы ячейки, образованные белыми и черными листьями, содержат геральдические, парные изображения драконов. Решетчатый дизайн сефевидских «драконовых» ковров известен в Азербайджане еще под одним, старым названием «Хатаи».

Мотив вьющегося растения с мелким цветами и колючими шипами контрастно смотрится на белом фоне длинных колючих листьев, образующих ромбической формы ячейки сетчатого мотива. Образованная из соединяющихся белых и черных листьев решетка символизирует магическую сеть и мистический, непроходимый, заколдованный лес, в котором живут драконы. Эти драконы оберегают магическую «защитную сеть» и приносят удачу. Мотив «белый рукав» в коврах «Гасымушагы» является геометризованной имитацией этих белых листьев из сетчатого дизайна тех самых «драконовых» ковров (рис.2).

Рис. 1. «Драконовый» ковер. Шуша. Карабах. Нач. XVIII в. Музей Искусств, Филадельфия, США.

Fig. 1 Dragon carpet. Shusha. Karabakh. Beginning of the 18th century. Philadelphia Museum of Art, USA.

Рис. 2. «Драконовый» ковер. Сафавидский период. XVII в.
Музей Метрополитен, США.

Fig. 2 Dragon carpet. Safavid period. 17th century. Metropolitan Museum of Art, USA.

Начиная со второй половины XVIII века, сначала в вышивках, а позже и в коврах «Гасимушагы», происходит фрагментация сложного дизайна сефевидских «драконовых» ковров. Причина этого была в том, что к этому времени перестали поступать заказы на создание крупных и роскошных ковров для украшения дворцов сефевидской знати. Уменьшение размеров и упрощение дизайна ковров для личных нужд осуществлялось за счет фрагментации и упрощения общего дизайна. Ткался уже не весь ковер, а один или два его фрагмента. Простое ограничение фрагмента декоративной каймой придавало новому коврау завершённый и цельный вид. Так, сложные сетчатые дизайны сефевидских «драконовых» ковров, постепенно превращались в медальонные дизайны местных ковров (рис. 10).

Рис. 3. Фрагмент «Драконового» ковра. XVIII в. Частная коллекция, США.

Fig. 3 Fragment of the Dragon carpet. 18th century. Private collection, USA.

Распад централизованного Сефевидского государства и превращение его бывшей Карабахской провинции в самостоятельное феодальное государство привело к тому, что заказчиками ковров становятся представители средних сословий. В сефевидской эпохе основными заказчиками ковров были представители дворцовой аристократии. Смена заказчиков повлияла не только на размеры ковров, но и на богатство декора и качество материалов. Кроме того, технические рисунки ковров теперь уже, создавались не профессиональными дворцовыми художниками, а народными мастерами и непосредственно ткачами. Все это не могло не влиять на художественно-технический уровень ковров.

Ранний этап создания и формирования нового дизайна ковра «Гасымушагы» нагляднее всего отражают народные вышивки, созданные в «Tribal Land Гасымушагы». В самых ранних экземплярах этих вышивок известный нам мотив «*аг гол*» («белый рукав»), как и в «драконовых» коврах сефевидского периода, все еще остается элементом сетчатого дизайна. Вместе с тем, уже в них мотив сефевидского «дракона» заменен растительным медальоном. В результате такой творческой переработки старый тебризский дизайн приобрел новую худо-

Рис. 4. «Драконовый» ковер». Конец XVIII в. Берлин. Музей Кайзера Фридриха, Германия.

Fig. 4 Dragon carpet. End of the 18th century. Kaiser Friedrich Museum, Berlin, Germany.

жественную интерпретацию – сначала в народных вышивках, а затем и в местных коврах [Boralevi, 2017. С. 40].

Центральный медальон ковра «Гасымушагы» вместе с примыкающими к нему мотивами «*аг гол*» («белый рукав») образует основной мотив центрального поля ковра. Дизайн медальона имеет очевидное растительное (цветочное) происхождение. Однако, старые ткачи называли его «паук» и «*аждаха*» («дракон») [Абдуллаева, 1971. С. 47].

Рис. 5. Ковер с «Драконьим» дизайном. Конец XIX в. Частная коллекция, США.

Fig. 5 Carpet with Dragon design. End of the 19th century Private collection, USA.

Мотив этого центрального цветка, «переселившийся» с вышивок на ковры, приобрел геометризованную форму в виде крупного ромбического мотива с отходящими от него ветками с шипами. Детализация и декоративизация этого ромбического мотива привели к образованию большого четырехлепесткового медальона (rosette) ковра «Гасымушагы» (рис. 5).

В сефевидских коврах прототип мотива «Аг гол» в виде белых и черных листьев сетчатого дизайна символизировал чередующиеся (сменяющиеся) добро и зло (рис. 4). В тех коврах, белые и черные листья соединяясь вершинами, образовывали ромбические ячейки сетчатого дизайна. Эти ячейки, как пчелиные соты, были вместилищами драконов. В коврах «Гасымушагы», белые листья старого мотива в увеличенном и стилизованном виде превратились в четыре «белых рукава».

В дизайне ковра «Гасымушагы», наравне с центральным медальоном и «белыми рукавами» («аг гол»), присутствуют и мелкие орнаментальные мотивы, заполняющие пространство центрального поля. Большинство из этих мотивов имеют растительную природу и изображают цветы, бутоны, листья, ветви. Кроме них, имеются геометрические, астральные, зооморфные, антропоморфные мотивы и тамговые (племенные) знаки. Типичными мотивами центрального поля являются и часто встречающиеся крючкообразные знаки-талисманы и изображения богини-матери [Керимов, 1985. С. 14].

Как было отмечено выше, ковер «Гасымушагы», или «Аг гол», имеет несколько вариантов каймы. Основная (широкая) кайма имеет два варианта: в первом варианте мы видим стилизованные и геометризованные мотивы зооморфного характера. Дизайн второго варианта состоит из повторяющихся мотивов «*хырда гюль*» (мелкий, полевой цветок).

Варианты и модификации основного мотива «*аг гол*» («белый рукав») ковра «Гасымушагы» встречаются и в других коврах карабахской группы а также, в коврах соседних регионов Азербайджана. В карабахских коврах, этот мотив можно увидеть в ковре «Челеби» и «Бахманлы», в которых отчетливо видна модификация и превращение мотива «*аг гол*» («белый рукав») во второстепенный, «заполняющий» мотив.

Несколько измененный и уменьшенный вариант мотива «аг гол» имеется в дизайнах Губинских ковров «Алпан», «Зейхур», «Голлу Чичи» и др.

Дизайн ковра «Аг гол» («Гасымушагы») окончательно формируется в Карабахе к концу XIX века [Исаев, 1932. С. 127]. К этому времени

Рис. 6. Ковер «Гасимушагы». Конец XIX в. Частная коллекция, Собственность Claremont, Rug company.

Fig. 6 Carpet "Gasimushagy". End of the 19th century Private collection, Property of Claremont, Rug company.

еще более усиливается тенденция схематизации и геометризации дизайна ковра. Одной из основных причин этого явления было снижение плотности узлов в коврах со второй половины XVIII – начала XIX века по сравнению с плотностью узлов в коврах сефевидской эпохи. Толстые и более грубые нити ковров «Гасымушаги» не позволяли адекватно повторять мелкие и сложные мотивы сефевидских ковров. В такой ситуации, схематизация и геометризация мотивов была неизбежна. Подвергшись «рестайлингу», дизайн карабахского ковра «Аг гол» («Гасымушагы») полностью преобразился. Сначала это произошло в безворсовых коврах «сумах» и лишь затем – в ворсовых коврах (рис. 7).

Следующий этап упрощения дизайна ковров «Гасымушагы» приходится на XIX век. В конце 20-х годов этого столетия, исторические территории проживания азербайджанского народа были разделены между Россией и Ираном. Территории, расположенные к северу от реки Аракс, включая Карабах, вошли в состав Российской империи, а земли к югу от реки Аракс – отошли к Ирану. Это историческое событие привело к окончательному разрыву исторических и культурных связей, соединяющих карабахское и тебризское ковровые традиции.

Экономическая политика, проводимая Российской империей на территориях своих колоний, оказала влияние и на ковровое искусство Карабаха. Так, в конце XIX века Кавказское отделение Всероссийского Кустарного комитета предпринимает масштабные мероприятия по увеличению производства ковров на Южном Кавказе. Увеличение тиража ковровых изделий и их коммерциализация привели к еще большему упрощению и стандартизации карабахских ковров (рис. 8).

Дальнейшая популяризация коврового ремесла в Карабахе уже в советскую эпоху, имела как положительные, так и отрицательные результаты. Положительным результатом стало то, что древнее и традиционное ремесло ковроткачества получило сильный импульс для дальнейшего развития. Отрицательный же результат проявился в том, что упрощение дизайнов роскошных ковров сефевидской эпохи превратило карабахские ковры из уникальных произведений коврового ремесла в коммерческий товар широкого потребления.

Заключение

Карабахский ковер «Гасымушагы» с необычным дизайном прошел долгий путь развития от крупных дворцовых «драконовых» ковров

Рис. 7. Ковер «Гасымушагы». Начало XX в. Частная коллекция, Рим, Италия.
Fig. 7 Carpet "Gasimushagy". Beginning of the 20th century. Private collection, Rome, Italy.

Рис. 8. Ковер «Гасымушагы». Конец XIX в. Частная коллекция, Вена, Австрия.
Fig. 8 Carpet "Gasimushagy". End of the 19th century. Private collection, Vienna, Austria.

Рис. 9. Ковер «Гасимушагы». Нач. XX в. Азербайджанский Национальный Музей Ковра, Баку.

Fig. 9 Carpet "Gasimushagy". Beginning of the 20th century. Azerbaijan National Carpet Museum, Baku.

Рис.10. Кавказский «Драконовый» ковер. Конец XVIII в. Куба. "Quadrifoglio Gallery", Бостон, США.

Fig. 10. Caucasian Dragon carpet. End of the 18th century. Cuba. "Quadrifoglio Gallery", Boston, USA.

сефевидской эпохи до небольших медальонных ковров с белыми парными «рукавами» («**аг гол**»), отходящими наверх и вниз от центрального медальона.

Ковер, созданный в историческом регионе Карабаха с названием **Гасымушагы обасы** (Tribal Land – ареал обитания племени Гасымушагы), был создан и развивался в контексте художественно-технических традиций карабахского коврового ремесла.

Ковер «Гасымушагы» обладая всеми типологическими признаками, свойственными карабахскому ковроткачеству, тем не менее, имеет множество неоспоримых параллелей в мотивах и символах соседних групп Азербайджанских ковров. Эти параллели наблюдаются в коврах Ширвана, Нахичевани, Казаха, Кубы и соседнего Дагестана (рис. 10).

Список литературы

Абдуллаева Н. А. Ковровое искусство Азербайджана. Баку: «Элм», 1971. 150 с.

Исаев М. Д. Ковровое производство Закавказья. Тифлис: Науч.-исслед. ин-т Кавказоведения Акад. наук СССР, 1932. 224 с.

Керимов Л. Г. Азербайджанский ковер. Том III. Баку: Гянджлик, 1983. 448 с.

Boralevi A., Samadova A. Exhibition Curators. Azerbaijan Embroideries from the 16th–18th centuries // The 5th International Symposium on Azerbaijani carpets. “Silk Treasures”. Exhibition Catalogue. Baku, 2017. P. 36–45.

Cohen M. The World of Carpets. New York: Crescent Books, 1996. 222 p.

İbrahimov T. Qarabağın “Qasimuşağı” xalçaları // Azərbaycan xalçaları. 2019. № 28/29. С. 98–107.

Kerimov L. Azerbaijan Carpet. Baku: Jazichy, 1985. 236 p.

Muradov V. Azərbaycan xalçaları. Qarabağ qrupu. Bakı: Elm, 2011. 272 p.

References

Abdullaeva N.A. Kovrovoe iskusstvo Azerbaidzhana. Baku: Elm, 1971, 150 p. (In Russ.).

Boralevi A., Samadova A. Exhibition Curators. Azerbaijan Embroideries from the 16th–18th centuries. *The 5th International Symposium on*

Azerbaijani carpets. "Silk Treasures". Exhibition Catalogue, Baku, 2017, pp. 36–45.

Cohen M. The World of Carpets. New York: Crescent Books, 1996, 222 p.

İbrahimov T. Qarabağın "Qasımuşağı" xalçaları. *Azərbaycan xalçaları*, 2019, No 28/29, pp. 98–107.

Isaev M. D. Kovrovoye proizvodstvo Zakavkazia. Tiflis, Nauch.-issled. in-t Kavkazovedeniya Akad. nauk SSSR, 1932, 224 p. (In Russ.).

Kerimov L. Azerbaijan Carpet. Baku: Jazichy, 1985, 236 p.

Kerimov L.G. Azerbaidzhanskii kover. T. III. Baku: Gandjlik, 1983, 448 p. (In Russ.).

Muradov V. Azərbaycan xalçaları. Qarabağ qrupu. Bakı: Elm, 2011, 272 p.

Материал поступил в редакцию

Received

12.08.2020

Сведения об авторе / About the author

Ибрагимов Тельман Исмаил оглы, кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник, отдел «Геральдики, декоративного и изобразительного искусства» Азербайджанской Национальной Академии наук (ул. Истиглалийет, 30, Баку, AZ 1001 Азербайджанская Республика)

Ibrahimov Telman Ismayil oglu, Ph.D. in Art Criticism, leading researcher, "Heraldry, decorative and fine arts" department of the Azerbaijan National Academy of Sciences (Istiqlaliyet str., 30, Baku, AZ 1001 Azerbaijan Republic)

artmen4@yandex.ru

Turkish Carpets Described in the Paintings of Mehmet Ruhi Arel from the Military Painters

Aytaç A.

*Aydın Adnan Menderes University
Aydın, Türkiye*

Abstract

In Turkish handicrafts, weaving has a special importance. It is known that there are weavings as a cultural element brought by Turks from Central Asia to Anatolia. Turkish weaving, which is an important product of culture and textiles, was sometimes depicted in paintings by the Renaissance and orientalist painters. The depiction of Turkish carpets in the paintings by the Renaissance and subsequently orientalist artists has become a tradition, and continued by the local and foreign painters of the Republican era and today. Mehmet Ruhi Arel, who was born in Istanbul Galata in 1880, started his interest in painting when he was studying at the Naval School. Arel, who later studied painting in Paris, is one of the important painters of the period. The article will be focused on five paintings by Mehmet Ruhi Arel and the Turkish weavings depicted in these works.

Keywords

paint, painter, art, carpet, weaving.

For citation

*Aytaç A. Turkish Carpets Described in the Paintings of Mehmet Ruhi Arel from the Military Painters. Universum Humanitarium. 2020. No 2. P. 55–65
DOI*

Турецкие ковры на картинах Мехмета Рухи Ареля

А. Айтач

*Университет Айдын Аднан Мендерес
Айдын, Турция*

Аннотация

Среди турецких ремесел ткачество занимает особое место. Известно, что ткацкие изделия как культурный элемент попал в Анатолию из Средней Азии. Изделия турецких ткачей, как важный культурный компонент, иногда изображались на картинах художников эпохи Возрождения и в последствии восточных мастеров изобразительного искусства. Изображение турецких ковров на картинах художников эпохи Возрождения, а затем и восточных художников стало традицией, продолженной местными и зарубежными художниками республиканской эпохи и сегодня. Мехмет Рухи Арель, родившийся в стамбульской Галате в 1880 году, начал интересоваться живописью еще во время учебы в военно-морском училище.

Арель, который позже изучал живопись в Париже, является одной из значимых фигур в изобразительном искусстве того периода. В статье рассматриваются пять картин Мехмета Рухи Ареля, на которых изображены турецкие ткацкие изделия.

Ключевые слова

живопись, художник, искусство, ковер, ткачество.

Для цитирования

Айтач А. Турецкие ковры на картинах Мехмета Рухи Ареля // Universum Humanitarium. 2020. № 2. С. 55–65

DOI

Introduction

Human beings have tried to decorate their environment, home and social areas with aesthetic concerns, colors and patterns. Throughout history, beliefs, symbol language, the surrounding nature and objects have been used as an important source of decoration.

Handicrafts have played an important role in the transfer and continuation of the country's traditions, customs and lifestyle [Akrinali, 2004. S. 1]. Handicrafts have been beneficial in generating income, keeping traditions and customs alive as well as many features such as utilizing their leisure time and workforce [Yanar, Erdoğan, Kaybaşı, Söylemezoğlu, 2013. S. 57–66].

Textile art has been kneaded with the weaving culture coming from the history, and original designs have been revealed by adding aesthetic values [Ölmez, ve Çotağlı, 2013. S. 956–112]. Turkish art from Central Asia to the present day has succeeded to lead this art for centuries with the Turkish weaver, who has managed to adapt the change to the traditional understanding, despite the constantly renewed cultural-artistic-scientific developments, in different geographies. The weaving adventure of Turks that started in Central Asia has undoubtedly continued by developing in Anatolia [Bakir, 2005. S. 151]. Turkish hand weavings have preserved their importance since the Pazirlik carpet discovered by Sergei Ivanovich Rudenko in 1947–1949.

When evaluated culturally, carpet is a product that forms a bridge between the past and the present and incorporates the feature of being an art/craft work [Aytaç, 2014. S. 1]. The Turkish weaver created his weavings in his own time and as if by thinking of those who will see his works in future generations. Intellectuals have also examined other works of Turkish art by seeing the depictions of foreign painters and their place in other artworks and hand weavings. It has been effective in introducing Turkish art to the world with its different aspects. Many famous painters who created important works of the world could not remain indifferent to Turkish weaving art.

Fig. 1. Mehmet Ruhi Arel
Рис. 1. Мехмет Рухи Арель

They have made it a habit, even a rule, to reflect Turkish rugs adorned with motifs that have a different and symbolic language to their works.

Since the Renaissance, not only foreigners, but also the military painters who grew up in the last period of the Ottoman Empire and were effective in laying the foundations of Turkish painting in the western understanding have sometimes depicted Turkish weavings.

The understanding of painting of western origin was introduced in the school called Mühendishane-i Beri-i Hümâyûn, which was opened in 1795 and where painting lessons were given for the first time during the III. Selim period. The first painters, known as "military painters", were also trained

from this school. Mehmet Ruhi Arel, who studied at the Naval School, is one of the important painters who grew up in this period.

Life of Mehmet Ruhi Arel and his artist identity

His Life. He was born in 1880 in Galata, Istanbul. He is the son of Halil İlhami Efendi from Galata, and the grandson of the Kadiri Sheikh Hacı Ali Baba. After finishing primary school, he entered the Naval School. Mehmet Ruhi's interest in painting started when he was a student at the Naval School. He graduated from the Naval School in 1908 as an engineer officer from the construction class and was appointed as a painting teacher at the Naval School. His friendship with his friend Hikmet Onat from the Naval School strengthens in these years and continues throughout their lives. In 1905, she married to Mrs. F. Muzaffer Neyzi. In 1909, he resigned from the Naval School while he was in the rank of Captain. He is among the founding members of the Ottoman Painters Association, which was established with the support of Caliph Abdulmecit. He writes articles for the Journal of the Ottoman Painters Association, which is the media organ of this society. Passing the European exam opened in 1910, he goes to Paris. Here he works for five years in the workshop of Fernand-Anne Piestre Cormon at the National School of Fine Arts (l'Ecole Nationale Supérieure des Beaux-Arts). When the First World War started in 1914, Mehmet Ruhi Bey, like his friends, ceased the scholarships of our painters in Europe and therefore returned home. He continues his art life as a lecturer at the Academy. He is assigned to the position of perspective teacher, where he worked for a short time in the Academy. In 1922, he became the permanent teacher of the Free Painting Workshop in Çemberlitaş, which was established under the auspices of Istanbul Governor Ali Haydar Bey. According to the claim of Pertev Boyar in Istanbul, he died in 1931 due to overwork¹.

His Artist Identity. The paintings of Mehmet Ruhi Arel [Ersoy, 1998. S. 14], who contributed greatly to the establishment of the Ottoman Painters Society, were sent to group exhibitions in Germany, Austria and Italy during his lifetime. He played the violin and spoke fluent English and French. He continued with Sami Yetik, Ali Cemal, Sami Boyar, Namık İsmail, Hikmet Cevat and İbrahim Çallı to the painting workshop opened by Enver Pasha in Istanbul at the end of World War I, and produced paintings reflecting the effects of the war. He participated in the Galatasaray Exhibition in 1916 with his paintings titled "From Çanakkale Correspondence" (3 pieces), "A Monument of Çanakkale", "Uhud-u Atika's Interest" and "Çanakkale

¹ URL: <http://edebiyatvesanatakademisi.com/turk-ressamlar/mehmet-ruhi-arel-in-hayati-resim-sanati-ve-resimleri> (accessed: 17.11.2020)

Muhaberatı Safahatinden". He worked with İbrahim Çallı, Hikmet Onat, Namık İsmail, Ali Sami Boyar and Ali Cemal Ben'im at the Şişli Workshop, which was opened in 1917 with the initiative of Celal Esad Arseven to produce sea-themed paintings. participated. He participates in the Galatasaray Exhibition in 1918 with his paintings "In Çanakkale" (last phase), "Study", "Triptych" and "Woman selling headscarves". In 1919, his paintings named "Return of Kağıthane" (watercolor), "Bridge on the Group" (watercolor), "Pray in the Morning Prayer", "The Turkish Lady Who Makes a Toilet" are among the masterpieces of this year's Galatasaray Exhibition. He participates in the 1920 "Galatasaray Exhibition" with his paintings "After Afternoon Prayer", "Yağkapanı Pier" (watercolor), "Group in the Golden Horn" (watercolor). The general program of the workshop, published in the same year, constitutes one of the cornerstones of Turkish painting. In the 1922 Galatasaray Exhibition, he exhibited his paintings named "Sleeping Mother and Her Children", "A Mother in the Migration", "Ancient Turkish Beauty" and "When the Gergef Work", at the Mimar Sinan University Istanbul Painting and Sculpture Museum. His works have always attracted great attention in international exhibitions as well as in domestic exhibitions. Her paintings titled Woman selling headscarves and Iftar painting were exhibited in exhibitions held in the cities of Vienna and Berlin, attracted great attention and appreciation. One of his most important activities is the private workshop called "Free Painting Workshop", which he opened with İhsan Bey in Istanbul Çemberlitaş in 1922. The working method and general program of this workshop was published in 1922 and is almost a guide for painters. Nuhi Bey's works in Turkey, domestic and foreign Grand National Assembly at the Topkapi Palace Museum of Painting and Sculpture in Istanbul Maritime Museum, the Museum and the Military Museum in private museums and mixed enterprises are located in the family collection and private collections².

Turkish weaving description paintings

First example: The painting in the Raffi Portakal archive dated 1919-called Invocation in the Morning Prayer is 100 x 88 cm in size and is an oil painting on canvas (fig. 2).

There is a male figure with a turban and a white beard praying on the prayer rug. To the right of the figure, there is a candle emitting on a wooden chair and a kerosene lamp. In the direction of the Qibla, the lower part of the windows through which daylight enters is visible.

² URL: <https://edebiyatvesanatakademisi.com/turk-ressamlar/mehmet-ruhi-arel-in-hayati-resim-sanati-ve-resimleri/2045> (accessed: 17.11.2020)

*Fig. 2 «Invocation in the Morning Prayer». Painting
Рис. 2. «Призыв к утренней молитве», холст, масло.*

The carpet, which is laid in the direction of the qibla in the painting, is in dark blue in the prayer rug depiction, and the part above the mihrab is colored in green. Since the painter did not depict the motifs clearly, it is not possible to comment on the location of the carpet prayer rug.

Second example: A 73 x 100 cm oil painting on canvas named Male Model is in Mimar Sinan Fine Arts University Painting and Sculpture Museum (fig. 3).

Fig. 3 «Male Model». Painting
Рис. 3 «Нагурщик». Холст, масло.

There is a male figure in a bathing suit standing with one arm on the column with a yellow cloth on it. The other hand of the figure is on the waist. The figure is on a table and there is a carpet on the table under his feet.

Fig. 4 «Official Passage». Painting
Рис. 4 «Парад». Холст, масло.

Fig. 5 «Sleeping Cat». Painting
Рис. 5 «Спящий кот». Холст, масло

Fig. 6 «Woman Selling Headscarves». Painting
Рис. 6 «Портрет женщины». Холст, масло.

There is a very large white medallion in the middle of the red floor carpet. There are dragon figures in the corners of the red carpet with three pieces of water with unclear motifs. Inside the white medallion, there is another belly button with pendants. It is probably a description of the Uşak carpet.

Third example: An oil painting on canvas with the size of 147 x 111 cm, dated 1931, called the Official Passage, is in the Şişli Revolution Museum (fig. 4).

In the area where the military band is present on the right side and the protocol staff on the left side on the street, there are soldiers making the official parade on the stone road in the middle, saluting the protocol.

There is a small runner-style carpet under the two people, who are members of the protocol in civilian and military uniforms, and a large red carpet under their feet.

The colors of red are predominant in both rugs, for which the motif and color details were not clearly given by the painter.

Fourth sample: The painting of 33 x 48.5 cm dated 1924, which is an oil painting on cardboard, is in Izmir Painting and Sculpture Museum (fig. 5).

There is a sleeping cat figure in a place thought to be cedar. Under the cat, there is a red carpet of medium composition area. Small black water

hook motif is arranged. The motifs in the large purple colored water and the red colored middle composition area are not clear.

Fifth example: The painting, which is oil on canvas, is in a private collection, dated 1917 and measures 100 x 80 cm (fig. 6).

In the work, there is an old woman figure with glasses and a scarf, applying a herbal pattern with a brush to the fabric stretched on a wooden frame.

On the right, there is a cat figure on a couch with a carpet. It is thought that the carpet, which depicts very little of the middle composition and water part, may be a depiction of the Uşak carpet from the motif in the water.

Results

It can be said that he produced works as one of the best representatives of the impressionism school in that period. It is seen that Mehmet Ruhi, who has a superstitious art education and understanding, put forward realistic compositions in his paintings and tries to reflect sections of people's daily life with a more realistic approach. It is understood from the wide brush strokes and large-scale compositions with many figures, such as in the Official Parade painting, that he displays an understanding that keeps the effect of the pattern in the second place.

His paintings are very realistic, evoking the feeling that he is painting with sincerity and sensitivity. It is understood that the perspective in the pictures subject to the study is very good. The paintings of Prayer in the Morning Prayer, Woman Selling Headscarves and Sleeping Cat are sections from daily life, and the Official Parade is a work that emphasizes the war and national struggle of that period. The Male Model painting can be seen as a reflection of his western-origin painting education.

It is understood that the painter, with a clear view of the region, depicts the rugs seen in the woman selling headscarves and male model paintings clearly and the other three paintings do not reveal the patterns and motifs on the carpets.

In addition to making the figure feel as a pictorial element, he has also been able to make use of textiles, which are an integral part of the traditional culture, in the paintings he made with a style that perceives it as a reality of a daily life.

References

Akrinali H. F. Kırım El Sanatlarının Dünü ve Bugünü, Ankara, 2004. 327 s.

Aytaç A. Koyunoğlu Müzesi El Dokumaları. Konya Büyükşehir Belediyesi Yayınları, Konya, 2014.

Bakır A. Ortaçağ İslam Dünyasında Tekstil Sanayi Giyim Kuşam ve Moda, Ankara, 2005.

Ersoy A. “Ressam Mehmet Ruhi Bey (1880–1931)”, *Türkiye’de Sanat*, İstanbul, 1998, S. 34, S. 14–17.

Ölmez F. N., ve Çotaoğlu C. “Türkiye’de Tekstil Sanatı ve Kadın Sanatçılar”, *İnönü Üniversitesi Uluslararası Sosyal Bilimler Dergisi*, 2013, Vol. 2 (2), S. 95–112.

Yanar A, Erdoğan Z, Kayabaşı N., Söylemezoğlu F. “Tutuklu ve Hükümlülere El Sanatları Eğitimi Verilmesi ve Sonuçlarının İncelenmesi”. In: Atatürk Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi, 2013, S. 57–66.

Сведения об авторе / About the author:

Aytaç Ahmet, Assist. Prof. Dr., Aydın Adnan Menderes University Faculty of Education, Department of Fine Arts Education, (Zafer, 09010 Efeler/Aydın, Türkiye)

Айтач Ахмет, ассистент профессора, доктор, Университет Айдын Аднан Мендерес Айдын, Педагогический факультет, Департамент художественного образования (Зафер, 090106 Эфелер, Айдын, Турция)
cicimsumak@gmail.com

Some Approaches on the Great Goddess Figure in Mythology and Visual Arts

Cuciuc Romanescu L. S.¹, Kaya Ö.²

¹ Ovidius University
Constanța, Romania

² Hitit University
Çorum, Turkey

Abstract

Greek mythology made the Earth a mother goddess, Gea or Gaia, the primordial deity who gave birth to all the other gods, and the concept is one of the most durable and consistent in the history of mankind, manifested in hundreds of variants, from Terra Mater of the Romans, to the mother goddesses - who personify the Earth, nature, fertility - present in the most varied cultures, spread in time and space.

To think of the Earth as a superior entity, endowed with a life of its own, it is not specific only to ancient civilizations or the so-called neo-pagan cults, which are inspired by the ancient religions of nature. One of the most disturbing scientific theories on the biosphere is the one that conceives the Earth as a super-organism, capable of self-regulation, in order to ensure the right conditions life. The theory was developed by James Lovelock and Lynn Margulies in the 1970s and presented in the book *Gaia: A New One perspective on life on Earth*. But this is not the main subject of this paper, who has the purpose to give the readers an approach on some aspects of the Mother Goddess in mythology with visual art representations.

Keywords

Mother Goddess, Mother Earth, mythology, The Great Goddess, myths.

For citation

Cuciuc Romanescu L. S., Kaya Ö. Some Approaches on the Great Goddess Figure in Mythology and Visual Arts. *Universum Humanitarium*. 2020. No 2. P. 66–79
DOI

Некоторые трактовки изображения Великой Богини в мифологии и изобразительном искусстве

Л.С. Кучук Романеску¹, О. Кайа²

¹ «Овидиус» Университет
Констанца, Румыния

² Хитит Университет
Чорум, Турция

Аннотация

В греческой мифологии Земля – это богиня-мать, Гея или Гайя, изначальное божество, которое породило всех других богов. Эта концепция является одной из

самых устойчивых и последовательных в истории человечества, проявляющейся в сотнях вариантов, включая римскую Терру, олицетворяющую Землю, природу, плодородие. Этот образ присутствует в самых разных культурах, распространенных во времени и пространстве. Воспринимать Землю как о высшую сущность, наделенную собственной жизнью, было характерно не только для древних цивилизаций или так называемых неоязыческих культов, которые вдохновлены древними религиями природы. Одна из самых спорных научных теорий о биосфере – это теория, которая рассматривает Землю как суперорганизм, способный к саморегулированию, чтобы обеспечить правильные условия для жизни. Теория была разработана Джеймсом Лавлоком и Линн Маргулис в 1970-х годах и представлена в книге «Гайя: новый взгляд на жизнь на Земле». Но это не основная тема данной статьи, цель которой – дать читателям представление о некоторых трактовках роли Матери-Богини в мифологии с использованием визуальных художественных представлений.

Ключевые слова

Мать-богиня, Мать-Земля, мифология, Великая Богиня, мифы.

Для цитирования

Кучук Романеску Л. С., Кайя О. Некоторые трактовки изображения Великой богини в мифологии и изобразительном искусстве. *Universum Humanitarium*. 2020. № 2. С. 66–79

DOI

Introduction

Ana is the first name of the primordial mother goddess. The mythical name, Ana, of the goddess is the first sound emitted by humanity: the breath. In Sanskrit, Ana means food and An means breath. If not, the one who nourishes. As for An, breathing means nothing but life. Breathing is equal to being alive, so Ana meets in itself the two principles: to give life and to nourish. The cult of the goddess Anne spread from the Black Sea basin to Asia Minor, Mesopotamia, and then spread throughout the Mediterranean. Through the migration of the Aryans from the Carpathians, its cult reached as far as India, where it was called Annapurna (purna-abundance, therefore, food in abundance). Due to the migrations that took place over time, the cult of the goddess Ana and therefore her name, Ana, Ama, Mama, with the necessary transformations, expanded. But remaining the same. Thus, we will find it, to speak only of the European area, under the name of Danu, Mama Gaia, Mama Gee, Maia, Jana, Diana, Hecate.

Greek mythology made the Earth a mother goddess, Gee or Gaia, the primordial deity who gave birth to all the other gods, and the concept is one of the most durable and consistent in the history of mankind, manifested in hundreds of variants, from Terra Mater of the Romans, to the mother goddesses – who personify the Earth, nature, fertility – present in the most varied cultures, spread in time and space.

Fig. 1. Goddess Geea, source of image: <https://www.mhnederlof.nl/gaea-goddess.html>
(accessed: 25.11.2020)

Рис. 1. Богиня Гея.

The Great Goddess (Mother Goddess, Mother Earth) [Rus, 2013. P.74]. is attested in so many forms and appearances that she is recognizable not by a unique name, but by her attributions. She is the Great Mother of the Gods (*Magna Mater Deorum* of the Romans). The two fundamental characteristics are motherhood and death. Through motherhood it is related to fertility, sexuality, love. Through death it is linked to war, hell, the dead. Through both – of the earth which is the one that gives life to the plants and the place where the dead are buried.

For the Romans, the Mother Earth is alive; everything that is seen, organic or inorganic, lives. The earth speaks the same as stones, plants,

Fig. 2. Goddess Gaia and God Uranus source of image: <https://www.theoi.com/Titan/TitanisTethys.html> (accessed: 25.11.2020)

Рис. 2. Богиня Гея и бог Уран.

gases, animals. He is animated by his own feelings and a high morality. He breathes, moves (earthquakes), endures all that is on him ("how the earth endures him"), eats ("the earth would eat him"). It is like an anthropomorphic colossus (the navel of the earth, the belly of the earth) which, although it has a soul (the spirit of the earth), leads a vegetative life.

The most used symbols of the Great Goddess are: column, tree, snakes, pigeon, bulls, cow, pair of horns, double-edged ax, shell, female figurines with exaggerated sexual attributes.

Apuleius, in *The Golden Donkey*, is aware of the structural unity of the various mythical figures who represented the Great Goddess. Here is what she says to Lucius, the main character: "Moved by your prayers, I, Nature, the mother of all things, the mistress of the elements, the source and beginning of the ages, the supreme deity, the queen of the seas, the first among the inhabitants of heaven, the immutable face of the gods. And the goddesses. I am the one who rules the bright heights of the sky, the healthy winds of the sea, the pathetic silence of hell. My power is unique, although the universe glorifies me in different forms, with different rites and under many names. The Phrygians, the first born on earth, call me Cybele, mother of the gods; I am Venus of Paphos among the inhabitants of Cyprus; Diana hunts for the Cretans who are good at shooting arrows; Proserpine-infernal in Sicilians

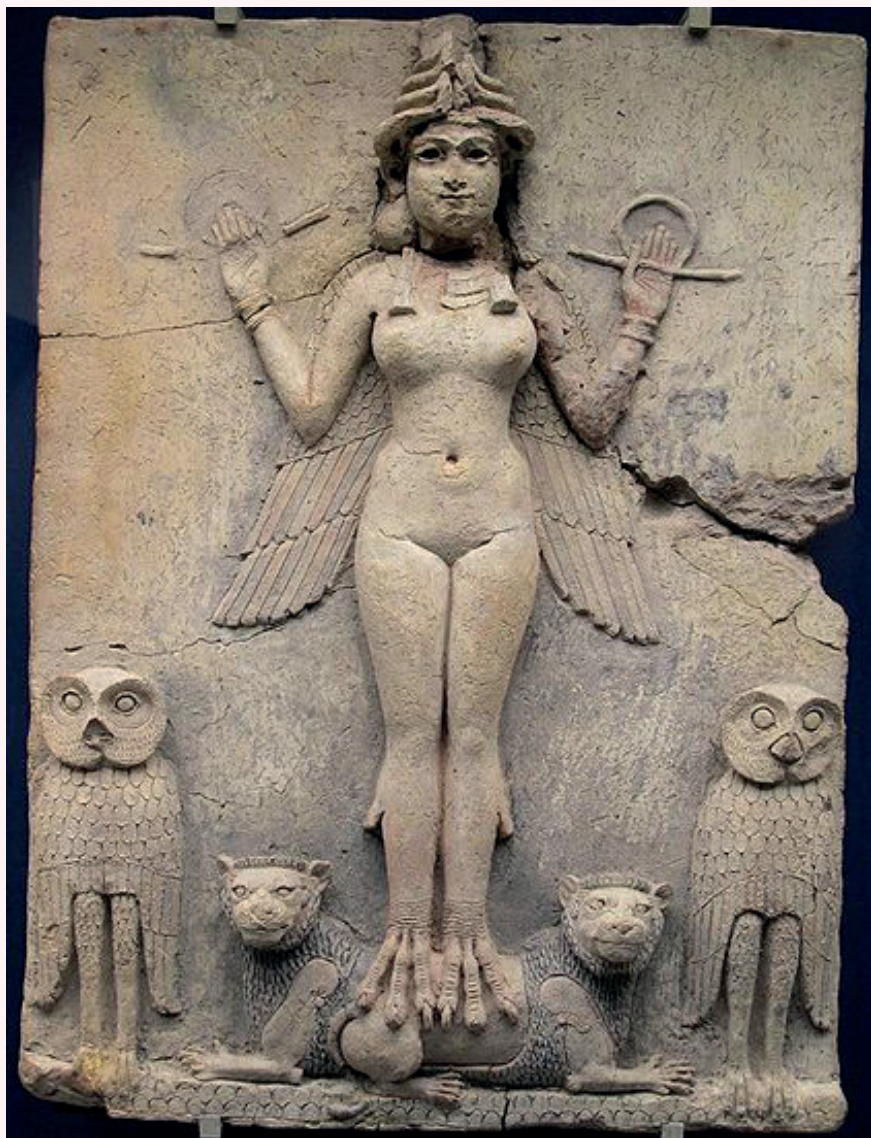

Fig. 3. Goddess Ishtar, source of image: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Ishtar_goddess.jpg (accessed: 25.11.2020)

Рис. 3. Богиня Иштар.

who speak three languages; Ceres, the ancient goddess, at Eleusis; some Hecate, others Nemesis. But those who are the first to be enlightened by the divine rays of the rising sun, those of Ethiopia and Aria, and the powerful

Fig. 4. Great Mother Goddess – neolotic representations, source of image: https://twiggietruth.files.wordpress.com/2015/08/img_8148.jpg (accessed: 25.11.2020)

Рис. 4. Великая Богиня-мать – неолитические изображения

Egyptians by their ancient science, honor only me with the services that are due to me, and call me by my true name, for I I'm Queen Isis."

This Great Goddess is what the Iranians call Anahita, and the Persians Anahid. After all possibilities, Anahita is the result of an adaptation, the ancient name being Ardvī. We find it in Lydia in the form of Artemis. According to Cumont, the temple of Artemis in Doura Europos, before it belonged to her, belonged to the great indigenous goddess Nanaia. Assimilation was common, as shown by an inscription from Piraeus dedicated to Artemis Nanaia. Likewise, the temple of Diana of Ephesus became, in the Christian period, the most important place of worship of the Virgin Mary, the Mother of God.

We can say that none of these names can be satisfactorily explained in Indo-European or Semitic languages. The oldest source of this series is the Sumerian goddess Innanna, worshiped at Erech. Her name turned into Nana, Nini, Ninni, Anna and Anu, which means nanny. In Semitic it became Ishtar, then Achtolech in the Old Testament, Astarte in the Phoenicians (who passed it on to the Greeks and Egyptians), Artimus and then Artemis in the Lydians, Artume in the Etruscan and Artumi in the Iranians. Linguistic studies have shown that Agdistis or Atargatis in Syria, Aditi in India, were also derived from it; but more surprisingly, Ares or Mars (the singular nominative of Mars) which retains only the aspect of death, under the guise of war, not the maternal side.

In China, Si Wang Mu is the "Queen of the West", also called the Divine Mother. In Finland, Ukka is an ancient mother; to the northern peoples, Nertus, is the great goddess who travels in a chariot drawn by bulls, like Cybele to the Greeks. Inuit Eskimos know a goddess of the sea with the appearance of a seal, etc.

In Celtic mythology, Dana is the mother goddess, also called Danu or Ana. In Ireland she is the mother of all the gods *Tuatha de Danann*, and in Wales she is the mother of the supreme god, Dagda, and Goibniu. Goddess of fertility, peace, prosperity, she commands the moon, regulates the time and course of the moon. She is the queen of Darkness and the companion of souls to the Other World. Dana is often represented, as well as other deities, either in a unique form or under that of three seated women, the number three having a symbolic character in the Celts. Thus, in Gaul, she is worshiped in the form of three matrons.

In the old Roman calendar on March 1 fell **Matronalia** (Matronalia) or the feast of matrons, ie wives and mothers (mater familias), a holiday dedicated to Iunona Lucina and Matron, in her role as goddess of marriage, birth and mothers : Lucina is "the one who brings the newborn to light" (lucinus comes from luxury, light), but also the goddess of new light, and

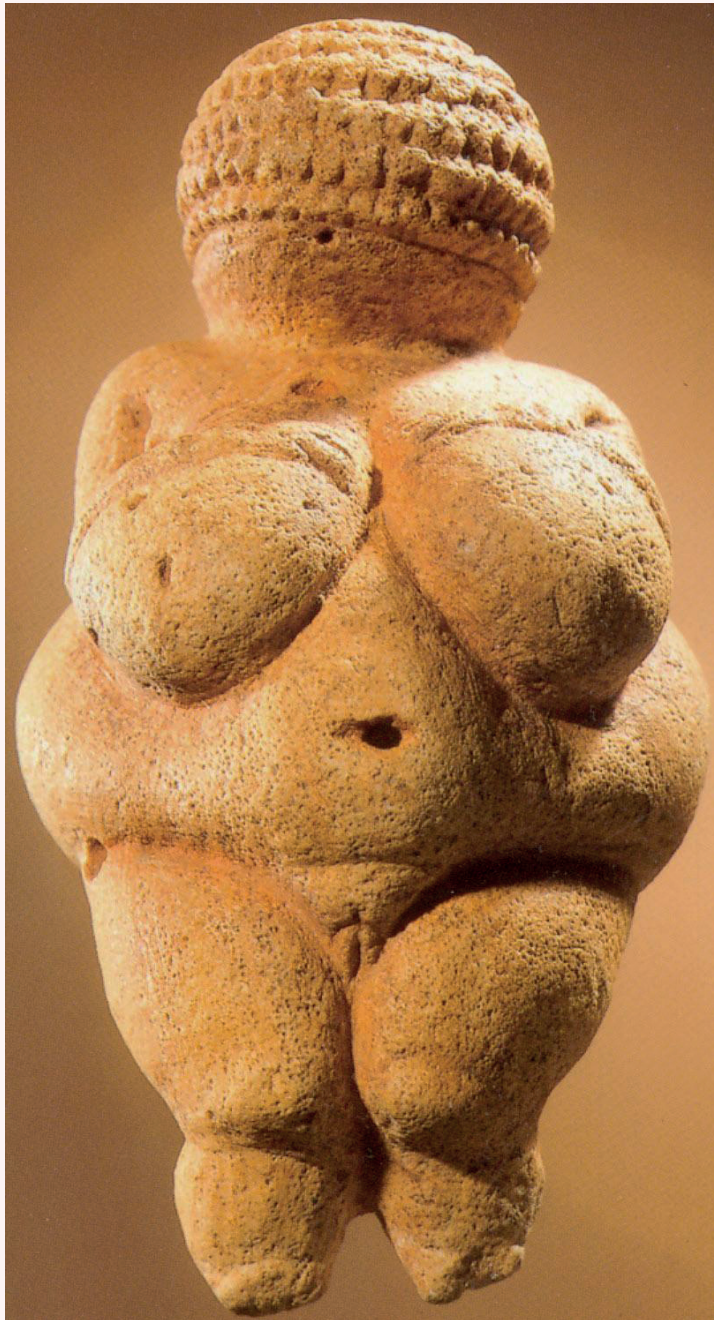

Fig. 5. Venus from Willendorf, source of image: <http://www.uvm.edu/~iwd/?Page=ww.html> (accessed: 25.11.2020)

Рис. 5. Венера из Виллендорфа

the Matron is the protector of mothers (the matron comes from mater, mother). It could be said that Juno shared New Year's Day, March 1, with her son, Mars, and that the fact that the first day of the year was also her day is proof that she is one of the hypostases of the Great Goddess celebrated for thousands of years at the beginning of the year. Matronalia shows us that the only function left to this Great Mother, in the minds of the Romans, was that of women's defense. And the fact that she was the mother of Mars shows us an ascendancy over the most virile Roman god. Let's say, in passing, that Matronalia was a celebration of spouses and marriage, when men gave gifts to their wives. And, let's also say that it was also called *Calendae foeminarum*, women's calendars, what we would call Women's Day today. Also on March 1, that is, on the first day of the Roman New Year, the fire was renewed on the altar of the Vest, the goddess of the hearth, and she, another face of the Great Mother. And March 15 was both a day of Jupiter and the day of Anna Perenna, perhaps the oldest memory of the Great Mother. Its name means: eternal time, eternity, perennial year, meaning eternally renewed. Very interesting is the fact that *anna* is a feminine, unused form of *annus*, year, time and, at the beginning, circle, cycle. So, Eternal Mother! And ***perennial*** is a word also made up of *annus*: *per-ennis* (from *per*, along, and *annus*). She was the feminine personification of Time that is eternally renewed. She is either a dying old woman or a young and proud goddess: obviously, the year she dies and the year she is reborn.

Similar with Anna Perenna is old Romanian folk Great Mother figure Dochia. It is no coincidence that Dochia dies frozen at the end of the year. But, in the Romanian version, the second part of the myth is missing, the one about the rebirth / resurrection of the goddess.

After the arrival and settlement of the Scythians in the North Pontic steppes and the expulsion of the Cimmerians from those regions, as Herodotus presents in Volume IV of Histories, between the newcomers and the older Thracian world, a natural border was formed. At its discharge into the Black Sea. This balance was maintained throughout the 5th century BC. One of the most important deities worshiped by the Scythians, besides Tabiti - the Great Goddess - the patron or goddess of fire and hearth, but also the one who invested strongly in the leaders of the tribes, was the Mother Earth, the goddess of the fertile land - API. The worship of this goddess is nowhere more widespread than in the northern Black Sea. Interesting is the resemblance between the representations of this goddess adored by the Scythians and the Thracian representations of the Great Goddess half woman - half Tree of Life.

The association between the Great Goddess and the Tree of Life was also known in Egypt. A relief depicts Hathor in a heavenly tree (no doubt

Fig. 6. Goddess Bendis, source of image: <https://oceanospotamos.wordpress.com/2010/12/10/the-great-bendis-goddess/> (accessed: 25.11.2020)

Рис. 6. Богиня Бэндис

of immortality), giving the soul of the dead drink and food - that is, ensuring the continuity of life, survival. The same mythical and cultural association in Mesopotamia. Gilgamesh meets a miraculous tree in a garden, and next to him the deity Siduri (i.e. "the young woman") called sabitu, "the woman with wine". In fact [...] Gilgamesh meets her near a vine; the vine was identified by the Paleo-Orientals with the "grass of life," and the Sumerian sign for "life" was originally a vine leaf. The nude woman-vine motif was also transmitted in Christian apocryphal legends.

The great goddess Bendis (Bhendis, Mendis, Mhendis) was the female deity of the North-Thracian pantheon who dealt with the destinies of men, like the Cursed Ones. Bendis was also the goddess of marriage, love and

love, as well as the Scandinavian goddess Freya, the Greek Aphrodite, the Etruscan goddess Albina, the Ishtar of the Assyrian-Babylonians, the Inanna of the Sumerians, the Dzydzilelyaa of the ancient Poles, the Prende of the Albanians, Shiva of the Slavs or Venus of the Romans.

Sometimes a feature of the Goddess can be blurred. For example, Medusa's head, which turns the one who looks at her into a stone, shows her feminine character (because she is a beautiful young woman), the mortal one (because her gaze kills), but the maternal side escapes [Romanescu, 2018. P. 147–154]. But it is found in the myth that concerns it; Medusa (the siren) and her sisters Gorgone, Sthena (the strong one) and Euryales (the wanderer) are the names of the moon. In fact, the Orphics called the full moon "Gorgona's head." Or, the Moon is one of the forms of the Great Goddess [Harding, 2019. P. 125–147].

The manhood aspect of the Great Goddess

Interesting to research are the cases of virility/masculine side of the Great Goddess. Uranus, the one who throws his children in Tartarus (dying), is originally the Great Goddess, Mother Earth. His name is the masculine form of the name Ur-Ana, "Queen of the Mountains", "Queen of Summer", "Queen of the Winds", "Queen of the Wild Oxen" – a figure of the Great Goddess whose worship is celebrated in mid-summer. According to Herodotus, Urania is a doublet of Aphrodite; later she becomes a muse.

Ares is also a late manhood. In fact, from the beginning, the priests of the Great Goddess were eunuchs or only dressed as women (Tiresias was punished for changing into a woman for seven years). Cybele is a hermaphrodite, as is Astarte. In Cyprus, a village of the Great Goddess was worshiped, dressed in a woman's dress and with a beard. Among the Romans there were androgynous statues: Venus barbata and Fortuna barbata (both bearded). Gorgons often wear beards.

The singular is the case of Mars (Mars) which is not only the god of war, but also of spring, fertility, and the protection of cultivated fields. We know that his name derives from the root Ardivi, by adding an M that we find as a suffix, and not as a prefix, in Artemis, Artimul or Artime – all names of the Great Goddess. We thus find the double maternal (fertility) and mortal (war) character of the goddess in the same character (Mars is an ancient Italic deity, not the simple "Romanization" of Ares). We see here the connection with the vegetation, but also the antiquity of this symbol; Permutation of a suffix into a prefix to indicate the transition from feminine to masculine (equivalent to Urania-Uranus) is a process unknown in Indo-European languages. It refers to a pre-Indo-European language, that is,

at least 7–8,000 years old, and to a mythical cycle from which only this doublet remained, just as a mountain peak that still rises from the sea is the testimony of an entire sunken continent.

The journey of the Great Goddess

All the previously mentioned deities are hypostases of the Great Goddess, even if "chronologically" they are her daughters or granddaughters (Rhea is the daughter of Gea, Demeter is the daughter of Rhea, Artemis is the daughter of Selena, Aphrodite is the daughter of the waters and the primordial ocean, etc.), each represents a stage in becoming (specializing) the Mother Goddess whose multiple attributes are progressively individualized. In one of these situations, the Great Goddess is the hero of the first mythical journey, namely the supreme journey to the realm of death, in search of the slain lover: Ishtar [Harding, 2019. P. 189–203] seeks Marduk, Isis/Osiris [Harding, 2019. P. 203–229], Cybele Marduk, Isis Osiris, Cybele Attis, Astarte Adonis, etc., and Demeter is looking for her daughter Persephone. The journey is - symbolically - a return in itself, to its own beginning, a regression to the uncreated. The goddess looking for her lover killed and hidden in the realm of death (that is, in the womb of the Earth-mother-primordial) seeks herself in the hypostasis of the unborn; she is also a mother and a fetus. The journey in death is a journey to the source of rebirth, it is the transformation of the life circle into an infinite spiral.

The itinerary is littered with dangers, and the Goddess goes beyond the limits of despair when, like Isis, she gathers the fragments of Osiris' torn body to put them back together and breathe life into it.

The monsters from Hell subject her to embarrassing trials, and she renounces her pride by dressing herself in humility and reluctance (Astarte is forced to renounce at each gate a sign of power until she remains vulnerable and empty-handed). And the existing trait is reversed; In front of the eternal gods of death, the goddess arrives as a baby begging for life. The gods accept and the lover returns to the realm of light. But not definitively; the cycle of life precipitates in such a way that Osiris, Attis, Adonis are reborn in spring, along with nature and die again in autumn, similar to Persephone.

Thus, the myth of the Great Goddess, integrated with that of creation, inaugurates the initiatory journey of future heroes of knowledge who, seeking the essence of life (a fundamental answer, immortality, love, golden apples, etc.) inevitably reach "beyond the other realm."

Conclusions

The cult of the Great Mother Goddess appeared from the dawn of humanity, in matrifocal societies, when the woman was in the center of attention, as the one who gave life. As proof of the importance given to this cult are the many statuettes discovered in all areas mentioned, but being enough to mention only those belonging to the Turdaş-Vinca-Lepenski Vir, Cucuteni, Gumelniţa or Anatolian cultures.

The cult of the Great Mother Goddess has been a source of inspiration in the field of visual arts over the years, so we can see many spectacular representations of her from cultures over the world.

References

Rus L. P. Forma feminină între simbol şi reprezentare, Ed. Eikon, Cluj-Napoca, 2013, 74 p.

Cuciuc Romanescu L. S. Some Typologies and Artistic Representations of Medusa in Art History. In: Proceedings of the IXth International Symposium “Învăţământ, Cercetare, Creaţie – Education, Research, Creation”, May 29-31, 2018 Constanţa, Romania, pp. 147–154.

Harding M. E. Misterele femeii. Simboluri şi ritualuri de iniţiere de-a lungul timpului. Ed. Herald, Bucureşti 2019, 288 p.

Материал поступил в редакцию

Received

01.09.2020 г.

Сведения об авторах / About the authors:

Laura Sînziana Cuciuc Romanescu, lecturer, PhD, Ovidius University, Fine Arts Department (Aleea Universităţii nr.1, 900470, Constanţa, Romania)

Лаура С. Кучук Романеску, преподаватель, кандидат исторических наук, Университет Констанцы, департамент изящных искусств (Университетская аллея, 1, Констанца, Румыния)

sinzianaromanescu@icloud.com

ORCID: 0000-0002-3609-2192

Özlem Kaya, lecturer, PhD, Hitit University, Faculty of Fine Arts, Design and Architecture, Department of Textile and Fashion Design (Çevre Yolu Bulvarı, 19030 Çorum, Turkey)

Озлем Кайа, преподаватель, кандидат исторических наук, Университет Хитит, факультет изящных искусств, дизайна и архитектуры, департамент текстиля и дизайна одежды (Чевре Ёлу бульвар, 190306 Чорум, Турция)

ozlemkaya@hitit.edu.tr

ORCID:0000-0002-8572-6577

Методика и методология

Возможности применения синхротронных методов анализа при изучении археологических материалов

Р. В. Давыдов¹, Ю. С. Губар¹, Ф. Занини²

¹ *Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

² *Elettra-Sinchrone Trieste S.C.p.A
Триесте, Италия*

Аннотация

Современный уровень исследований археологических материалов требует привлечения комплекса методов, включая естественнонаучные. Среди последних особое место занимают синхротронные методы анализа вещества, которые начали применяться в археологии в начале XXI в. В настоящей статье представлен обзор синхротронных методов анализа археологических материалов, которые сочетают в себе высокую точность, многозадачность и сравнительную доступность. Рассмотрены следующие методы: синхротронная рентгеновская дифракция, рентгеновская флуоресценция, рентгеновская абсорбция идеальных структур, синхротронная томография, синхротронная инфракрасная спектроскопия, рамановская спектроскопия. Приведены описания физических основ методов. Дана оценка их преимуществ и недостатков, представлены примеры их использования при изучении различного археологического материала. Обзор выполнен на опубликованных материалах исследований синхротронного центра Elettra Synchrotron Trieste S.C.p.A. (Италия). Отдельно отмечается разница между синхротронными методами и их аналогами на базе альтернативных источников излучения. Методы синхротронного анализа в большинстве своем не являются уникальными и имеют тот же общий недостаток, что и подавляющее большинство несинхротронных методов – необходимость отбора проб, которая приводит к фрагментации артефакта. Однако использование излучения синхротрона позволяет существенно повысить точность, качество данных, ускорить процесс сбора информации, представить данные в альтернативной форме.

Ключевые слова

синхротрон, археология, элементный состав, микроструктура, рентгеновская дифрактометрия, рентгенофлуоресцентная спектроскопия, рамановская спектроскопия, томография.

Источник финансирования

Работа реализована при поддержке НОЦ «Новая археология».

Для цитирования

Давыдов Р. В., Губар Ю. С., Занини Ф. Возможности применения синхротронных методов анализа при изучении археологических материалов // *Universum Humanitarium*. 2020. № 2. С. 82–106
DOI

Possibilities of Application of Synchrotronic Analysis Methods in the Study of Archaeological Materials

R. V. Davydov¹, Yu. S. Gubar¹, F. Zanini²

¹ *Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russia*

² *Elettra-Sincrotrone Trieste S.C.p.A
Trieste, Italy*

Abstract

The modern level of research of archaeological materials requires the involvement of a set of methods, including natural sciences. Among the latter, synchrotron methods of analysis of matter occupy a special place. This group of methods began to be used in archeology at the beginning of the 21st century, occupy a special place. This article provides an overview of synchrotron methods for analyzing archaeological materials that combine high accuracy, multitasking, and comparative accessibility. The authors consider the following methods: synchrotron X-ray diffraction, X-ray fluorescence, X-ray absorption of ideal structures, synchrotron tomography, synchrotron infrared spectrometry, Raman spectrometry. Descriptions of the physical basis of the methods are given. The advantages and disadvantages of the methods are evaluated, examples of their use in the study of archaeological material are given. The review was performed on the published research materials of the Elettra Synchrotron Trieste S.C.p.A. (Italy). The difference between the synchronous methods and their analogues based on alternative radiation sources is noted. Synchrotron analysis methods for the most part are not unique and have the same common drawback as the vast majority of non-synchrotron methods - the need for sampling, which leads to fragmentation of the artifact. However, the use of synchrotron radiation can significantly improve the accuracy, quality of data, speed up the process of collecting information, present data in an alternative form.

Keywords

synchrotron, archaeology, elemental composition, micro-structure, X-ray diffractometry, X-ray fluorescence spectroscopy, Raman spectroscopy, tomography.

Funding

This work was supported by the Center for Science and Education “New Archaeology”.

For citation

Davydov R. V., Gubar Yu. S., Zanini F. Possibilities of Application of Synchrotronic Analysis Methods in the Study of Archaeological Materials. *Universum Humanitarium*. 2020. No 2. P. 82–106
DOI

Введение

В рамках современного комплексного подхода к анализу археологического материала для достижения высокого уровня исследований

требуется привлечение различных методов, в том числе физико-химических. Они применяются для датирования археологических объектов, получения информации об элементном составе и структуре материалов, а также с целью неdestructивного исследования памятников.

Совместная работа археологов, физиков и химиков начинается еще в XIX в. в виде отдельных исследований [Радлов, 1896. С. 56]. Однако в середине XX в. ситуация существенно меняется – начинается активное взаимодействие археологии и естественнонаучных дисциплин. Например, Б.А. Колчин, который во время своей работы в Институте археологии АН СССР в 1940–1960-х гг. организовал исследования в области дендрохронологии и издал серию фундаментальных работ по металлографии и металловедению, в результате чего междисциплинарный подход к анализу артефактов прочно вошел в археологию [Колчин, Шер, 1969]. Также благодаря открытию У.Ф. Либби в 1946 г. распада изотопа углерода (C^{14}) в археологию интегрируются естественнонаучные методы абсолютного датирования. Благодаря этим нововведениям археологические исследования вышли на совершенно другой качественный уровень [Клейн, 1966. С. 52].

С этого времени набор физических и химических методов, используемых археологами, постоянно увеличивается. Непрерывно возникают новые методы, связанные с развитием естественных наук. В рамках данной тенденции с начала XXI в. при изучении объектов историко-культурного наследия, в том числе археологических материалов, стали применяться анализы, использующие синхротронное излучение, имеющее ряд преимуществ по сравнению с излучением из классических источников. Они достаточно распространены в работах европейских авторов, в то время как отечественными исследователями синхротронные методы не привлекаются.

Целью настоящей статьи является обзор синхротронных методов анализа археологических материалов на примере лабораторий, входящих в состав центра Elettra Synchrotron Trieste S.C.p.A. (Италия), с недавнего времени сотрудничающего с Новосибирским государственным университетом. Оценивается уникальность методов, их преимущества и недостатки, приводятся примеры использования при археологических исследованиях.

В качестве источников используются опубликованные материалы исследований центра Elettra Synchrotron Trieste S.C.p.A. (далее – Elettra) и обобщающие теоретические работы, посвященные применению методов на базе синхротронного излучения.

Синхротронные методы Elettra

Синхротронное излучение производится релятивистскими заряженными частицами в однородном магнитном поле. Частицы (пучки электронов или позитронов), ускоренные до релятивистских скоростей, движутся в накопительном кольце в магнитном поле. Они испускают излучение на криволинейных участках траектории при изменении вектора движения. Данное излучение включает свет с различной длиной волны и направлено по первоначальному вектору движения частицы [Прохоров, 1994. С. 532–533; Bertrand et al., 2012. Р. 52–54].

Луч синхротронного излучения характеризуется большой мощностью (например, излучение синхротрона Elettra имеет энергию 2 и 2,4 ГэВ) и используется для различных анализов. Исходящий из накопительного кольца луч проходит процедуру монохроматизации для получения необходимого для них типа излучения (ультрафиолетового, инфракрасного, рентгеновского и т.д.) [Там же. Р. 52–54].

Таким образом, синхротрон представляет собой постоянно действующий источник мощного излучения, одновременно обеспечивающий работу большого числа анализаторов. Так, в центре Elettra расположено 28 лабораторий, использующих синхротронное излучение в различных исследованиях, из них семь участвуют в изучении археологических материалов, каждая характеризуется соответствующим методом анализов.

Рентгеновская дифракционная спектроскопия

Методы рентгеновской дифракции основаны на фиксации угла и интенсивности рассеивания отраженного от образца рентгеновского луча. Рассеивание отраженного луча связано со взаимодействием рентгеновских фотонов с электронами атомов вещества. В зависимости от типа атомов луч будет отражаться от образца под разными углами с разной интенсивностью. Данные отражения фиксируются детекторами и представляются в виде спектров (интенсивность / угол отражения), интерпретация которых позволяет определить элементный состав и структуру вещества [Там же. Р. 68–70]. Последнее может свидетельствовать о технологии изготовления предметов и, в отдельных случаях, характере их использования [Artioli, 2013. Р. S56, Fig. 1].

Данный метод позволяет исследовать различные объекты, но наиболее эффективен он при анализе веществ с кристаллической структурой. Недостатком метода является скорость (анализ занимает сравнительно много времени, в зависимости от разрешения, охва-

тываемого угла рассеивания и энергии луча) и маленький размер образца (до 2 см) [Bertrand et al., 2012. P. 71]. Последнее, несмотря на то что метод является неdestructивным, приводит к повреждению археологических артефактов при взятии проб.

В синхротронном центре Elettra находится лаборатория рентгеновской дифракции (MCX). В ней используется излучение синхротрона, позволяющее исследовать образцы малых размеров (до нескольких нм) и получать детальные спектры в высоком разрешении (за счет высокой интенсивности луча), благодаря чему появляется возможность подробно исследовать микроструктуру веществ. Также из-за мощного синхротронного излучения ускоряется процесс сбора данных (до 10–60 секунд), благодаря чему исследуются динамические процессы в веществах [Plaisier, 2017. P. 72; Salvadó et al., 2002. P. 215].

Синхротронная рентгеновская дифракция применяется при изучении микроструктуры и элементного состава пигментов [Salvadó et al., 2002], керамики [Bertrand et al., 2012. Fig. 21], металлов [Artioli, 2013], процессов разрушения стеклянных витражей, стеклянной посуды [Plaisier, 2017. P. 71].

Рентгенофлуоресцентная спектроскопия

Базой данного метода служит явление рентгеновской флуоресценции. Под воздействием рентгеновских лучей атомы вещества приходят в состояние возбуждения. Оно вызвано передачей фотонами энергии электронам на внутренних орбиталях с их последующей реабсорбцией. На свободное место переходит электрон с внешней орбитали, что сопровождается испусканием им энергии в виде фотона второго порядка. В зависимости от типа атомов для флуоресценции требуется разная энергия. Интенсивность флуоресценции в зависимости от энергии излучения улавливается детекторами и представляется в виде спектров (интенсивность / E). Интерпретация спектров позволяет получить информацию об элементах и их соединениях в составе вещества. Спектры могут демонстрировать как интенсивность флуоресценции всех элементов в выбранной области, так и распределение одного элемента по области [Ширкин, 2009. С. 65–67; Bertrand et al., 2012. P. 61–62; Shackley, 2011. P. 15–19].

Рассматриваемый метод является неdestructивным и дает подробную информацию о материалах, из которого сделан образец. Он не требует много времени (до 200 секунд в зависимости от разрешения и мощности луча) и сложной пробоподготовки. Однако метод имеет и ряд недостатков: некоторые элементы не имеют характерных

флуоресцентных спектров (тяжелые металлы), если образец имеет сложную геометрию, точность анализа снижается [Bertrand et al., 2012. P. 61; Shackley, 2011. P. 9]. Кроме того, размер образца ограничен, что также приводит к необходимости взятия проб из артефактов.

Применение синхротронного излучения для рентгеновской флуоресцентной спектроскопии (например, в лабораториях ЕРМА и РХЕ синхротронного центра Elettra) за счет мощности луча позволяет, в первую очередь, расширить набор элементов, доступных для идентификации. Возникает возможность исследования образцов размером до нескольких микрон с высоким разрешением (128×128 пикселей). Кроме того, при изменении интенсивности и угла падения луча на образец можно получать спектры не только с поверхности пробы [Bertrand et al., 2012. P. 62].

Синхротронная рентгеновская флуоресцентная спектроскопия применяется при исследовании археологического стекла, элементного состава металлов [Там же. Fig. 11, 12].

Рентгеновская микроскопия

В ее основе лежат принципы флуоресценции и абсорбции. В первом случае образец просвечивается рентгеновским лучам и приходит в состояние возбуждения, фотоны второго порядка, улавливаемые детекторами. Также фиксируется интенсивность и рассеивание прошедшего сквозь образец луча. Полученные данные представляются в виде спектров, отражающих элементный состав, и изображений, демонстрирующих распределение элементов по площади образца [Bertrand et al., 2012. P. 59; Gianoncelli et al., 2016. P. 1526–1528].

Данный метод также неdestructивный. Его безусловным достоинством является возможность получения точных изображений распределения элементов по площади образца за счет перемещения рентгеновского луча. Возможен анализ любых веществ. Основной недостаток – необходимость использования тонкого образца, что обуславливает потребность во взятии проб из артефактов.

Рентгеновская микроскопия активно применяется в синхротронных центрах, в том числе в Elettra (TwinMic). Использование синхротронного излучения позволяет существенно повысить скорость измерений (от 10 секунд, в зависимости от интенсивности луча), охватить за счет мощности энергии больший спектр элементов и получить изображения в высоком разрешении (до 1,6 мк в 1 пикселе) [Gianoncelli et al., 2016].

Синхротронная рентгеновская микроскопия используется при исследовании антропологических останков, пигментов, архитектуры и процессов консервации объектов [Nava et al., 2017].

Рентгеновская компьютерная томография

Данный метод основывается на поглощении (фотоэлектрическом эффекте, при котором энергия фотонов передается электронам атомов вещества) и рефракции рентгеновских лучей, взаимодействующих с материалом. В результате фиксации изменения интенсивности излучения и упругого рассеяния могут быть получены 2D-проекции объекта, информация об его внутренней структуре. Из серии данных 2D-проекций, полученных под разными углами, возможно конструирование 3D-модели формы и внутренней структуры изучаемого предмета [Bertrand et al., 2012. P. 72–73].

Главный плюс метода – возможность неdestructивного анализа внутренней структуры объектов любой формы и из любого материала. Недостаток – неудобство исследования больших плоскостей (картин, плит и т.д.), поскольку имеются ограничения, связанные с размерами луча (предмет должен полностью попадать в область излучения) и усилением преломления лучей на образце (что снижает качество результата) [Там же. P. 73].

Применение синхротронного излучения при изучении предмета методом рентгеновской компьютерной томографии позволяет получать изображения и модели в высоком разрешении (до 100 нм) в ходе анализа образцов различного размера – от нескольких сантиметров до субмикронных (рентгено-флуоресцентная нанотомографическая микроскопия) [Bernardini et al., 2018. P. 26–27; Bertrand et al., 2012. P. 74]. Кроме того, благодаря мощности синхротронного излучения (из источников 3-го поколения) возможно получение изображения в пределах 1 секунды, в то время как при использовании обычного источника рентгеновских лучей анализ занимает от 5 до 30 мин (в зависимости от разрешения изображения и мощности источника). Данная особенность позволяет исследовать динамические явления [Bertrand et al., 2012. P. 75–76]. Также ламинография на базе синхротронного излучения снижает требования к геометрии объекта и позволяет производить анализ панелей, алтарей, окаменелостей и т.д. [Там же. P. 76].

В настоящее время лаборатории рентгеновской компьютерной томографии на базе синхротронного излучения имеются во многих синхротронных центрах: Bessy (Германия, BAMline), ANKA (Германия,

IMAGE/XMIC, TOPO-TOMO), Diamond (Англия, I13), ESRF (Франция, ID11, ID16, ID17, ID19), PSI (Остров Святой Елены, Tomcat), Elettra (Италия, SYRMEP), SSR (Япония, BL13W), Spring-8 (Япония, BL20XU и BL47XU), Australian (Австралия, IMBL) [Bernardini et al., 2018. Tab. 2.1].

Данный метод применялся анализе морфологии антропологических останков [Bernardini et al., 2018. P. 30–31; Nava et al., 2017; Tuniz et al., 2014. P. 4; Zanolli et al., 2018], неинвазивном изучении примесей в керамике эпохи палеометалла [Bernardini et al., 2018. P. 35, Fig. 2.3], анализе следов охотничьих орудий на костях животных и исследованиях палеофауны [Bernardini et al., 2018. P. 35; Bertrand et al., 2012. Fig. 25, a], изучении археологического дерева [Tuniz et al., 2014. P. 4] и поврежденных коррозией монет [Bozzini et al., 2014].

Среди наиболее известных работ, выполненных лабораторией томографии синхротрона Elettra (Италия), можно выделить исследование зуба неолитического времени [Bernardini et al., 2012; Bernardini et al., 2018. P. 33], анализ клеящего вещества на каменных орудиях неандертальцев, свидетельствующего об использовании ими составных орудий [Bernardini et al., 2018. P. 35; Sano et al., 2019], исследование «неандертальской флейты» из пещеры Дивье Бабе (Словения) [Tuniz et al., 2014. Fig. 3].

Инфракрасная спектроскопия на основе преобразования Фурье

Рассматриваемый метод основывается на явлении поглощения света веществом и вызванным им колебанием молекул. Лучи инфракрасного света с различной длиной волны пропускаются через образец, часть их поглощается веществом. Детекторами собирается информация об интенсивности поглощения лучей в зависимости от длины их волны. Полученные данные представляются в виде спектров (степень поглощения / длина волны), интерпретация которых позволяет идентифицировать типы молекул и исследовать процесс их генезиса.

Данный неdestructивный метод применяется для исследования органических веществ. Его достоинством является точность измерений и возможность характеристики молекул вещества. Ограничение – специализация на конкретном типе материалов. Также для него требуется образец небольших размеров, что приводит к необходимости взятия проб из артефактов [Bertrand et al., 2012. P. 77–78].

Лаборатории, специализирующиеся на анализе методом инфракрасной спектроскопии на основе преобразования Фурье, имеются в синхротронных центрах: Alba Synchrotron (Испания, MIRAS), Pohang (Республика Корея, 12D IRS), SESAME (Иордания, EMIRA), Elettra (Италия, SISSI). Использование излучения синхротрона позволяет существенно повысить точность измерений (спектральное разрешение 4 мк) и выполнять серии измерений для получения картограмм образцов (распределение молекул определенных типов), исследовать динамичные биологические системы [Birarda et al., 2017. P. 3; Lupi et al., 2007. P. 962].

Синхротронная инфракрасная спектроскопия на основе преобразования Фурье применяется для изучения технологии изготовления лаков, красок, пигментов на объектах мобильного и монументального искусства [Bertrand et al., 2012. P. 78; Salvado et al., 2002], керамики [Torrissi et al., 2019]. Одной из наиболее известных работ, в которой принимали участие сотрудники лаборатории SISSI (Elettra), является исследование каменных артефактов из пещеры Grotta del Cavallo, в результате которого было доказано, что неандертальцы использовали составные орудия. Рассматриваемый метод был использован при анализе сохранившегося на предметах клейкого вещества на органической основе, использованного для крепления [Sano et al., 2019].

Спектроскопия на основе неупругого рассеивания

Базой для данного метода служит способность молекул к неупругому (комбинационному, рамановскому) рассеиванию. При прохождении сквозь вещество (или при отражении от него) луч меняет длину волны. Данное изменение зависит от характера вещества. Детекторами улавливается интенсивность измененного луча на разных длинах волн. Собранная информация представляется в виде спектров (интенсивность/длина волны). Интерпретация данных позволяет идентифицировать молекулы и кристаллы вещества [Bertrand et al., 2012. P. 78].

Рассматриваемый метод анализа является неdestructивным, не требует вакуума, что позволяет производить анализы объектов разного размера (в том числе крупных произведений искусства с использованием мобильных установок). В настоящее время также возможно собирать данные, взятые из многих различных точек на неоднородной поверхности, для получения спектральной карты в виде 2D-изображения [Bertrand et al., 2012. P. 78; Clark, 2005. P. 173].

В синхротронном центре Elettra находится лаборатория IUVS, где используется рамановская спектроскопия ультрафиолетового света. Благодаря использованию синхротронного излучения, а также ультрафиолетового луча значительно повышается разрешение данных при получении спектральной карты (с размером пикселя до 290 нм), что позволяет локализовать и характеризовать субмикрометрические неоднородности в образце. Также увеличивается диапазон измерений, расширяя перечень доступных для идентификации соединений [Bertrand et al., 2012. P. 78–79].

Синхротронная рамановская спектроскопия активно применяется в археологических исследованиях пигментов и связующих веществ в красках на картинах, в чернилах, на предметах мобильного искусства, красящих веществ фресок и штукатурок на памятниках архитектуры [Crupi et al., 2015; Crupi et al., 2018], древних бронз, керамики, камня, текстиля и стекла [Clark, 2007; Smith et al., 2004. P. 1145–1151].

Рентгеновская абсорбция тонких структур

Рентгеновская абсорбция тонких структур (*x-ray absorption of fine structures* – XAFS) – уникальный синхротронный неdestructивный метод, применение которого возможно благодаря интенсивности луча. В его основе – явление абсорбции (поглощения) энергии рентгеновских лучей атомами вещества. В результате этого процесса происходит реабсорбция электронов с внутренних атомных орбиталей, сопровождающаяся их замещением электронами с внешних орбиталей с испусканием фотонов. Детекторами фиксируется интенсивность поглощения низкоэнергетического (до 6–10 eV) рентгеновского луча разной мощности (чем больше мощность, тем тяжелее элемент может быть распознан). Собранные данные выражаются в виде спектров (поглощение / E). Их интерпретация позволяет проанализировать элементный состав вещества.

Данный метод дополняет расширенная рентгеновская абсорбция тонких структур (*extended x-ray absorption of fine structures* – EXAFS). При нем используется рентгеновский луч большей энергии. Метод базируется на интерференции испускаемых атомами электронов, которая отражается на интенсивности исходящего луча. Благодаря этому возникает возможность изучения молекул веществ, в первую очередь – оксидов металлов, что дает информацию о структуре вещества и его происхождении [Bertrand et al., 2011; Bertrand et al., 2012. P. 66–67].

Идентификация продуктов окисления металлов предоставляет широкие возможности для исследований. Не требуется большого размера образца, метод неdestructивный. Однако он нуждается в специальной подготовке, поскольку при анализе используются только твердые спрессованные пробы.

Рентгеновская абсорбция тонких структур представлена в центре Elettra лабораторией XAFS. Данный метод применяется при исследовании искусственного состаривания чернил, технологии изготовления пигментов, анализе археологического стекла [Quartieri, 2018. Р. 3–5], ренессансной керамики с территории Италии и Пиренейского полуострова [Rodrigues, 2015], искусства эпохи Возрождения [Bertrand et al., 2011. Fig. 5; Bertrand et al., 2012. Fig. 15].

Обсуждение

Представленные выше методы имеют несинхротронные аналоги, которые регулярно применяются в археологических исследованиях. Для того чтобы понять место синхротронных анализов в археологии, рассмотрим используемые в ней основные естественнонаучные методы.

Можно выделить три сферы, для которых привлекаются физико-химические методы. Первая – неинвазивное исследование археологических памятников с применением магнитометрии, электроразведки с помощью геодезических радаров и т.д. [Мартынов, 1989. С. 42, 48]. Вторая сфера применения – датирование материалов. Наблюдается большое разнообразие методов по определению абсолютного возраста отложений, камня, органических материалов: калий-аргоновый (K-Ar), уран-гелиевый (U-He), метод «урановых рядов», уран-ториевый ($^{230}\text{Th}/^{234}\text{U}$), радиоуглеродный методы (C^{14}), термолюминесценция, оптически стимулированная люминесценция (ОСЛ), электронный спиновый резонанс, анализ патины, метод катионного отношения, фтор-уран-азотный метод, палеомагнитный метод [Вагнер, 2006; Мартынов, 1989. С. 178–179, 186, 188–189]. Третья – анализ элементного состава, микроструктуры и молекул вещества. В первую очередь следует отметить несинхротронные аналоги методов, представленных в Elettra. Методы рентгеновской дифракции применяются при исследовании пигментов на памятниках монументального искусства каменного века и античной архитектуры [Дубровский, Грачев, 2010. С. 207; Широков, 1995. С. 39; Clementi et al., 2011. С. 1815]. Также используется альтернативный неинвазивный

дифракционный метод – нейронная дифрактометрия [Fedrigo et al., 2017; Siano, Bartoli, 2006. P. 77–79].

Рентгенофлуоресцентный анализ – один из наиболее распространенных, в том числе в отечественной науке, методов изучения древних пигментов [Гренберг, 2000. С. 57; Popelka-Filcoff, 2016. С. 25, 30, 32], металлов – в первую очередь, бронз [Хаврин, 2008; Philip, 2015; Pillay, 2001; Valério et al., 2012; Uda et al., 2005].

Рентгеновская микроскопия и сканирующая электронная микроскопия (в том числе с применением энергодисперсионной спектроскопии) используются в мировой археологии при анализе элементного состава и микроструктуры пигментов на предметах мобильного искусства и образцах из культурного слоя памятников каменного века, а также на предметах средневековой архитектуры [Дэвлет и др., 2015. С. 21; Котов, 2004. С. 67; Пахунов, 2014. С. 10; Lbova et al., 2017. С. 173] и металлов [Horváth et al., 2009; Merkel, 2018; Shemakhanskaya et al., 2009]. Дополняет данный метод рентгеноспектральный анализ [Тишкин, Серегин, 2011].

Компьютерная томография и рентгенография активно применяются при анализе металлических артефактов с середины XX в. [Anderson, Fregni, 2009; Becker et al., 1994; McArthur, 2015], в том числе в отечественной археологии [Колчин, Шер, 1969. С. 91]

Рамановская спектроскопия используется для анализа пигментов [Дэвлет и др., 2015. С. 22; Морозов, Ляхницкий, 2010. С. 355; Bell et al., 1997], металла, камня, текстиля, кости, стекла, керамики [Clark., 2006; Smith et al., 2003].

Метод инфракрасной спектроскопии (FTIR) применяется преимущественно при изучении пигментов наскальной или станковой живописи [Котов и др., 2004. С. 66; Пахунов и др., 2014. С. 8; Derrick et al., 1999. P. 220–222].

Кроме указанных методов можно отметить оптический эмиссионный спектральный анализ (ОЭСА) [Нестеров и др., 2016; Doncheva, 2012]. При изучении металлов с середины XX в. распространен металлографический метод. В отечественной археологии он применяется преимущественно для анализа изделий из черных металлов [Зиняков, 1988, 1997; Зыков, 1987; Колчин, 1953; Колчин, Шер, 1969. С. 91–94; Ленъков, 1974], в то время как зарубежные исследователи используют металлографию, как правило, для изучения древних бронз [Callewaert, 2010; Omid, Davami, 2014; Valério et al., 2012; Scott, 1991].

При анализе пигментов зарубежными авторами используются спектроскопия лазерной искры (LIBS) [Гренберг, 2000. С. 131; Agresti et al., 2009. P. 2257], инструментальный нейтронно-активационный

анализ (INAA) [Zipkin et al., 2015. P. 314], газовая хроматография – масс-спектрометрия (GC-MS) [Bonaduce, Andreotti, 2009. P. 304, 309].

Представленный список методов иллюстрирует тот факт, что синхротронные анализаторы в большинстве своем не являются уникальными по методу фиксации информации – их несинхротронные аналоги регулярно используются в археологии и дополняются другими методами.

Следует отметить, что в отечественной археологии применяется достаточно ограниченный набор методов: рентгеновская флуоресценция, рентгеновская микроскопия, энергодисперсионная спектроскопия, компьютерная томография, рамановская спектроскопия, металлография. Многие из них имеют ограничения, вызванные разрешением приборов и мощностью источников излучения.

Заключение

Методы синхротронного анализа археологических материалов в большинстве своем не являются уникальными и имеют тот же общий недостаток, что и подавляющее большинство несинхротронных методов – необходимость отбора проб, которая приводит к фрагментации артефакта. Однако использование излучения синхротрона позволяет существенно повысить точность, качество данных, ускорить процесс сбора информации, представить данные в альтернативной форме (картирование, динамика). Кроме того, существуют исключительно синхротронные методы, благодаря которым фиксируется специфическая информация.

В результате применение синхротронных методов анализа позволяет получить уникальные по точности и полноте данные. Их интеграция в отечественную археологическую науку поможет существенно расширить арсенал методов анализа и вывести мультидисциплинарные археологические исследования на новый уровень.

Список литературы

Вагнер Г. А. Научные методы датирования в геологии, археологии и истории. М.: Техносфера, 2006. 534 с.

Гренберг Ю. И. Технология и исследование произведений станковой и настенной живописи. М.: ГОСНИИР, 2000. 132 с.

Дубровский Д. К., Грачев В. Ю. Уральские писаницы в мировом наскальном искусстве. Екатеринбург: Грачев и партнеры, 2010. 212 с.

Дэвлет Е. Г., Грешников Э. А., Фахри А. И. Естественнонаучные методы в изучении Мезоамериканских пигментов доиспанского периода на скалах и пещерной живописи // Вестн. Кемер. гос. ун-та. 2015. № 2(62), т. 6. С. 18–23.

Зиняков Н. М. История черной металлургии и кузнечного ремесла древнего Алтая. Томск: Изд-во ТГУ, 1988. 276 с.

Зиняков Н. М. Черная металлургия и кузнечное ремесло Западной Сибири. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997. 368 с.

Зыков А. П. Технология кузнечного производства в Верхнем Прикамье в начале II тысячелетия н.э. (по материалам родановских и сылвенских памятников) // Новые археологические исследования на территории Урала. Ижевск: Удмурт. ун-т, 1987. С. 145–155.

Клейн Л. С. Археология спорит с физикой // Природа. 1962. № 2. С. 51–63.

Колчин Б. А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (Домонгольский период). М.: Изд-во АН СССР, 1953. 257 с.

Колчин Б. А., Шер Я. А. Некоторые итоги применения естественнонаучных методов в археологии // КСИА. 1969. № 118. С. 83–101.

Котов В. Г., Ляхницкий Ю. С., Пиотровский Ю. Ю. Методика нанесения состава красочного слоя рисунков пещеры Шульган-Таш (Каповой) // Уфимский археологический вестник. 2004. Вып. 5. С. 65–72.

Леньков В. Д. Металлургия и металлообработка у чжурчженей в XII веке (по материалам исследований Шайгинского городища). Новосибирск: Наука, 1974. 196 с.

Мартынов А. И., Шер Я. А. Методы археологического исследования. М.: Высш. шк., 1989. 223 с.

Морозов М. В., Ляхницкий Ю. С. Рамановская спектроскопия палеолитических охр Каповой пещеры (Южный Урал, Россия) // Современная минералогия: от теории к практике: Материалы XI съезда РМО. СПб., 2010. С. 355–357.

Нестеров С. П., Савин А. Н., Колмогоров Ю. П. Раннесредневековый предметный комплекс ювелира-литейщика из Западного Приамурья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016. Т. 44, № 2. С. 81–90.

Пахунов А. С., Житенев В. С., Брандт Н. Н., Чикишев А. Ю. Предварительные результаты комплексного исследования красочных пигментов настенных изображений Каповой пещеры // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2014. Вып. 4. С. 4–15.

Прохоров А. М. Физическая энциклопедия. Т. 4. М.: Бол. сов. энцикл., 1994. 701 с.

Радлов В. В. Сибирские древности: из путевых записок по Сибири. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1896. 70 с.

Тишкин А. А., Серегин Н. Н. Металлические зеркала как источник по древней и средневековой истории Алтая (по материалам Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета). Барнаул: Азбука, 2011. 144 с.

Хаврин С. В. Древнейший металл Саяно-Алтая (энеолит–ранняя бронза) // Изв. АлтГУ. 2008. Вып. 4–2. С. 210–216.

Ширкин Л. А. Рентгенофлуоресцентный анализ объектов окружающей среды: учеб. пособие. Владимир: Изд-во Владим. гос. ун-та, 2009. 65 с.

Шириков В. Н. Древнейшее искусство уральских пещер. Екатеринбург: Средне-Урал. книж. изд-во, 1995. 39 с.

Agresti J., Mencaglia A.A., Siano S. Development and application of a portable LIBS system for haracterizing copper alloy artefacts // Anal. Bioanal. Chem. 2009. № 395. P. 2255–2262.

Anderson G., Fregni V. Technology as a tool for archaeological research and artifact conservation // AIC Objects Specialty Group Postprints. 2009. Vol. 16. P. 95–109.

Artioli G. Science for the cultural heritage: the contribution of X-ray diffraction // Rend. Fis. Acc. Lincei. 2013. Vol. 24. P. S55–S62.

Becker L., Piloni L., Schorsch D. An Egyptian Silver Statuette of the Saite Period – A Technical Study // Metropolitan Museum Journal. 1994. Vol. 29. P. 37–56.

Bell I. M., Clark R. J. H., Gibbs P. J. Raman spectroscopic library of natural and synthetic pigments (pre-~1850 AD) // Spectrochimica Acta. 1997. Part A, 53. P. 2159–2179.

Bernardini F., Tuniz C., Coppa A., Mancini L., Dreossi D., Eichert D., Turco G., Biasotto M., Terrasi F., De Cesare N., Hua Quan, Levchenko V. Beeswax as Dental Filling on a Neolithic Human Tooth // PLoS ONE. 2012. Vol. 7(9). P. e44904.

Bernardini F., Tuniz C., Zanini F. X-Ray Computed Microtomography for Paleoanthropology, Archaeology, and Cultural Heritage // Nanotechnologies and Nanomaterials for Diagnostic, Conservation, and Restoration of Cultural Heritage. Elsevier, 2018. P. 25–45.

Bertrand L., Cotte M., Stampanoni M., Thoury M., Marone F., Schöder S. Development and trends in synchrotron studies of ancient and historical materials // Physics Reports. 2012. Vol. 519. P. 51–96.

Bertrand L., Robinet L., Thoury M., Janssens K., Cohen S. X., Schöder S. Cultural heritage and archaeology materials studied by synchrotron spectroscopy and imaging // Applied Physics A. 2011. Vol. 106(2). P. 377–396.

Birarda G., Di Pietro P., Perucchi A., Lupi S., Vaccari L. Infrared Spectral Imaging with Synchrotron Radiation // *Synchrotron Radiation News*. 2017. Vol. 30(4). P. 3–4.

Bonaduce I., Andreotti A. Py-GC/MS of Organic Paint Binders. // *Organic Mass Spectrometry in Art and Archaeology*. N. Y.: John Wiley & Sons, 2009. P. 303–326.

Bozzini B., Gianoncelli A., Mele C., Siciliano A., Mancini L. Electrochemical reconstruction of a heavily corroded Tarentum hemiobolus silver coin: a study based on microfocus X-ray computed microtomography // *Journal of Archaeological Science*. 2014. Vol. 52. P. 24–30.

Callewaert M. Les couleurs des artefacts en alliage cuivreux: analyse physico-chimique des techniques de coloration utilisées du Chalcolithique au Haut Moyen-Âge en Europe et au Proche-Orient // *Archéo-Situla*. 2010. Vol. 20. P. 42–60.

Clark R. J. H. Raman microscopy as a structural and analytical tool in the fields of art and archaeology // *Journal of Molecular Structure*. 2007. Vol. 834–836. P. 74–80.

Clementi C., Ciocan V., Vagnini M. Non-invasive and micro-destructive investigation of the Domus Aurea wall painting decorations // *Anal. Bioanal. Chem.* 2011. Vol. 401(6). P. 1815–1826.

Crupi V., Galli G., La Russa M. F., Longo F., Maisano G., Majolino D., Malagodi M., Pezzino A., Ricca M., Rossi B., Ruffolo S. A., Venutiet V. Multi-technique investigation of Roman decorated plasters from Villa dei Quintili (Rome, Italy) // *Applied Surface Science*. 2015. Vol. 349. P. 924–930.

Crupi V., La Russa M. F., Venuti V., Ruffolo S., Ricca M., Paladini G., Albini R., Macchia A., Denaro L., Birarda G., Bottari C., D'Amico F., Vaccari L., Majolino D. A combined SR-based Raman and InfraRed investigation of pigmenting matter used in wall paintings: The San Gennaro and San Gaudioso Catacombs (Naples, Italy) case // *The European Physical Journal Plus*. 2018. Vol. 133(9). P. 369.

Derrick M. R., Stulik D. C., Landry J. M. Infrared spectroscopy in conservation science. Los Angeles: Getty Conservation Institute, 1999. 252 p.

Doncheva S. Metal Art Production in Medieval Bulgaria: Jewelry craftsmanship in Bulgaria at the Middle Ages. Saarbrücken (Germany): LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. 161 p.

Fedrico A., Grazi F., Williams A.R., Panzner T., Lefmann K., Lindelof P. E., Jørgensen L., Pentz P., Scherillo A., Porcher F., Strobl M. Extraction of archaeological information from metallic artefacts. – A neutron diffraction study on Viking swords // *Journal of Archaeological Science: Reports*. 2017. Vol. 12. P. 425–436.

Gianoncelli A., Kourousias G., Merolle L., Altissimo M., Bianco A. Current status of the TwinMic beamline at Elettra: a soft X-ray transmission and emission microscopy station // *Journal of Synchrotron Radiation*. 2016. Vol. 23(6). P. 1526–1537.

Horvath E., Kovacs J. S., Toth M. An Early Medieval buckle with cloisonné decoration: the localization of workshop area by archaeometrical investigation // *Archeometriai Műhely*. 2009. №4. P. 15–30.

Lbova L. V., Volkov P. V. Pigment decoration of Paleolithic Antropomorphic Figerines from Siberia // *Rock Art Research*. 2017. Vol. 34, No. 2. P. 169–178.

McArthur G., Taylor J. H., Craddock P. The conservation and technical investigation of a hollow-cast Egyptian bronze // *Technical Research Bulletin*. 2015. Vol. 9. P. 111–120.

Merkel S. W. Archaeometallurgical analysis of metalworking debris from a Germanic goldsmithing workshop at Elsfléth-Hogenkamp, 2nd-3rd century ad // *Archaometrie und Denkmalpflege 2018* (Hamburg, 20–24 Marz 2018). Hamburg: Verlag Deutsches Elektronen-Synchrotron, 2018. P. 95–98.

Nava A., Coppa A., Coppola D., Mancini L., Dreossi D., Zanini F., Bernardini F., Tuniz C., Bondioli L. Virtual histological assessment of the prenatal life history and age at death of the Upper Paleolithic fetus from Ostuni (Italy) // *Scientific Reports*. 2017. Vol. 7(1). P. 1–10.

Omid O., Davami P. Metallography and microstructure interpretation of some archaeological tin bronze vessels from Iran // *Materials Characterization*. 2014. Vol. 97. P. 74–82.

Philip G. Metalwork from mortuary contexts at Jerablus // *Mortuary practices at an Bronze Age fort on the Euphrates river*. Oxford, Philadelphia: Oxbow Books, 2015. P. 127–143.

Pillay A. E. Analysis of archaeological artefacts: PIXE, XRF or ICP-MS? // *Journal of Radioanalytical and Nuclear Chemistry*. 2001. Vol. 247, Issue 3. P. 593–595.

Plaisier J. R., Nodari L., Gigli L., Rebollo San Miguel E. P., Bertoncetto R., Lausi A. The X-ray diffraction beamline MCX at Elettra: a case study of non-destructive analysis on stained glass // *ACTA IMEKO*. 2017. Vol. 6(3). P. 71–75.

Popelka-Filco R. S. Novel application of X-ray fluorescence microscopy (XFM) for the non-destructive micro-elemental analysis of natural mineral pigments on Aboriginal Australian objects // *The Analyst*. 2016. Vol. 141(12). P. 24–35.

Quartieri S. X-Ray Absorption Spectroscopy (XAS, EXAFS, XANES) // *The Encyclopedia of Archaeological Sciences*. Vol. 4. 2018. P. 1–6.

Rodrigues G. C., Fermo P., Olivi L., Padeletti G. A comparative study of Hispano-Moorish and Italian Renaissance lustred majolicas by using X-ray absorption spectroscopy // *J. Anal. At. Spectrom.* 2015. Vol. 30-3. P. 738–744.

Salvadó N., Pradell T., Pantos E., Papiz M. Z., Molera J., Seco M., Vendrell M. Identification of copper-based green pigments in Jaume Huguet's Gothic altarpieces by Fourier transform infrared microspectroscopy and synchrotron radiation X-ray diffraction // *Journal of Synchrotron Radiation.* 2002. Vol. 9. P. 215–222.

Sano K., Arrighi S., Stani C., Aureli D., Boschini F., Fiore I., Spagnolo V., Ricci S., Crezzini J., Boscato P., Gala M., Tagliacozzo A., Birarda G., Vaccari L., Ronchitelli A., Moroni A., Benazzi S. The earliest evidence for mechanically delivered projectile weapons in Europe // *Nature ecology & evolution.* 2019. Vol. 3. P. 1409–1414.

Scott D. A. Metallography and Microstructure of Ancient and Historic Metals. USA, CA: Marina del Rey, 1991. 185 p.

Shackley M. S. An Introduction to X-Ray Fluorescence (XRF) Analysis in Archaeology // *X-ray fluorescence spectrometry (XRF) in geoarchaeology.* New York: Springer, 2011. P. 7–44.

Shemakhanskaya M., Treister M., Yablonsky L. The technique of gold inlaid decoration on the 5th-4th centuries BC silver and iron finds from the early Sarmatian barrows of Filippovka, Southern Urals // *ArcheoSciences, revue d'archéométrie.* 2009. Vol. 33. P. 211–220.

Siano S., Bartoli L. Non-destructive investigation of bronze artefacts from The Marches National Museum of archaeology using neutron diffraction // *Archaeometry.* 2006. Vol. 48, 1. P. 77–96.

Smith G. D., Clark R. J. H. Raman microscopy in archaeological science // *Journal of Archaeological Science.* 2004. Vol. 31. P. 1137–1160.

Tuniz C., Zanini F. Microcomputerized Tomography (MicroCT) in Archaeology // *Encyclopedia of Global Archaeology.* Springer, New York, 2014. P. 1–7.

Uda M., Demortier G., Nakai I. X-Rays for Archaeology. Netherlands: Springer, 2005. 320 p.

Valério P., Silva R.J.C., Araújo M. F., Monge Soares A. M., Barros L. A multianalytical approach to study the Phoenician bronze technology in the Iberian Peninsula. – A view from Quinta do Almaraz // *Materials Characterization.* 2012. Vol. 67. P. 74–82.

Zanolli C., Martín-Torres M., Bernardini F., Boschian G., Coppa A., Dreossi D., Mancini L., Martínez de Pinillos M., Martín-Francés L., Bermúdez de Castro J. M., Tozzi C., Tuniz C., Macchiarelli R. The Middle Pleistocene (MIS 12) human dental remains from Fontana Ranuccio

(Latium) and Visoglianio (Friuli-Venezia Giulia), Italy. A comparative high-resolution endostructural assessment // *PLoS One*. 2018. Vol. 13(10). P. 1–25.

Zipkin A. M., Hanchar J. M., Brooks A. S., Grabowski M., Thompson J., Gomani-Chindebvu E. Ochre fingerprints: Distinguishing among Malawian mineral pigment sources with Homogenized Ochre Chip LA-ICPMS. 2014 // *Archaeometry*. 2015. Vol. 58. P. 297–317.

References

Agresti J., Mencaglia A. A., Siano S. Development and application of a portable LIBS system for haracterizing copper alloy artefacts. *Anal. Bioanal. Chem.*, 2009, No 395, pp. 2255–2262.

Anderson G., Fregni V. Technology as a tool for archaeological research and artifact conservation. *AIC Objects Specialty Group Postprints*, 2009, Vol. 16, pp. 95–109.

Artioli G. Science for the cultural heritage: the contribution of X-ray diffraction. *Rend. Fis. Acc. Lincei.*, 2013, Vol. 24, pp. S55–S62.

Becker L., Pilosi L., Schorsch D. An Egyptian Silver Statuette of the Saite Period – A Technical Study. *Metropolitan Museum Journal*, 1994, Vol. 29, pp. 37–56.

Bell I. M., Clark R. J. H., Gibbs P. J. Raman spectroscopic library of natural and synthetic pigments (pre-~1850 AD). *Spectrochimica Acta*, 1997, Part A, 53, pp. 2159–2179.

Bernardini F., Tuniz C., Coppa A., Mancini L., Dreossi D., Eichert D., Turco G., Biasotto M., Terrasi F., De Cesare N., Hua Quan, Levchenko V. Beeswax as Dental Filling on a Neolithic Human Tooth. *PLoS ONE*, 2012, Vol. 7 (9), P. e44904.

Bernardini F., Tuniz C., Zanini F. X-Ray Computed Microtomography for Paleoanthropology, Archaeology, and Cultural Heritage. In: *Nanotechnologies and Nanomaterials for Diagnostic, Conservation, and Restoration of Cultural Heritage*, Elsevier, 2018, pp. 25–45.

Bertrand L., Cotte M., Stampanoni M., Thoury M., Marone F., Schöder S. Development and trends in synchrotron studies of ancient and historical materials. *Physics Reports*, 2012, Vol. 519, pp. 51–96.

Bertrand L., Robinet L., Thoury M., Janssens K., Cohen S. X., Schöder S. Cultural heritage and archaeology materials studied by synchrotron spectroscopy and imaging. *Applied Physics A*, 2011, Vol. 106 (2), pp. 377–396.

Birarda G., Di Pietro P., Perucchi A., Lupi S., Vaccari L. Infrared Spectral Imaging with Synchrotron Radiation. *Synchrotron Radiation News*, 2017, Vol. 30 (4), pp. 3–4.

Bertrand L., Cotte M., Stampanoni M., Thoury M., Marone F., Schöder S. Development and trends in synchrotron studies of ancient and historical materials. *Physics Reports*, 2012, Vol. 519, pp. 51–96.

Bonaduce I., Andreotti A. Py-GC/MS of Organic Paint Binders. In: *Organic Mass Spectrometry in Art and Archaeology*. New York: John Wiley & Sons, 2009, pp. 303–326.

Bozzini B., Gianoncelli A., Mele C., Siciliano A., Mancini L. Electrochemical reconstruction of a heavily corroded Tarentum hemiobolus silver coin: a study based on microfocus X-ray computed microtomography. *Journal of Archaeological Science*, 2014, Vol. 52, pp. 24–30.

Callewaert M. Les couleurs des artéfacts en alliage cuivreux: analyse physico-chimique des techniques de coloration utilisées du Chalcolithique au Haut Moyen-Âge en Europe et au Proche-Orient. *Archéo-Situla*, 2010, Vol. 20, pp. 42–60.

Clark R. J. H. Raman microscopy as a structural and analytical tool in the fields of art and archaeology. *Journal of Molecular Structure*, 2007, Vol. 834–836, pp. 74–80.

Clementi C., Ciocan V., Vagnini M. Non-invasive and micro-destructive investigation of the Domus Aurea wall painting decorations. *Anal. Bioanal. Chem.*, 2011, Vol. 401 (6), pp. 1815–1826.

Crupi V., Galli G., La Russa M. F., Longo F., Maisano G., Majolino D., Malagodi M., Pezzino A., Ricca M., Rossi B., Ruffolo S. A., Venutiet V. Multi-technique investigation of Roman decorated plasters from Villa dei Quintili (Rome, Italy). *Applied Surface Science*, 2015, Vol. 349, pp. 924–930.

Crupi V., La Russa M. F., Venuti V., Ruffolo S., Ricca M., Paladini G., Albini R., Macchia A., Denaro L., Birarda G., Bottari C., D'Amico F., Vaccari L., Majolino D. A combined SR-based Raman and InfraRed investigation of pigmenting matter used in wall paintings: The San Gennaro and San Gaudioso Catacombs (Naples, Italy) case. *The European Physical Journal Plus*, 2018, Vol. 133 (9), pp. 369.

Derrick M. R., Stulik D. C., Landry J. M. Infrared spectroscopy in conservation science. Los Angeles: Getty Conservation Institute, 1999, 252 p.

Devlet E. G., Greshnikov E. A., Fakhri A. I. Study of Mesoamerican pigments of the Pre-Columbian period in rock art and cave painting by the natural science methods. *Bulletin of the Kemerovo State University*, 2015, No. 2 (62), vol. 6, P. 18–23. (In Russ.)

Doncheva S. Metal Art Production in Medieval Bulgaria: Jewelry craftsmanship in Bulgaria at the Middle Ages. Saarbrücken (Germany): LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012, 161 p.

Dubrovskii D. K., Grachev V. Yu. Ural'skie pisanitsy v mirovom naskal'nom iskusstve. Ekaterinburg: «Grachev i partnery», 2010, 212 p. (In Russ.)

Fedrigio A., Grazzi F., Williams A.R., Panzner T., Lefmann K., Lindelof P. E., Jørgensen L., Pentz P., Scherillo A., Porcher F., Strobl M. Extraction of archaeological information from metallic artefacts. – A neutron diffraction study on Viking swords. *Journal of Archaeological Science: Reports*, 2017, Vol. 12, pp. 425–436.

Gianoncelli A., Kourousias G., Merolle L., Altissimo M., Bianco A. Current status of the TwinMic beamline at Elettra: a soft X-ray transmission and emission microscopy station. *Journal of Synchrotron Radiation*, 2016, Vol. 23 (6), pp. 1526–1537.

Grenberg Yu. I. Tekhnologiya i issledovanie proizvedenii stankovoi i nastennoi zhivopisi. Moscow: GOSNIIR, 2000, 132 p. (In Russ.)

Horvath E., Kovacs J. S., Toth M. An Early Medieval buckle with cloisonné decoration: the localization of workshop area by archaeometrical investigation. *Archeometriai Műhely*, 2009, No 4, pp. 15–30.

Khavrin S. V. Drevneishii metall Sayano-Altaya (eneolit–rannyya bronza). *Izvestiya AltGU*, 2008, Vol. 4–2, pp. 210–216. (In Russ.)

Klein L. S. Arkheologiya sporit s fizikoi. *Priroda*, 1962, № 2, pp. 51–63. (In Russ.)

Kolchin B. A. Chernaya metallurgiya i metalloobrabotka v Drevnei Rusi (Domongol'skii period). Moscow: AS SSSR Publ., 1953, 257 p. (In Russ.)

Kolchin B. A., Sher Ya. A. Nekotorye itogi primeneniya estestvennonauchnykh metodov v arkheologii. *KSIA*, 1969, No 118, pp. 83–101. (In Russ.)

Kotov V. G., Lyakhnitskii Yu. S., Piotrovskii Yu. Yu. Metodika naneseniya sostava krasochnogo sloya risunkov peshchery Shul'gan-Tash (Kapovoi). *The Ufa Archaeological Herald*, 2004, Iss. 5, pp. 65–72. (In Russ.)

Lbova L. V., Volkov P. V. Pigment decoration of Paleolithic Antropomorphich Figerines from Siberia. *Rock Art Research*, 2017, Vol. 34, No. 2, pp. 169–178.

Lenkov V. D. Metallurgiya i metalloobrabotka u chzhurchzhenei v XII veke (po materialam issledovaniya Shaiginskogo gorodishcha). Novosibirsk: Nauka, 1974, 196 p. (In Russ.)

Martynov A. I., Sher Ya. A. Metody arkheologicheskogo issledovaniya. Moscow: Vysshaya Shkola, 1989, 223 p. (In Russ.)

McArthur G., Taylor J.H., Craddock P. The conservation and technical investigation of a hollow-cast Egyptian bronze. *Technical Research Bulletin*, 2015, Vol. 9, pp. 111–120.

Merkel S. W. Archaeometallurgical analysis of metalworking debris from a Germanic goldsmithing workshop at Elsfleth-Hogenkamp, 2nd-3rd century AD. In: *Archäometrie und Denkmalpflege 2018* (Hamburg, 20–24 Marz 2018). Hamburg: Verlag Deutsches Elektronen-Synchrotron, 2018, pp. 95–98.

Morozov M. V., Lyakhnitskii Yu. S. Ramanovskaya spektroskopiya paleoliticheskikh okhr Kapovoi peshchery (Yuzhnyi Ural, Rossiya). In: *Sovremennaya mineralogiya: ot teorii k praktike: Materialy XI s'ezda RMO*. Saint Petersburg, 2010, pp. 355–357. (In Russ.)

Nava A., Coppa A., Coppola D., Mancini L., Dreossi D., Zanini F., Bernardini F., Tuniz C., Bondioli L. Virtual histological assessment of the prenatal life history and age at death of the Upper Paleolithic fetus from Ostuni (Italy). *Scientific Reports*, 2017, Vol. 7 (1), pp. 1–10.

Nesterov S. P., Savin A. N., Kolmogorov Yu. P. Early Medieval Jeweler's Kit from the Western Amur Region. *Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*, 2016, Vol. 44, No. 2, pp. 81–90.

Omid O., Davami P. Metallography and microstructure interpretation of some archaeological tin bronze vessels from Iran. *Materials Characterization*, 2014, Vol. 97, pp. 74–82.

Pakhunov A. S., Zhitenev V. S., Brandt N. N., Chikishev A. Yu. Predvaritel'nye rezul'taty kompleksnogo issledovaniya krasochnykh pigmentov nastennykh izobrazhenii Kapovoi peshchery. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 2014, Vol. 4, pp. 4–15. (In Russ.)

Philip G. Metalwork from mortuary contexts at Jerablus. In: *Mortuary practices at an Bronze Age fort on the Euphrates river*. Oxford, Philadelphia: Oxbow Books, 2015, pp. 127–143.

Pillay A. E. Analysis of archaeological artefacts: PIXE, XRF or ICP-MS? *Journal of Radioanalytical and Nuclear Chemistry*, 2001, Vol. 247, Issue 3, pp. 593–595.

Plaisier J. R., Nodari L., Gigli L., Rebollo San Miguel E. P., Bertonecello R., Lausi A. The X-ray diffraction beamline MCX at Elettra: a case study of non-destructive analysis on stained glass. *ACTA IMEKO*, 2017, Vol. 6 (3), pp. 71–75.

Popelka-Filcoff R. S. Novel application of X-ray fluorescence microscopy (XFM) for the non-destructive micro-elemental analysis of natural mineral pigments on Aboriginal Australian objects. *The Analyst*, 2016, Vol. 141 (12), pp. 24–35.

Prokhorov A. M. Fizicheskaya entsiklopediya. T. 4. Moscow: Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya, 1994, 701 p. (In Russ.)

Quartieri S. X-Ray Absorption Spectroscopy (XAS, EXAFS, XANES). *The Encyclopedia of Archaeological Sciences*, 2018, Vol. 4, pp. 1–6.

Radlov V. V. Sibirskie drevnosti: iz putevykh zapisok po Sibiri. Saint Petersburg: Tipografiya I.N. Skorokhodova, 1896, 70 p. (In Russ.)

Rodrigues G. C., Fermo P., Olivi L., Padeletti G. A comparative study of Hispano-Moorish and Italian Renaissance lustred majolicas by using X-ray absorption spectroscopy. *J. Anal. At. Spectrom.*, 2015, Vol. 30–3, pp. 738–744.

Salvadó N., Pradell T., Pantos E., Papiz M. Z., Molera J., Seco M., Vendrell M. Identification of copper-based green pigments in Jaume Huguet's Gothic altarpieces by Fourier transform infrared microspectroscopy and synchrotron radiation X-ray diffraction. *Journal of Synchrotron Radiation*, 2002, Vol. 9, pp. 215–222.

Sano K., Arrighi S., Stani C., Aureli D., Boschini F., Fiore I., Spagnolo V., Ricci S., Crezzini J., Boscato P., Gala M., Tagliacozzo A., Birarda G., Vaccari L., Ronchitelli A., Moroni A., Benazzi S. The earliest evidence for mechanically delivered projectile weapons in Europe. *Nature ecology & evolution*, 2019, Vol. 3, pp. 1409–1414.

Scott D. A. Metallography and Microstructure of Ancient and Historic Metals. USA, CA: Marina del Rey, 1991, 185 p.

Shackley M. S. An Introduction to X-Ray Fluorescence (XRF) Analysis in Archaeology. In: X-ray fluorescence spectrometry (XRF) in geoarchaeology. New York: Springer, 2011, pp. 7–44.

Shemakhanskaya M., Treister M., Yablonsky L. The technique of gold inlaid decoration on the 5th-4th centuries BC silver and iron finds from the early Sarmatian barrows of Filippovka, Southern Urals. *ArcheoSciences, revue d'archéométrie*, 2009, Vol. 33, pp. 211–220.

Shirkin L. A. Rentgenofluorescentnyi analiz ob"ektov okruzhayushchei sredy: uchebnoe posobie. Vladimir: Vladimir State University Publ., 2009, 65 p. (In Russ.)

Shirokov V. N. Drevneishee iskusstvo ural'skikh peshcher. Ekaterinburg: Sredne-Ural'skoe knizhnoe izd-vo, 1995, 39 p. (In Russ.)

Siano S., Bartoli L. Non-destructive investigation of bronze artefacts from The Marches National Museum of archaeology using neutron diffraction. *Archaeometry*, 2006, Vol. 48, No. 1, pp. 77–96.

Smith G. D., Clark R. J. H. Raman microscopy in archaeological science. *Journal of Archaeological Science*, 2004, Vol. 31, pp. 1137–1160.

Tishkin A. A., Seregin N. N. Metallicheskie zerkala kak istochnik po drevnei i srednevekovoi istorii Altaya (po materialam Muzeya arkheologii i

etnografii Altaya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta). Barnaul: Azbuka, 2011, 144 p. (In Russ.)

Tuniz C., Zanini F. Microcomputerized Tomography (MicroCT) in Archaeology. In: Encyclopedia of Global Archaeology, Springer, New York, 2014, pp. 1–7.

Uda M., Demortier G., Nakai I. X-Rays for Archaeology. Netherlands: Springer, 2005, 320 p.

Vagner G. A. Nauchnye metody datirovaniya v geologii, arkheologii i istorii. Moscow: Tekhnosfera, 2006, 534 p. (In Russ.)

Valério P., Silva R.J.C., Araújo M. F., Monge Soares A. M., Barros L. A multianalytical approach to study the Phoenician bronze technology in the Iberian Peninsula. – A view from Quinta do Almaraz. *Materials Characterization*, 2012, Vol. 67, pp. 74–82.

Zanolli C., Martín-Torres M., Bernardini F., Boschian G., Coppa A., Dreossi D., Mancini L., Martínez de Pinillos M., Martín-Francés L., Bermúdez de Castro J. M., Tozzi C., Tuniz C., Macchiarelli R. The Middle Pleistocene (MIS 12) human dental remains from Fontana Ranuccio (Latium) and Visogliano (Friuli-Venezia Giulia), Italy. A comparative high-resolution endostructural assessment. *PLoS One*, 2018, Vol. 13 (10), pp. 1–25.

Zinyakov N. M. Chernaya metallurgiya i kuznechnoe remeslo Zapadnoi Sibiri. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1997, 368 p. (In Russ.)

Zinyakov N. M. Istoriya chernoi metallurgii i kuznechnogo remesla drevnego Altaya. Tomsk: TGU Publ., 1988, 276 p. (In Russ.)

Zipkin A. M., Hanchar J. M., Brooks A. S., Grabowski M., Thompson J., Gomani-Chindebvu E. Ochre fingerprints: Distinguishing among Malawian mineral pigment sources with Homogenized Ochre Chip LA-ICPMS. 2014. *Archaeometry*, 2015, Vol. 58, pp. 297–317.

Zykov A. P. Tekhnologiya kuznechnogo proizvodstva v Verkhnem Prikam'e v nachale II tysyacheletiya n.e. (po materialam rodanovskikh i sylvenskikh pamyatnikov). In: Novye arkheologicheskie issledovaniya na territorii Urala. Izhevsk: Udmurtskii universitet, 1987, pp. 145–155. (In Russ.)

Материал поступил в редакцию
Received
13.12.2019

Информация об авторах / About the authors:

Давыдов Роман Вячеславович, младший научный сотрудник, Лаборатория гуманитарных исследований Гуманитарного института Новосибирского государственного университета; инженер, НОЦ «Новая археология» Гуманитарного института Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия)

Davydov Roman V., Junior Scientist, Humanitarian research laboratory, Humanitarian Institute, Novosibirsk State University; engineer, engineer, Project «New Archaeology», Novosibirsk State University (1 Pirogova st., Novosibirsk 630090, Russia).

+7-962-824-24-85

ORCID 0000-0001-6580-2811.

Губар Юлия Сергеевна, магистрант Гуманитарного института Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия).

Gubar Yulia S., graduate student, Humanitarian Institute, Novosibirsk State University (1 Pirogova st., Novosibirsk 630090, Russia).

+7-913-708-29-23

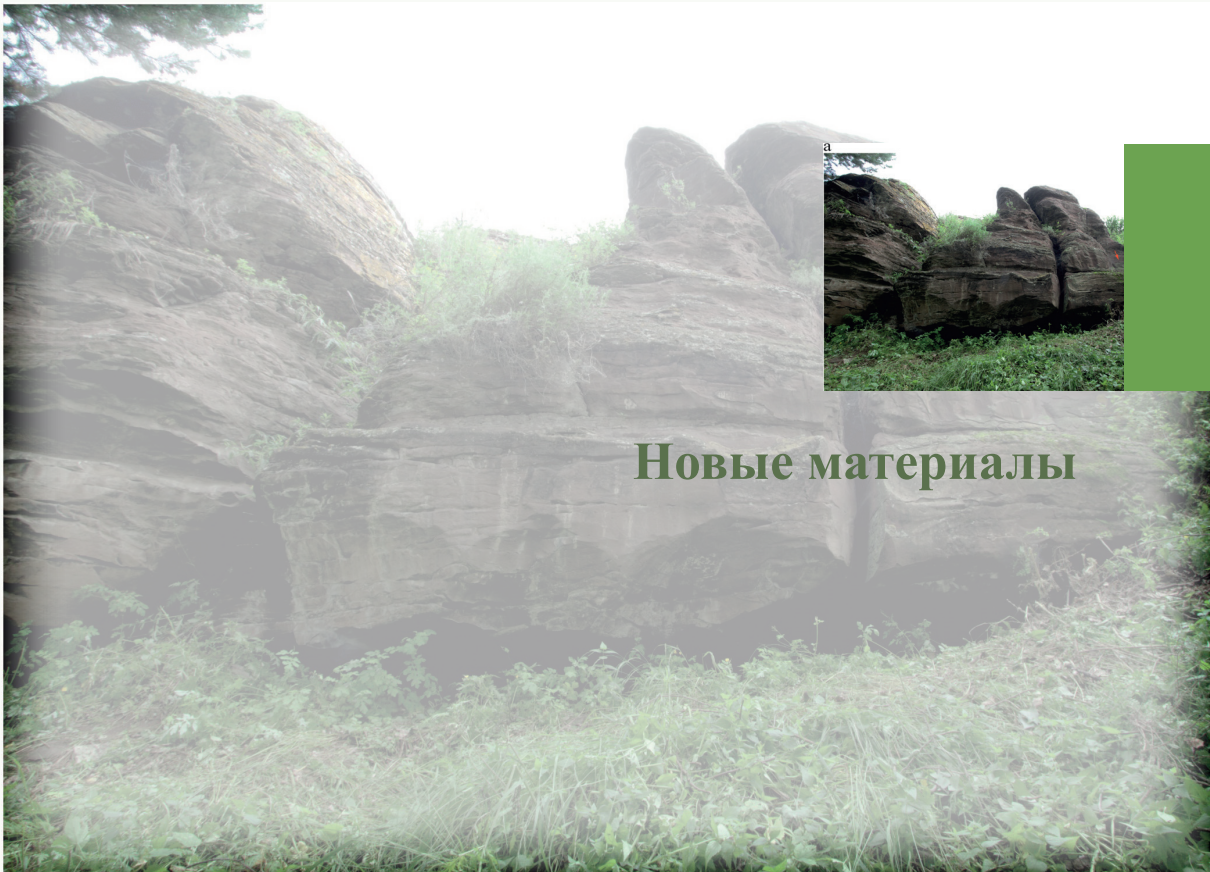
ORCID 0000-0002-1799-8327.

Занини Франко, PhD, старший научный сотрудник, Elettra - Sincrotrone Trieste (Strada Statale 14 – 163,5 км в научном парке AREA, 34149, Басовицца, Триесте, Италия).

Zanini Franco, PhD, Senior Scientist, Elettra – Sincrotrone Trieste (Strada Statale 14 – km 163,5 in AREA Science Park, 34149, Basovizza, Trieste, Italy)

+39 (040) 375-85-58

ORCID 0000-0003-2160-6194

Новые материалы

От суверенитета государства к суверенитету народа: конституционно-правовой опыт стран Азии и России

А. А. Белецкая

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия*

Аннотация

Возможности применения основных выводов исследования, касающихся соотношения государственного суверенитета и народного суверенитета, весьма актуальны. Преимущественное значение имеют вопросы, затрагивающие «права на суверенитет» отдельных национальностей или частей государства.

Автором рассмотрено понятие суверенитета, проведена сравнительная характеристика механизмов реализации суверенитета в Конституциях России и некоторых стран Азии, а также обозначены и структурированы основные нормативно-правовые акты, регулирующие основы государственного суверенитета России. С помощью методов научного познания, метода системного анализа установлено, что государство, с позиции современной конституционно-правовой науки, является суверенным только в случае, если оно закрепляет и на практике реализует волю народа. Суверенитет является важнейшей характеристикой государственной власти, но наряду с этим должен выражать полновластие и верховенство народа. А система государственной власти и управления должна не только обладать свойствами демократии, но и фактически ей соответствовать. Суверенитетом обладает не только государство, но и народ в силу права на самоопределение.

Ключевые слова

суверенитет государства, суверенитет народа, нация, конституционное право, демократия, государственная власть.

Для цитирования

*Белецкая А. А. От суверенитета государства к суверенитету народа: конституционно-правовой опыт стран Азии и России // Universum Humanitarium. 2020. № 2. С. 108–118
DOI*

From the Sovereignty of the State to the Sovereignty of the People: the Constitutional and Legal Experience of the Asian and Russian countries

A. A. Beletskaia

**Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia**

Abstract

The possibilities of applying the study's main conclusions concerning the relationship between sovereignty of the state and sovereignty of the people are very relevant. The issues affecting the "rights to sovereignty" of individual nationalities or state parts are prevail.

In this paper the concept of sovereignty is considered, a comparative description of the mechanisms for the implementation of sovereignty in the Russian Constitutions and some Asian countries are provided, and the main normative legal acts regulating the foundations of the Russia state sovereignty are designated and structured. Using the methods of scientific knowledge and the method of system analysis, it has been established that the state, from the standpoint of modern constitutional and legal science, is sovereign only if it consolidates and realizes the will of the people in practice. Sovereignty is the most important characteristic of the state power, but it should express the sovereignty and supremacy of the people as well. The system of the state power and administration should not only possess the properties of democracy, but in fact correspond to it. Sovereignty is possessed not only by the state, but also by the people, by virtue of the right to self-determination.

Keywords

state sovereignty, people's sovereignty, nation, constitutional law, democracy, state power.

For citation

Beletskaia A. A. From the Sovereignty of the State to the Sovereignty of the People: the Constitutional and Legal Experience of the Asian and Russian countries. Universum Humanitarium. 2020. No 2. P. 108–118
DOI

На сегодняшний день, как справедливо отмечает Е. Е. Тонков, вопрос о характере соотношения суверенитета народа и суверенитета государства в России приобретает ключевое значение. Казалось бы, ответ на данный вопрос очевиден и лежит на поверхности. При ближайшем рассмотрении ст. 3 Конституции РФ, закрепляющая положения о многонациональном народе как единственном источнике власти и носителе суверенитета в нашей стране, предшествует ст. 4, посвященной государственному суверенитету. Однако не все так просто, и постатейный рейтинг основного закона страны не всегда содержит решение исследуемой проблемы. Проблемы рассогласова-

ния суверенитета государства и суверенитета народа во многих случаях обусловлены продвижением населения по пути правовой социализации, представляющей собой процесс приобретения личностью знаний в сфере права и навыков правового общения [Тонков, 2014. С. 12, 15].

В связи с этим проанализируем, возможно ли в существующих правовых реалиях применение доктрины о делимости суверенитета, предложенной немецким философом и юристом Г. В. Лейбницем, но не к разным властным структурам, а к народу и государству? По его мнению, свойства абсолютизма и неделимости полностью противоречат самой природе суверенитета. Логичным видится представлять суверенитет как делимое понятие, чтоб адекватно описывать политическую реальность и не совершать логических ошибок. В этом случае суверенитет можно соотнести с более высокой властной инстанцией, которая не будет ущемлять свободу и независимость подчиненного ей субъекта, не пребывающего во власти другого субъекта, т.е. будет находиться в своем праве. Иначе говоря, разделение и, вместе с тем, совмещение суверенитетов может быть реализовано посредством обеспечения некой формы подчинения субъектов и при этом при сохранении свободы каждого из них [Башкина, 2015. С. 97].

Как отмечают А. С. Морозова и А. Т. Карасев, с чисто теоретической точки зрения право на самоопределение народностей (национальностей) или отдельных частей государства может быть обосновано через категорию народный или национальный суверенитет. Поэтому представляется необходимым разграничивать данные понятия и говорить о наделении возможностью реализации права на самоопределение наций только в составе единого и целостного государства [Морозова, 2014. С. 45–50].

Интересную точку зрения приводит С.А. Авакьян, который полагает, что народный суверенитет необходимо ставить выше суверенитета национального. Т. е. в тех случаях, когда государство какой-то определенной нации образуется на основе суверенитета нации, необходимо учитывать интересы граждан других наций, проживающих на территории этого же государства, иначе это может породить противоречия и противостояние между ними.

По мнению правоведа, в этом случае государство, образуемое таким путем, будет обладать признаком многонациональности, поскольку помимо исконной и преобладающей на данной территории нации там будут постоянно проживать и граждане прочих национальных принадлежностей [Авакьян, 2018. С. 23].

Однако многие азиатские страны, имея многонациональный народ, провозглашают именно народный суверенитет. К примеру, Конституция Республики Индонезия, которая является одним из наиболее многонациональных государств в мире, в части 2 ст. 1 говорит о том, что суверенитет принадлежит народу и полностью осуществляется Народным консультативным собранием. В Республике Вьетнам, согласно ст. 2 Конституции, всей полнотой государственной власти обладает народ.

Это государство народа, для народа и во имя народа. А ст. 1 Конституции предусматривает, что это государство обладает признаками: суверенитет, независимость; единство и территориальная целостность.

Из приведенных примеров видно, что проблем с провозглашением народного суверенитета в многонациональных государствах не возникает.

Как отмечает Б.А. Страшун, любой уровень публичной власти должен быть ограничен комплексом прав и свобод человека и гражданина. Однако же данное признание подчас имеет чисто формальный, имитационный характер, потому что прикрывает порой, открыто или скрыто, диктаторский политический режим. Это, конечно же, во многом зависит от степени развитости политической и правовой культуры конкретного общества. Следовательно, приоритет государственной власти внутри страны можно считать суверенитетом лишь с большой натяжкой по причине ее ограниченности волей народа, да и конституции традиционно не закрепляют государство в качестве суверена, рассматривая в качестве носителя суверенитета определенную нацию (народ) [Страшун, 2016. С. 169].

Конституция Китайской Республики провозглашает, что суверенитет Китайской Республики принадлежит народу. Помимо этого, вся внешняя политика данного государства строится на основе принципа взаимного уважения суверенитета других государств.

Конституция исламской республики Афганистан в п. 1 ст. 4 предусматривает, что национальный суверенитет Афганистана принадлежит нации, которая использует его непосредственно или через своих представителей.

В ст. 6 ч. III Конституции Сингапура провозглашен запрет отказа от суверенитета. Это положение подразумевает, что суверенитет не может быть передан ни в полном, ни частичном объеме и никаким путем. Т. е. не допускается слияния или объединения с любой другой территорией или суверенным государством. Республика Сингапур провозглашается независимой нацией.

Обратимся теперь к Конституции королевства Тайланд. В ее ст. 1 Тайланд провозглашается единым и неделимым королевством. А в ст. 77 предусмотрено, что власть короля, полнота и автономность ее юрисдикции поддерживается и охраняется посредством мер государственной защиты. Помимо этого государство обязано гарантировать наличие передовых технологий защиты и поддержания суверенитета власти, боеспособных вооруженных сил. Государство должно обеспечивать независимость, безопасность народа, защиту национальных интересов и национальное развитие, господство королевской власти и демократического режима правления во главе с Королем.

Преамбула Конституции Японии говорит о том, что японский народ, действующий посредством законно избранных представителей в законодательном органе и преисполненный решимости обеспечить для себя и для своих потомков плоды мирного сотрудничества со всеми нациями и благословение свободы для всей страны, решивший не допустить ужасов новой войны в результате действий правителей. Конституция декларирует, что народ наделен суверенной властью, а непоколебимое доверие народа является основой государственной власти. Также интересны положения указанной Конституции в части провозглашения долга каждого государства следовать принципам политической морали в отношении учета всеобщих интересов при безоговорочном сохранении суверенитета каждым из них.

Авторитет власти государства исходит от народа, представители народа реализуют полномочия государственной власти, народ пользуется ее благами. Этот принцип, по сути, является общим для всего человечества, и на нем основана Конституция Японии [Конституции государств (стран) мира].

По нашему мнению, суверенитет народа находит свое выражение во власти народа, независимо от того, какую форму она приобретает: государства или негосударственного образования. Государство может являться формой реализации народного суверенитета, когда воля народа обретает государственно – обязательную силу, а может и не возникнуть вовсе. В силу этого и суверенитет государства будет являться порождением суверенитета народа. Поэтому, имея вторичный характер, государство должно быть ориентировано на интересы народа, который является главной решающей силой государства, а не его придатком.

Что касается Конституции РФ и ее положений относительно определения суверенитета, то конечно же стоит упомянуть ряд статей:

1. Преамбула, закрепляющая суверенную государственность России.

2. Пункт 1 ст. 3: «Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ».

3. Статья 4 полностью: «Суверенитет Российской Федерации распространяется на всю ее территорию. Конституция Российской Федерации и федеральные законы имеют верховенство на всей территории Российской Федерации. Российская Федерация обеспечивает целостность и неприкосновенность своей территории».

4. Статья 67 полностью: «Территория Российской Федерации включает в себя территории ее субъектов, внутренние воды и территориальное море, воздушное пространство над ними. Российская Федерация обладает суверенными правами и осуществляет юрисдикцию на континентальном шельфе и в исключительной экономической зоне Российской Федерации в порядке, определяемом федеральным законом и нормами международного права. Границы между субъектами Российской Федерации могут быть изменены с их взаимного согласия» [Конституция Российской Федерации, 1993].

Республики, находящиеся в составе Российской Федерации, правом свободного выхода (правом сепарации) не обладают. Поэтому, даже чисто теоретически, они не могут являться суверенными. Следовательно, как справедливо замечают Е. И. Козлова и О. Е. Кутафин, наделение формально этих республик статусом суверенных государств не является констатацией существующего положения вещей, а лишь дань времени, получившая наименование «парада суверенитетов», а также политическим играм, которые ведутся на всех уровнях власти. В связи с этим очевиден тот факт, что Конституция закрепляет суверенный характер власти непосредственно за РФ. Отсутствие государственного суверенитета у субъектов, входящих в состав Российской Федерации, и права сепарации подтверждается положениями ч. 4 ст. 15 и ст. 79 Конституции РФ, которые предусматривают, что субъекты Федерации лишены права вступать от имени страны в международные отношения. Только Российская Федерация имеет право заключать договоры с другими государствами от своего имени и только Россия имеет право делегировать межгосударственным объединениям свои компетенции в соответствии с положениями международных договоров.

Защита неприкосновенности и целостности страны, а также ее государственного суверенитета реализуется в различных формах:

1) дипломатической – посредством Президента и Правительства РФ, а также через государственные органы, руководящие различными управленческими сферами;

2) военной – посредством Вооруженных Сил РФ, охраняющих ее территориальную неделимость и государственные интересы;

3) в форме возложения функций охраны государственного суверенитета на правоохранительные органы;

4) в форме законодательной и иной нормотворческой деятельности ее государственных органов, являющейся одним из существенных средств защиты государственного суверенитета РФ [Козлова, 2016. С. 223].

В Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации № 10-П от 07 июня 2000 года приведено нормативное определение суверенитета в качестве базовой конституционной мифологемы: суверенитет, подразумевающий, по смыслу ст. 3–5, 67 и 79 Конституции, независимость, верховенство и самостоятельность государственной власти, полноту трех ветвей власти государства на его территории и независимость в международном общении, представляет собой необходимый качественный признак нашей страны, который определяет ее конституционно-правовой статус в качестве государства. Конституция РФ, исключая какой-либо иной вид государственного суверенитета, кроме суверенитета Российской Федерации, предусматривает в качестве его верховного носителя только многонациональный народ нашей страны, который также определен в качестве источника власти. По сути, это является проявлением народного суверенитета.

При этом суверенитет Российской Федерации не предусматривает существования одновременно нескольких уровней суверенных властей, обладающих независимостью и верховенством, которые могли бы находиться в системе единой государственной власти [Постановление Конституционного Суда РФ от 07.06.2000]. Иными словами, Конституция РФ не наделяет суверенитетом регионы. Сам факт их нахождения в составе РФ подразумевает отсутствие суверенитета. Определенную автономию имеют республики в составе РФ, что выражается в наличии Конституций республик, столиц, а не административно-территориальных центров, возможности установления государственного языка, символики, республиканского гражданства.

Согласно комментарию к Конституции РФ, суверенитет государства, выражающийся в единстве, верховенстве, независимости и целостности трех ветвей власти, является важнейшей правовой характеристикой государственной власти. В то же время государственная власть в Российской Федерации не может являться единственной формой власти народа. Местное самоуправление, к примеру, также

является еще одной формой его власти. При этом органы местного самоуправления, согласно Основному закону страны, не образуют систему органов государственной власти. Народный суверенитет подразумевает осуществление народом своей власти независимо и самостоятельно от каких - либо расставленных политических приоритетов и социальных сил в обществе. Народный суверенитет может принадлежать только одному субъекту – народу, он неделим. Конституция России закрепляет полновластие многонационального народа России, его преимущественное право на всю власть в стране. Это означает, что российский народ ни с кем не должен делить свои полномочия и никто, кроме него самого, не может узурпировать власть в Российской Федерации. По сути народ вправе использовать власть исключительно в своих личных интересах. Таким образом, народовластие в Российской Федерации предполагает свободное осуществление и реализацию народом всей полноты принадлежащей ему власти в соответствии с его изначальными интересами и самостийной волей [Зорькин, Лазарева, 2010].

РФ в ст. 7 Конституции провозглашена социальным государством, однако принципы всеобщей солидарности, социального равенства и взаимной ответственности нивелирует идеология верховенства государства над личностью, которая выражается в функциях государства. В теории государства и права функции государства трактуются по-прежнему в качестве средств воздействия государства на поведение людей и общественные процессы. Личность же предстает только объектом воздействия со стороны государственных органов. Доктрина так называемого абсолютного суверена, не ответственного ни перед кем, является, по сути, пережитком советской правовой мысли и не совместима с современными тенденциями демократизации общества и государственных институтов.

На сегодняшний день и проанализированные Конституции стран Азии, и Конституция нашей страны закрепляют положения о доминирующем статусе в государстве и обществе народа. Именно народ выступает в качестве особой юридической силы, которая стоит над всеми ветвями власти, обладает изначальным и неотчуждаемым верховенством, является носителем суверенитета и единственным источником власти в РФ.

Как представляется, необходимо разграничивать понятия «суверенитет государства» и «суверенитет народа» и говорить о предоставлении народу возможности реализации права на самоопределение в рамках единого государства. Следовательно, суверенитет многонационального народа России будет являться высшей степе-

нию реализации государственного суверенитета. Народ, принимая Конституцию и при этом сохраняя за собой учредительную власть, обозначает пределы действия государственной власти и возлагаемые на государство обязанности перед ним. Поэтому суверенитет следует трактовать как политико-правовой принцип и элемент системной характеристики и государства, и народа.

Из сказанного выше можно сделать вывод о том, что государство должно быть всячески ориентировано на укрепление и развитие народного суверенитета, повышение социальных гарантий и укрепление демократических начал. Только тогда может быть достигнута цель государства – делать граждан хорошими людьми, по Платону, или господство свободы и равенства, по Г. В. Лейбницу.

Список литературы

Авакьян С. А. Конституционное право России. Учебный курс: Учебное пособие: В 2 т. Т. 2. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2018. 912 с.

Башкина О. М. Г. В. Лейбниц о разделении суверенитета // Социол. обозр. 2015. Т. 14. №3. С. 93–105.

Зорькин В. Д., Лазарева Л. В. (ред.). Комментарий к Конституции Российской Федерации: М.: Эксмо, 2010. [Электронный ресурс] / СПС Гарант. URL: <http://constrf.ru/razdel-1/glava-1/st-3-krf> (Дата обращения: 03.07.2019).

Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право России: Учебник. М.: Проспект, 2016. 588с.

Морозова А. С. Некоторые подходы к пониманию государственного суверенитета / А. С. Морозова, А. Т. Карасев // История государства и права. 2014. № 20. С. 45–50.

Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ) // «Собрание законодательства РФ». 14.04.2014. № 15. ст. 1691.

Конституции государств (стран) мира [Электронный ресурс] // Интернет-библиотека конституций Романа Пашкова: архив рубрики «Азия». URL: <http://worldconstitutions.ru/?cat=3> (Дата обращения: 03.07.2019).

Постановление Конституционного Суда РФ от 07.06.2000 № 10-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона «Об общих прин-

циях организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 19.06.2000. № 25. ст. 2728.

Страшун Б. А. Суверенитет государства в современном национальном, международном и наднациональном праве // *Lex russica*. 2016. № 7. С. 167–175.

Тонков Е. Е. Суверенитет народа и суверенитет государства: проблемы рассогласования / Е. Е. Тонков; НИУ БелГУ // Публичные механизмы обеспечения государственного суверенитета: юридические императивы и практика: материалы международной научно-практической конференции, посвященной Дню России, Белгород, 5–6 июня 2014 г. / гл. ред. Е.Е. Тонков. Белгород, 2014. С. 12–20.

References

Avak'yan S. A. *Konstitutsionnoe pravo Rossii. Uchebnyi kurs: Uchebnoe posobie. V 2-kh t. T. 2.* S. A. Avak'yan. 5-e izd., pererabotannoe i dopolnennoe. M.: Norma: NITs INFRA-M, 2018. 912 p. (In Russ.).

Bashkina O. M. G. V. *Leibnits o razdelenii suvereniteta. Sotsiologicheskoi obozrenie.* 2015. T. 14. No 3. P. 93–105. (In Russ.).

Zorkin V. D., Lazareva L. V. (red.). *Kommentarii k Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii.* M.: Eksmo, 2010. SPS Garant. URL: <http://constrf.ru/razdel-1/glava-1/st-3-krf> (Data obrashcheniya: 03.07.2019). (In Russ.).

Kozlova E. I., Kutafin O. E. *Konstitutsionnoe pravo Rossii: Uchebnik.* M.: Prospekt, 2016. 588 p. (In Russ.).

Morozova A. S. *Nekotorye podkhody k ponimaniyu gosudarstvennogo suvereniteta.* Eds. A. S. Morozova, A. T. Karasev. *Istoriya gosudarstva i prava.* 2014. No 20. P. 45–50. (In Russ.).

Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993) (s uchetom popravok, vnesennykh Zakonami RF o popravkakh k Konstitutsii RF ot 30.12.2008 № 6-FKZ, ot 30.12.2008 № 7-FKZ, ot 05.02.2014 № 2-FKZ). In: *Sobranie zakonodatel'stva RF.* 14.04.2014. No 15. st. 1691. (In Russ.).

Konstitutsii gosudarstv (stran) mira. Internet-biblioteka konstitutsii Romana Pashkova: arkhiv rubriki «Aziya». URL: <http://worldconstitutions.ru/?cat=3> (Data obrashcheniya: 03.07.2019). (In Russ.).

Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 07.06.2000 № 10-P «Po delu o proverke konstitutsionnosti otdel'nykh polozhenii Konstitutsii Respubliki Altai i Federal'nogo zakona «Ob obshchikh printsipakh organizatsii zakonodatel'nykh (predstavitel'nykh) i ispolnitel'nykh organov gosudarst-

vennoi vlasti sub"ektov Rossiiskoi Federatsii». In: Sobranie zakonodatel'stva RF. 19.06.2000. No 25. st. 2728. (In Russ.).

Strashun B. A. Suverenitet gosudarstva v sovremennom natsional'nom, mezhdunarodnom i nadnatsional'nom prave. *Lex russica*. 2016. No 7. P. 167–175. (In Russ.).

Tonkov E. E. Suverenitet naroda i suverenitet gosudarstva: problemy rassoglasovaniya. Ed. E.E. Tonkov; NIU BelGU. In: Publichnye mekhanizmy obespecheniya gosudarstvennogo suvereniteta: yuridicheskie imperativy i praktika: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi Dnyu Rossii, Belgorod, 5–6 iyunya 2014 g. Belgorod, 2014. P. 12–20. (In Russ.).

Материал поступил в редколлегию
Received
25.11.2019

Информация об авторе / About the author

Белецкая Анастасия Анатольевна, старший преподаватель кафедры трудового и предпринимательского права, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (ул. Победы, 85, Белгород, 308015, Россия).

Beletskaya Anastasia A., Senior Lecturer, Department of Labor and Business Law, Belgorod State National Research University (85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russia).

Beletskaya_A@bsu.edu.ru

«Двигатель прогресса» или «контрреволюционная вылазка»? Конфликты в советском социуме Западной Сибири (1936–1938 годы)

М. Ю. Шматов

*Новосибирский государственный университет,
Новосибирск, Россия*

Аннотация

В статье исследуется феномен социальных конфликтов в советском социуме Западной Сибири второй половины 1930-х гг. В контексте проблематики взаимоотношений советской власти с различными группами населения СССР анализируются значение конфликтов в политической и повседневной жизни советских граждан, динамика, особенности и пути преодоления конфликтных ситуаций. С опорой на концепции тоталитаризма и модернизации на базе методологии «новой социальной истории» и теории конфликта Л. Козера, с привлечением метода контент-анализа реконструируется структура конфликтов, разрабатывается вопрос их частоты и количества в регионе в 1936–1938 гг. Сделан вывод об использовании конфликтов властями в качестве инструмента мобилизации, социальной инженерии и репрессий, подтверждена гипотеза о частичной неподконтрольности партийно-государственному аппарату стихийно возникавших конфликтных ситуаций. Научные результаты, полученные при разработке проблемы, в перспективе могут быть использованы в качестве практических для анализа и прогнозирования конфликтных ситуаций в различных социальных моделях, включая современные. Основным итог работы заключается в формировании представления о конфликте как об инструменте политики и одновременно с этим – факторе влияния на неё в условиях социальной напряжённости.

Ключевые слова

конфликтология, дискурс конфликта, пропаганда, контент-анализ, социальные роли, Западно-Сибирский край, Р.И. Эйхе.

Для цитирования

Шматов М. Ю. «Двигатель прогресса» или «контрреволюционная вылазка»? Конфликты в советском социуме Западной Сибири (1936–1938 годы) // *Universum Humanitarium*. 2020. № 2. С. 119–131
DOI

"Engine of Progress" or "Counter-Revolutionary Raid"? Conflicts in the Soviet Society of Western Siberia (1936-1938)

M. Yu. Shmatov

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russia*

Abstract

The article examines the phenomenon of social conflicts in the Soviet society of Western Siberia in the second half of the 1930s. In the context of the relations problems between the Soviet government and various groups of the Soviet population, the author analyzes the significance of conflicts in the political and everyday life of Soviet citizens, the dynamics, features and ways of overcoming conflict situations. Drawing on the concept of totalitarianism and modernization on the basis of the "new social history" methodology and the theory of conflict by L. Koser, using the method of content analysis, the structure of conflicts is reconstructed, the issue of their frequency and quantity in the region in 1936–1938 is being developed. A conclusion about the conflicts using by the authorities as a mobilization tool, social engineering and repression is made; the hypothesis of the partial non-control of the party-state apparatus of spontaneous conflict situations is confirmed. The scientific results obtained in the development of the problem, in the future, can be used as practical for the analysis and prediction of conflict situations in various social models, including modern ones. The main result of the work is the formation of an idea of the conflict as a policy instrument and, at the same time, as a factor of influence on it in conditions of social tension.

Keywords

conflictology, conflict discourse, propaganda, content analysis, social roles, West Siberian, R.I. Eikhe.

For citation

*Shmatov M. Yu. "Engine of Progress" or "Counter-Revolutionary Raid"? Conflicts in the Soviet Society of Western Siberia (1936-1938). Universum Humanitarium. 2020. No 2. P. 119–131
DOI*

Политическое руководство СССР в 1936–1938 гг. реализовало комплекс идеолого-пропагандистских мероприятий, охвативших всё население страны и призванных легитимировать в его глазах новое конституционное законодательство – «сталинскую» Конституцию 1936 г. и последовавший после её принятия комплекс законодательных документов. Получившие в исследовательской литературе название массовых политических кампаний [Ушакова, 2013. С. 8], эти мероприятия подразумевали активное участие «трудящихся масс»

(фактически всех взрослых граждан СССР, а также иностранцев, находившихся на территории страны, и подростков-комсомольцев) во «всенародном изучении и обсуждении» конституционного проекта (июнь–декабрь 1936 г.) и в выдвижении кандидатов в депутаты Верховного Совета СССР (1937 г.) и Верховного Совета РСФСР (1938 г.) [Velikanova, 2018. Р. 18].

Проблемным является вопрос о масштабах и причинах поддержки мероприятий большевиков разными группами советского населения. Невзирая на декларируемую официальной пропагандой всеобщую лояльность, материалы секретного делопроизводства («спецсводки» и отчёты партийных и советских органов) свидетельствуют о значительном числе проявлений протестного поведения, конфликтов, именуемых в официозном дискурсе «контрреволюционными вылазками». Такие формы социального поведения граждан выступают объектом нашего исследования, предмет которого – социальные функции конфликтов второй половины 1930-х гг. в условиях тоталитарного режима. Актуальность исследования обусловлена дискуссией о значении социальной поддержки для функционирования сталинского режима, о степени лояльности и протестного потенциала граждан в его политических условиях. В сообществе профессиональных историков и в общественно-политическом пространстве России и зарубежных стран продолжается дискуссия о степени лояльности населения СССР сталинскому политическому режиму, вызванная стремлением оценить характер власти, именовавшей себя народной, но проводившей при этом жёсткую репрессивную и дискриминационную политику [Brandenberger, 2011. Р. 3]. Кроме того, тематика социальных конфликтов имеет практическую актуальность для прогнозирования и предотвращения конфликтных ситуаций в современных динамичных обществах.

Цель работы состоит в изучении природы и динамики конфликтов. Для этого необходимо решение задач по их идентификации, анализу их численности, сущности и результатов для власти и граждан. Изучение проблемы базируется на методологической основе теории социального конфликта, сформулированной и апробированной на тоталитарных моделях середины XX века американским социологом Л. Козером [Козер, 2000], а также на положениях теории социальной мобилизации в контексте методологического направления «новой социальной истории» [Арнаут, Красильников, Кузнецов, 2018. С. 5, 10]. Используя модернистский и тоталитаристский подход к изучению советской истории, с привлечением структурно-генетического и количественного метода, а также метода контент-анализа

производится исследование конфликтной динамики советского социума в условиях массовых политических кампаний.

Проблематика конфликтов в советском социуме в контексте массовых политических кампаний изучена российскими историками С.Н. Ушаковой, С.А. Красильниковым и американским исследователем Ш. Фицпатрик [Фицпатрик, 2008. С. 97–135]. Немецкий историк К. Шлёгель [Шлёгель, 2011. С. 67] выдвинул идею конфликтности как сущностной характеристики советского социума и политического режима. В то же время требует анализа и верификации рабочая гипотеза нашего исследования о конфликте как противоречивом явлении, способном стать как инструментом политических акций, так и их проблемным фактором. В этом состоит новизна работы, опирающейся на массовые публицистические и секретные делопроизводственные источники в территориальных рамках Западно-Сибирского края (с сентября 1937 г. – Новосибирской области и Алтайского края) – крупного индустриально-аграрного региона СССР со сложной и многогранной социальной структурой.

Институциональная сущность кампаний заключалась в том, что вовлечённые в них люди чётко разделялись советским руководством по своим функциональным признакам: агенты кампаний (их проводники, уполномоченные властью) и адресаты, целевая аудитория («массы трудящихся»). Несмотря на гибкость и изменчивость этих статусов (активист «из народа» автоматически становился агентом кампании, активно участвовавшим в её мероприятиях на локальном уровне родного предприятия или сельского поселения), в целом между властью и группами населения сложились субъект-объектные отношения власти-подчинения [Фромм, 2017. С. 109]. При этом огромные разнородные и к тому же вовлечённые в масштабные социальные катаклизмы социальные общности не могли существовать исключительно в статусе объектов воздействия властных институтов и отдельных функционеров. В процессе кампаний они стремительно и, что самое главное, вопреки ожиданиям власти обретали субъектность, переставая быть лишь инструментом для написания «агиток» о «единодушном согласии» с положениями конституционного проекта или с кандидатурой депутата Верховного Совета. Иными словами, массовые политические мероприятия «толкали спящий годами народ к пробуждению, а значит, к политическому действию», выражаясь языком эмигрантской прессы того времени, следившей за политическими реформами в СССР [Младоросское слово. 1938. 7 янв.].

Несовпадение желаемых и реальных статусов индивидов и групп порождало главный и наиболее общий социальный конфликт в фор-

мате «власть – общество». О его наличии свидетельствовали многочисленные и активизирующие формы протеста – не только против отдельных «перегибов» и «нестроений», но и против политики власти в целом. Вспомним при этом, что Л. Козер писал об опасности социального недовольства для тоталитарных режимов, держащихся на подавлении структурных, т. е. угрожающих базовым институтам режима конфликтов [Козер, 2000. С. 98]. Эти теоретические выкладки подтверждаются эмпирическими фактами: власть опасалась реального и масштабного социального конфликта, хотя и невольно провоцировала его ростки своими «будоражающими умы» действиями. Американский историк О. Великанова считает, что «большинство противоречий в конституционных реформах и электоральных процессах 1930-х гг. были следствием политики власти, активизировавшей массовую политическую активность и политическую культуру тысяч ранее аполитичных граждан» [Velikanova, 2018. Р. 134]. В ситуации социального конфликта обе его стороны приобретали субъектность – конечно, об институционализации и тем более легализации противников партии и режима речи не шло, так как они в рамках советской правовой системы сразу же оказывались вне закона, но в конкретном пространственно-временном и ситуационном измерении они обретали реальную возможность влиять на политический процесс. В этих ситуациях реагировать на внешние вызовы был вынужден уже не социум, а носители власти – конфликт предполагал для них меры самозащиты: от репрессивных акций до гибких идеологических маневров.

Средством самозащиты власти была «канализация агрессии», перенос её на другие социальные и политические общности для изменения вектора агрессии с политических субъектов на другие группы – реальные или мнимые. «Троцкистский» и антифашистский дискурс в ходе кампании осени 1936 г. показали свою неэффективность, и в качестве «защитного клапана» на рубеже 1936–1937 гг. была выбрана активизация «замороженного» с начала 1930-х гг. конфликта власти и союзных ей атеистически ориентированных групп населения с церковью как организацией и социальной корпорацией верующих. В этом смысле во многом искусственно (директивой ВЦИК от 30 декабря 1936 г. [ГАНУ. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 3382. Л. 26]) конфликт выполнил мобилизационную функцию и функцию социальной разрядки. В 1937–1938 гг. количество зафиксированной советскими органами в специальных информационных письмах конфликтов между верующими и местными функционерами возросло в несколько раз в сравнении с ситуацией 1936 г., что было вызвано начавшейся кампанией

по закрытию церквей в городах и сельских поселениях. Иными словами, конфликт возник искусственно и контролировался в рамках партийно-государственной кампании, функционеры которой тщательно фиксировали количество и характер выступлений, в большинстве своём ненасильственных, носивших лишь характер вербального протеста [ГАНУ. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 3382. Л. 144; ГАНУ. Ф. Р-1020. Оп. 1. Д. 33. Л. 15].

Необходимо отметить совпадение динамики политической кампании (подготовка к выборам в оба Верховных Совета) с динамикой кампании по ликвидации церквей. Конфликт власти и церкви был инструментом сопровождения более масштабной и актуальной политической кампании. Опасаясь неконтролируемой гражданской активности ещё со времён Пленума ЦК ВКП(б) февраля-марта 1937 г. [Шлёгель, 2011. С. 303], власть нашла способы её подавления, с одной стороны (активисты церковных советов), и лоялизации – с другой (недовольные массы крестьян и горожан). Не стоит, однако, считать этот тип конфликтов полностью управляемым: в ноябре 1937 г., за месяц до выборов в Верховный Совет СССР, в информационных письмах территориальных избирательных комиссий в Новосибирский обком ВКП(б) и в Центральную избирательную комиссию фиксировалось более 10 «контрреволюционных вылазок церковников» в Тогучинском, Чановском, Мошковском, Северном районах Новосибирской области, «значительной части которых попустительствует местный партийный и советский аппарат по головотяпству или преступному умыслу» [ГАРФ. Ф. Р7522. Оп. 1. Д. 40. Л. 60]. Таким образом, конфликтная динамика не всегда была инструментом в руках агентов кампании, зачастую создавая для них серьёзные затруднения, чреватые карьерным крахом и даже лишением свободы и жизни вследствие утраты к ним доверия со стороны вышестоящих руководителей [Hosking, 2013. P. 7].

Идентичные функции выполняли и конфликты в социальной и национальной сферах. Несмотря на декларируемую победу социалистического уклада, ею же продолжали муссироваться антикулацкие настроения (объекта дискриминации почти не существовало – лишь деклассированные и в большинстве своём изолированные в спецпоселениях «бывшие кулаки», но дискриминационная практика против них сохранялась). Кроме того, несмотря на декларируемый интернационализм, искусственно – на уровне агентов кампаний – катализировались старые и конструировались новые межэтнические конфликты. Вектора здесь было два: первый – формалистская, но навязчивая критика «великодержавного шовинизма», противопостав-

лявшая русских другим народам СССР. С такой практикой мы регулярно сталкиваемся, анализируя ойротские и казахские выступления на массовых собраниях, пронизанные тематикой бывшего угнетения русскими (не только властями Российской империи, но и колонистами-«кулаками») [ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 3055. Л. 12–38]. Доходило до того, что функционеры ВЦИК, работавшие в Новосибирской области в ходе кампании по подготовке к выборам, отмечали «скрытые проявления буржуазного национализма за маской критики великодержавного шовинизма» - критика прошлого (во многом искусственно сконструированного пропагандой) создавала угрозы межэтнических конфликтов в настоящем [ГАРФ. Ф. Р7522. Оп. 1. Д. 40. Л. 107]. Другой вектор – формирование образа «народов-предателей»: в рассматриваемый период этот статус был спроецирован на корейцев, депортированных в 1936 г., а затем - в несколько меньшей степени – на поляков и немцев [Martin, 2001. Р 44]. Исходя из вышесказанного, исследуя массовые «кулацкие» и «национальные» репрессивные операции 1937 г., необходимо помнить о том, что они были частью и логическим исходом социального конфликта: искусственного по происхождению, силового по форме и «защитно-разгрузочного» по функционалу.

Нельзя исключать, что власть в 1937–1938 гг. действительно опасалась подрыва своих позиций, вызванного неожиданной и непредсказуемой избирательной реформой: в ситуации закрытого от посторонних глаз февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) высшие функционеры говорили об угрозах того, что партия не справится с грядущими политическими конфликтами. В числе алармистов был и партийный лидер Западно-Сибирского края Р.И. Эйхе, опасавшийся активизации «белогвардейских», «кулацких» и религиозных элементов в подведомственном ему краю. Кстати, выходившая в бразильском Сан-Паулу эмигрантская националистическая газета писала о возрастании роли религии в борьбе с большевиками «за русские сердца» в неназванных «сёлах Западной Сибири» со ссылкой на «большевистского вождя Эйхе» [Младоросское слово. 1938. 14 января]. Террор как конфликт внутри партии и между партией и противостоящими ей силами определяют и многие современные авторы: например, О. Великанова, которая даже допускает реальность существования в Западной Сибири крестьянских союзов, в том числе монархической и эсеровской направленности [Великанова, 2017. С. 150–180]. Особенностью Западной Сибири была высокая концентрация в этом регионе раскрестьяненных («раскулаченных») спецпереселенцев, общая численность которых превышала 200 000 человек;

опасность волнений с их стороны, а также их высокий протестный потенциал в ходе подготовки выборов отмечал западносибирский руководитель УНКВД С.Н. Миронов [Хоффман, 2018. С. 375]. Но всё же никаких реалистичных подтверждений заговоров или мятежей на территории Западной Сибири не было – вероятно, местные функционеры сами опасались их, помня о социальной катастрофе времён «Великого перелома» рубежа 1920-х и 1930-х гг., лишь внешне прекратившейся всего за несколько лет до исследуемых кампаний.

Но не следует думать, что все конфликты рассматриваемого периода были смоделированы и катализированы искусственно, а все реальные конфликты – подавлены. Из-за ограниченности и централизованной распределения основных благ, обстановки общей напряжённости и неуверенности в завтрашнем дне почва для конфликтности в советском обществе существовала все эти годы. Активизировавшие людей кампании обнажили многие скрытые, но реальные конфликты. В мягких, но вполне отчётливых формах проявил себя конфликт города и деревни, где последняя находилась в угнетаемом положении. Это подтверждает шквал требований по улучшению жизни в колхозах при отсутствии идентичных требований из города, который, к тому же, отличался умеренностью в своих формах протеста. В городской среде обозначились противоречия рабочих и служащих, особенно, номенклатурных функционеров, а также квалифицированных и неквалифицированных производителей, интеллигентов и «работяг». Индикатором внутригородской конфликтности стали требования уравнивания зарплат и упразднения привилегий. В сельской местности обозначились конфликты, ставшие прямым продуктом трансформаций в аграрной сфере – конфликт колхозов и совхозов, колхозов и МТС, колхозной и спецпоселенческой (комендантской) систем. Об этом не только сообщали массовые секретные спецсводки советских, партийных и комсомольских органов, но и советская периодическая печать в публицистических очерках о «головотяпстве» местных функционеров [Сов. Сибирь. 1936. 20 нояб., 25 нояб., 1 дек.]. Многие из этих конфликтов носили чисто бытовой характер и локализовались рамками предприятия или учреждения, на территории которых разгорались. Однако в условиях кампаний и всеобъемлющего политического контроля они быстро приобретали функции политической мобилизации и остро конфронтационный характер.

Одним из наиболее ярких тому примеров выступает ситуация, разыгравшаяся в школе одного из рабочих посёлков близ строящихся предприятий Кузнецкого бассейна. Не умевшая читать и поздно по-

ступившая в первый класс одиннадцатилетняя девочка – дочь бывших спецпоселенцев Околоковых, сумевших до паспортизации 1932 г. бежать на одну из строек, попросила в декабре 1936 г. учительницу-библиотекаря дать ей для чтения какую-нибудь книгу. Педагог дала ей брошюру, содержащую текст выступления И.В. Сталина на VIII Съезде Советов и Конституции СССР, сказав, что до ознакомления с основными законами страны девочка никаких книг не получит [Карта истории]. Эта вопиющая и достаточно нелепая ситуация, спровоцированная чрезмерно «бдительным» и ретивым учителем, выступает примером проникновения элементов и самой атмосферы политических кампаний во все сферы и уголки жизни СССР, затрагивавшего даже маленьких детей, ещё не обретших политическую дееспособность даже по советскому законодательству. Схожая конфликтная ситуация возникла в одном из детских садов Новосибирска, где родители не имели средств для оформления тематической выставки, связанной с Конституцией СССР [ГАНО. Ф. П-190. Оп. 1. Д. 1. Л. 49].

Не следует и полностью отрицать объективные предпосылки религиозных конфликтов. Атеистическая пропаганда, традиционно настороженное отношение сельских жителей к приходскому духовенству и особенно к сектантам дали свои результаты – население само рекрутировало агентов уже для антицерковных акций [Одинцов, 2014. С. 312]. Искренние противники существования приходов в городах и колхозах Сибири были желанным активом в ходе сопровождавших политическим кампаниям акций по «храмозаккрытиям» – их фамилии, деятельность и реакция на неё сторонников церковей тщательно документировались [ГАНО. Ф. Р-1020. Оп. 1. Д. 33. Л. 2–10]. При этом сами акции по «храмозаккрытию» часто создавали новые конфликты, как между прихожанами и властью / активистами, так и более глубокого и многопланового формата.

Например, одним из оснований для закрытия мечети в Томске в 1937–1938 гг. [ГАНО. Ф. Р-1020. Оп. 1. Д. 34. Л. 6] было обвинение её прихожан – этнических казахов, бежавших от коллективизации и насильственного перевода на оседлость в начале 1930-х гг., в связях с зарубежными странами, куда могли эмигрировать их родственники. Вскоре на волне слухов об этих обвинениях среди прихожан появились новые – совсем нереалистичные – слухи о том, что Персия или Китай готовы защитить их от произвола советской власти. Эти слухи, в свою очередь, послужили основанием для обвинений их носителей в «антисоветской пропаганде». Так один конфликт порождал цепочку других [Martin, 2001. Р. 191].

Сами массовые политические кампании породили новые конфликты – дискуссия вокруг поддержки или блокирования предложений власти создала новый критерий для парцелляции общества на «своих» и «чужих», «верных» и «предателей», «понятных» и «инакомыслящих». Спекулируя на уже существующих конфликтах, власть продуцировала новые – это и было элементом общей мобилизационной политики: чтобы сплотить людей, нужен был объект, против которого они бы сплотились [Голдман, 2010. С. 62].

Следует отметить, что все реальные конфликты, возникавшие в рамках кампаний, не переходили в силовую фазу, оставаясь по своей форме достаточно мягкими. Их функции в социальном измерении нельзя назвать преобразовательными «двигателями прогресса» для общественно-политического уклада, поскольку все они быстро были взяты властью в рамки и стали её инструментом.

Итак, социальные конфликты в советском социуме Западной Сибири стали следствием и отчасти инструментом массовых политических кампаний. В то же время конфликты демонстрировали кризисные явления как в социально-экономической, так и в духовно-мировоззренческой сферах жизни советских граждан. По итогам исследования удалось установить двойственную сущность социального конфликта как инструмента политики и фактора влияния на неё в кризисных условиях масштабной социальной мобилизации. Этот вывод подтверждается выявленными массовыми эмпирическими материалами, доказывающими сложность, пестроту и динамизм конфликтных ситуаций в официально мирном и сплочённом советском социуме. Безусловно, необходимо иметь в виду сложность измерения социально-психологического состояния граждан и их групп в эмоциональных и не вполне понятных им конфликтных ситуациях, что заставляет с осторожностью относиться к интерпретации тех или иных проявлений конфликтности – в этом отношении возможна и желательна дальнейшая дискуссия с привлечением междисциплинарных методов исследования социальных процессов в исторической динамике. В то же время в перспективе возможно компаративистское исследование конфликтных ситуаций в Западной Сибири и в других регионах СССР с целью поиска общих черт и региональной специфики. Учитывая сохранение значительной роли массовых каналов воздействия на мировоззрение больших групп людей, исследование имеет определённую практическую ценность с точки зрения изучения и прогнозирования конфликтных ситуаций при выстраивании отношений между органами и функционерами власти и различными группами граждан.

Список литературы

Великанова О. Разочарованные мечтатели: Советское общество 1920-х гг. / Пер. с англ. Л. Ю. Пантиной. М.: РОССПЭН, 2017. 295 с.

Голдман В. З. Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий / Пер. с англ. Л. Е. Сидиковой. М.: Росс. полит. энцикл., 2010. 336 с.

Карта истории [Электронный ресурс] URL: <https://v2.kartaistorii.ru/okorokovu> (дата обращения: 22.12.2019)

Козер Л. Функции социального конфликта / Пер. с англ. Н. А. Назаровой. М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги, 2000. 208 с.

Одинцов М. И. Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917–1953 гг. М.: РОССПЭН, 2014. 424 с.

Социальная мобилизация в сталинском обществе (конец 1920-х – 1930-е гг.) / Отв. ред. С. А. Красильников. М.: Полит. энцикл., 2018. 591 с.

Ушакова С. Н. Идеолого-пропагандистские кампании в практике функционирования сталинского режима. Новые подходы и источники. М.: Росс. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2013. 215 с.

Фицпатрик III. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е гг. / Пер. с англ. Л. Ю. Пантиной. М.: РОССПЭН, 2008. 336 с.

Фромм Э. Бегство от свободы / Пер. с англ. А. В. Александровой. М.: АСТ, 2017. 288 с.

Хоффман Д. Возращение масс. Модерное государство и советский социализм. 1914–1939 / Пер. с англ. А. Терещенко. М.: Новое лит. обозр., 2018. 424 с.

Шлэгель К. Террор и мечта. Москва 1937 / Карл Шлэгель; пер. с нем. В. А. Брун-Цехового. М.: Росс. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2011. 742 с.

Brandenberger D. Propaganda State in Crisis: Soviet Ideology, Indocination and Terror Under Stalin, 1927–1941. New Heaven; London: Yale University Press, 2011. 376 p.

Hosking G. Trust and Distrust in the USSR: An Overview // Slavonic & East European Review. 2013 Jan. Vol. 91. Is. 1. P. 1–25.

Martin T. The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Cornell University, 2001. 528 p.

Velikanova O. Mass Political Culture Under Stalinism. Popular Discussion of the Soviet Constitution of 1936. Denton: University of North Texas, 2018. 260 p.

References

Brandenberger D. Propaganda State in Crisis: Soviet Ideology, Indoctrination and Terror Under Stalin, 1927–1941. New Heaven; London: Yale University Press, 2011, 376 p.

Fitzpatrik Sh. Povsednevniy stalinizm. Sotsialnaya istoriya Sovetskoy Rossii v 30-e gg. Moscow: ROSSPEN, 2008, 336 p. (In Russ.).

Fromm E. Begstvo on svobodi. Moscow: Izdatelstvo AST, 2017, 288 p. (In Russ.).

Goldman V. Z. Terror I demokratia v epokhu Stalina: Sotsialnaya dinamika repressiy. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya, 2010, 336 p. (In Russ.).

History map [Electronic resource] URL: <https://v2.kartaistorii.ru/okorokovy> (accessed: 22.12.2019)

Hoffman D. Vzraschivaniye mass. Modernoye gosudarstvo I sovetskiy sotsializm. 1914–1939. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2018, 424 p. (In Russ.).

Hosking G. Trust and Distrust in the USSR: An Overview. *Slavonic & East European Review*, 2013 Jan, Vol. 91, Is. 1, pp. 1–25.

Kozer L. Funkzii socialnogo konflikta. Moscow: Idea-Press; Dom intellektualnoy knigi, 2000, 208 p. (In Russ.).

Martin T. The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Cornell University, 2001, 528 p.

Odintsov M. I. Russkaya pravoslavnaya tserkov' nakanune I v epokhu stalinskogo socializma. 1917–1953 gg. Moscow: ROSSPEN, 2014, 424 p. (In Russ.).

Shlegel K. Terror I mechta. Moskva 1937. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2011, 742 p. (In Russ.).

Sotsialnaya mobilizatsia v stalinskom obschestve (konetz 1920-h – 1930-e gg.). N.B. Arnautov, S.A. Krasilnikov, I.S. Kuznetsov [and others]; ed. S.A. Krasilnikov. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 2018, 591 p.

Ushakova S. N. Ideologo-propagandistskiye kampanii v praktike funktsionirvaniya stalinskogo regima. Noviye podkhodi i istochniki. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2013, 215 p. (In Russ.).

Velikanova O. Mass Political Culture Under Stalinism. Popular Discussion of the Soviet Constitution of 1936. Denton: University of North Texas, 2018, 260 p.

Velikanova O. Razocharovanniye mechtateli: Sovetskoye obschestvo 1920-h gg. Moscow: ROSSPEN, 2017, 295 p. (In Russ.).

Материал поступил в редколлегию

Received

13.01.2020

Информация об авторе / About the author

Шматов Михаил Юрьевич, магистрант, Гуманитарный институт, кафедра отечественной истории, Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия).

Shmatov Mikhail Yu., master's student of Humanitarian Institute, Department of Russian History, Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation).

+7-913-750-94-30

shmatov2009@yandex.ru.

Список сокращений

ВКП(б) – Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков);

ВЦИК – Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет;

ГАО – Государственный архив Новосибирской области;

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации;

д. – дело;

л. – лист;

МТС – машинно-тракторная станция;

обком – областной комитет;

оп. – опись;

РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика;

СССР – Союз Советских Социалистических Республик;

УНКВД – управление Народного комиссариата внутренних дел СССР;

ф. – фонд;

ЦК – Центральный комитет.

Локальные особенности томского варианта кулайской культурно-исторической общности конца IV в. до н. э. – IV в. н.э.

Д. Ю. Рыбаков

*Томский государственный университет
Томск, Россия*

Аннотация

В статье рассматриваются материалы археологических памятников Томского Приобья конца IV в. до н. э. – IV в. н. э. связанных с возникновением и развитием томского варианта кулайской культурно-исторической общности. Показаны его культурные особенности. Дана их суммарная характеристика, которая включала внешние архитектурные особенности построек на поселениях, планиграфии их взаиморасположения, особенности систем фортификаций на городищах. Было установлено, что в целом, несмотря на явный кулайский облик, поселения Томского Приобья имеют ряд характерных отличий, свойственных лишь для данного региона. Особенно отчетливо они проявляются на первоначальном этапе проникновения кулайцев на территорию Томского Приобья. Особое внимание уделено керамике. На основании имеющихся данных выделено три хронологических этапа ее существования. Выявленные культурно-исторические процессы позволяют говорить о том, что в Томском Приобье они происходили в едином культурном пространстве, связанным с кулайской культурно-исторической общностью с одной стороны, но имели различия локального уровня с другой.

Ключевые слова

Западная Сибирь, Томское Приобье, ранний железный век, томский вариант кулайской культурно-исторической общности, локальные культурные особенности.

Источник финансирования

Работа реализована при поддержке Программы повышения конкурентоспособности Томского государственного университета.

Для цитирования

Рыбаков Д. Ю. Локальные особенности томского варианта кулайской культурно-исторической общности конца IV в. до н. э. – IV в. н.э. // *Universum Humanitarium*. 2020. № 2. С. 132–160
DOI

Local Features of the Tomsk Version of the Kulai Cultural and Historical Community of the End of the IV Century BC – IV Century AD

D. Yu. Rybakov

*Tomsk State University
Tomsk Russia*

Abstract

The article deals with the materials of archaeological monuments of the Tomsk Ob region of the end of the IV century BC – IV century AD. The materials are associated with the emergence and development of the Tomsk version of the Kulai cultural and historical community. The cultural features of this version of the Kulai cultural and historical community are described in the article. It also gives the characteristics of the features, which included the external architectural features of buildings in settlements, the planigraphy of their mutual location, and the features of fortification systems of settlements. It was found that, despite the obvious Kulai appearance, the settlements of the Tomsk Ob region have several distinguishing differences that are peculiar to this region only. The differences are especially clearly manifested at the initial stage of penetration of the Kulai people into the territory of the Tomsk Ob region. Special attention is paid to pottery. Three chronological stages of its existence are identified, based on the available data. The identified cultural and historical processes suggest that in the Tomsk Ob region all three stages took place in a single cultural space associated with the Kulai cultural and historical community, but had local differences.

Keywords

Western Siberia, Tomsk-Ob region, The Early Iron Age, the Tomsk version of the Kulai cultural and historical community, the local cultural features.

Funding

This work was supported by the Tomsk State University Competitiveness Improvement Program.

For citation

Rybakov D. Yu. Local Features of the Tomsk Version of the Kulai Cultural and Historical Community of the End of the IV Century BC – IV Century AD. *Universum Humanitarium*. 2020. No 2. P. 132–160

DOI

Томское Приобье не было регионом, связанным с первоначальным кулайским культурогенезом. Появление кулайского населения на данной территории происходит в результате миграционных процессов [Плетнева, 1970. С. 168–171; 1973. С. 198; 1977. С. 91; 1978. С. 58; Чиндина, 1978. С. 79; 1984. С. 160–161]. До прихода кулайцев на территории Томского Приобья в VI–III вв. до н. э. проживало насе-

Рис. 1. Предметы из памятников шеломокской культуры (по Л. М. Плетневой):
1, 2, 4, 12, 17, 20, 23, 25, 26, 29, 31, 32 – Савинский курганный могильник; 3, 10, 21,
22, 24 – Усть-Малокиргизский ритуальный комплекс; 5, 11, 16 – поселение Шеломок
I; 6, 7, 8, 27, 28, 30 – Степановское местонахождение; 14, 15, 19, 30 – поселение
Басандайка I; 13 – Басандайская находка; 9 – поселение Самусь II; 18 – поселение
Заречная Горка. 1–11, 13–22, 24–26, 30, 31 – бронза; 12, 23 – камень; 27, 28, 32 –
керамика; 29 – золото

Fig. 1. Items from the sites of Shelomok culture (after L. M. Pletneva):
1, 2, 4, 12, 17, 20, 23, 25, 26, 29, 31, 32 – Savinsky burial mound; 3, 10, 21, 22, 24 – Ust-
Malokirgizsky ritual complex; 5, 11, 16 – Shelomok I settlement; 6, 7, 8, 27, 28, 30
– Stepanovskoe location; 14, 15, 19, 30 – Basandaika I settlement; 13 – Basandai find;
9 – Samus II settlement; 18 – Zarechnaya Gorka settlement. 1–11, 13–22, 24–26, 30, 31 –
bronze; 12, 23 – stone; 27, 28, 32 – ceramics; 29 – gold

ление шелонокской (кижировской) культуры. Характерными ее чертами являются керамика и специфическое бронзовое литье (рис. 1). Сосуды в основном имеют баночную форму и плоское дно. Венчики большинства сосудов прямые, с прямым с горизонтальным или округлым срезом. Орнаментирована, как правило, верхняя часть сосуда. Из элементов орнамента преобладает жемчужник или жемчужник в сочетании с другими элементами. В среднем число сосудов, орнаментированных чистым жемчужником или в сочетании с другими элементами, для всех памятников составляет от 59,8 до 69,6 %. Также при орнаментации шелонокских сосудов в незначительном количестве использовались: лунки, резные линии, оттиски гребенки, оттиски палочки, крестики, сквозные отверстия, желобки [Плетнева, 1973. С. 127–140].

На данный момент в Томском Приобье известно двадцать шесть поселенческих комплексов и восемь отдельных находок, связанных с кулайской культурно-исторической общностью (КИО). Их датировка укладывается в период с конца IV в. до н. э. по IV в. н. э., в рамках которой автор выделяет три хронологических этапа (рис. 2–4).

Первый этап (конец IV–II вв. до н. э.). Начало проникновения кулайцев на территорию Томского Приобья происходит в конце IV в. до н. э. Начиная с этого времени и вплоть до начала раннего средневековья территория Томского Приобья тесно связана с кулайской КИО. В результате взаимодействия кулайского и шелонокского населения изменяется и культура северных мигрантов. В первую очередь это касается керамики. Керамика IV–II вв. до н. э. несет в себе следы двухкомпонентности с преобладанием кулайских черт. Судя по обобщенным статистическим данным трех памятников (поселенческий комплекс Рюзаково (Духовое), городище Чердашный Лог I, поселение Половинка I), для морфологии верхней части сосудов характерен прямой профиль венчика (62,6 %) с округлым (29,1 %), скошенным внутрь (31,8 %) или горизонтальным срезом (30,8 %) (табл. 1, 2). Данные морфологические особенности керамики характерны и для сосудов шелонокской культуры. Так, для памятников V–III вв. до н. э. по форме венчика и его срезу наибольшую группу составляют прямые венчики с прямым обрезом края ($31,8 \pm 1,44$ %) или с округлым обрезом края ($34,8 \pm 1,48$ %). Общая численность группы $66,6 \pm 1,49$ % [Плетнева, 1977. С. 55]. Большинство сосудов были плоскодонными, что также является характерной чертой шелонокской керамики, в то время как значительная часть сосудов васюганского этапа кулайской культуры была круглодонной или с заостренным дном [Чиндина, 1973. С. 161]. Проведенный технико-технологический ана-

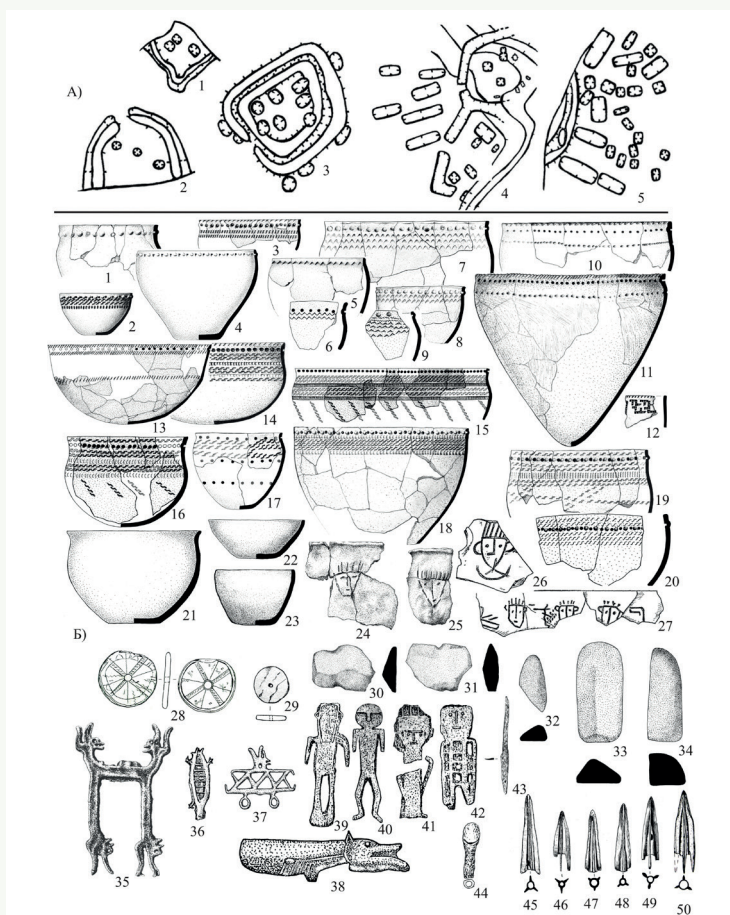

Рис. 2. Первый этап кулайской КИО в Томском Приобье (конец IV–II вв. до н. э.):
А) поселения и городища: 1 – городище Рюзаково II; 2 – городище Черныльщикуво

III (Курлак I); 3 – городище Киндинское II; 4 – городище Чердашный Лог III, поселение Чердашный Лог X; 5 – городище Половинка I, поселение Половинка I; Б) находки: 2–4, 7, 8, 14, 18, 19, 21–25, 30–35 – городище Рюзаково (Духовое); 1, 5, 10–12, 16, 17 – поселение Рюзаково (Духовое); 15 – поселение Рюзаково III; 6, 44, 50 – городище Чердашный Лог I; 13 – поселение Половинка I; 9, 20, 26–29, 36, 37, 45–50 – поселение Кижирово II; 43 – городище Нагорный Иштан II; 38 – находки с поселения Самусь IV; 39–42 – Степановская коллекция. 1–27 – керамика; 35–42 – камень; 45–50 – бронза; 43, 44 – железо

Fig. 2. The first stage of the Kulai culture in the Tomsk Ob region (end of the 4th – 2nd centuries BC):

A) ancient settlements: 1 – Ryuzakovo II settlement; 2 – Chernilshchikovo III (Kurlak I) settlement; 3 – Kindinskoe II settlement; 4 – Cherdashny Log III and Cherdashny Log X settlements; 5 – Polovinka I settlement.

B) finds: 2–4, 7, 8, 14, 18, 19, 21–25, 30–35 – Ryuzakovo (Dukhovoe) settlement; 1, 5, 10–12, 16, 17 – Ryuzakovo (Dukhovoe) settlement; 15 – Ryuzakovo III settlement; 6, 44, 50 – Cherdashny Log I settlement; 13 – Polovinka I settlement; 9, 20, 26–29, 36, 37, 45–50 – Kizhirovo II settlement; 43 – Nagorny Ishtan II settlement; 38 – Samus' IV settlement; 39–42 – Stepanov collection. 1–27 – ceramics; 35–42 – stone; 45–50 – bronze; 43, 44 – iron

Рис. 3. Второй этап кулайской КИО в Томском Приобье (I в. до н. э. – II в. н. э.):

А) 1 – городище Мурашка; 2 – поселение Мурашка IV;

Б) находки: 1–4, 6, 7, 9–11, 13, 19, 20, 22, 25, 27, 29, 31, 32, 37–39 – городище Мурашка; 5, 12, 14, 18, 21, 23, 24, 26, 28 – поселение Мурашка IV; 8, 15, 16, 17, 30, 33, 35, 36 – поселение Тимирязево I; 34 – находка с городища Басандайка IV. 1–20, 22 – керамика; 21, 23, 38, 39 – камень; 30–37 – бронза; 24–29 – железо

Fig. 3. The second stage of the Kulay culture in the Tomsk Ob region (1st century BC – 2nd century AD):

А) 1 – Murashka settlement; 2 – Murashka IV settlement;

Б) finds: 1–4, 6, 7, 9–11, 13, 19, 20, 22, 25, 27, 29, 31, 32, 37–39 – Murashka settlement; 5, 12, 14, 18, 21, 23, 24, 26, 28 – Murashka IV settlement; 8, 15, 16, 17, 30, 33, 35, 36 – Timiryazev I settlement; 34 – Basandayka IV settlement. 1–20, 22 – ceramics; 21, 23, 38, 39 – stone; 30–37 – bronze; 24–29 – iron

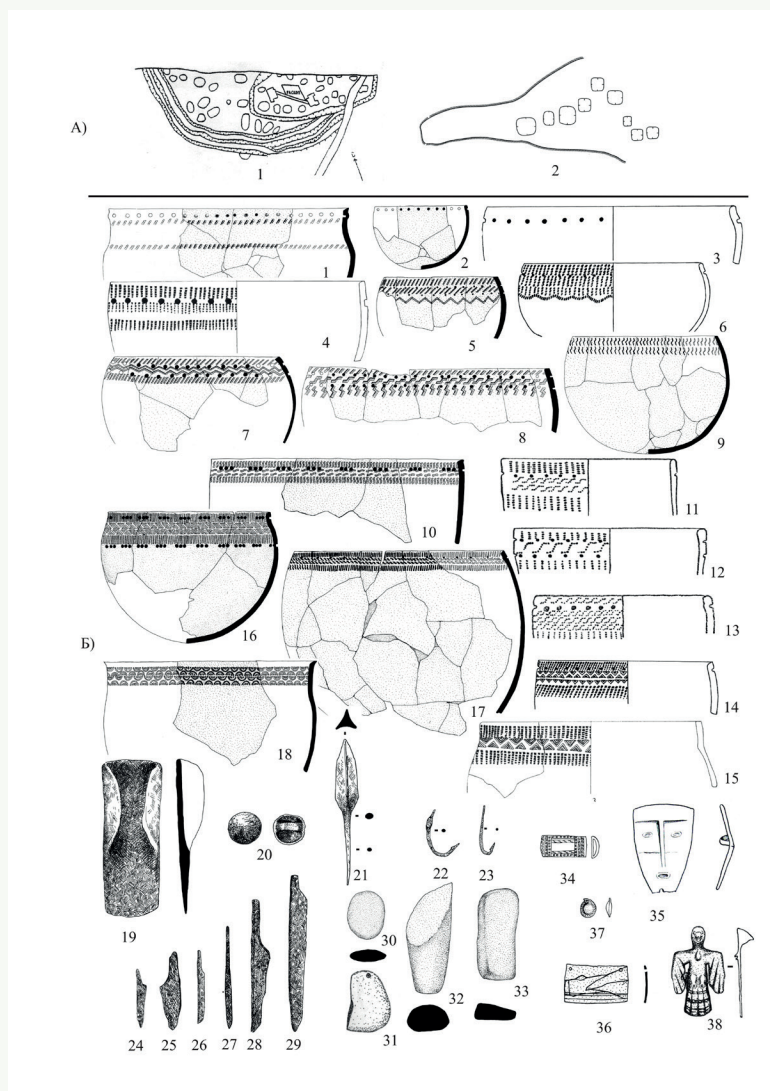

Рис. 4. Третий этап кулайской КИО в Томском Приобье (III–IV вв. н. э.).

А) 1 – городище Тимирязево III; 2 – поселение Щеломок III;

Б) находки: 3, 4, 6, 10, 14, 15, 18–24, 30, 32, 33, 36–38 – городище Тимирязево III; 1, 2, 5, 7–9, 16, 17, 25–29, 31 – поселение Аникино I; 11, 12 – поселение Щеломок III; 13, 34, 35 – поселение Басандайка I. 1–18 – керамика; 19–29 – железо; 30–33 – камень; 34–38 – бронза

Fig. 4. The third stage of the Kulai culture in the Tomsk Ob region (III–IV centuries AD).

A) 1 – Timiryazovo III fortified settlement; 2 – Shchelomok III settlement;

B) finds: 3, 4, 6, 10, 14, 15, 18–24, 30, 32, 33, 36–38 – Timiryazovo III fortified settlement; 1, 2, 5, 7–9, 16, 17, 25–29, 31 – Anikino I settlement; 11, 12 – Shelomok III settlement; 13, 34, 35 – Basandaika I settlement. 1–18 – ceramics; 19–29 – iron; 30–33 – stone; 34–38 – bronze

лиз показывает, что для изготовления формовочных масс характерно использование дресвы. Использование дресвы в составе формовочных масс является характерной чертой шеломокской (кижировской), а также большереченской керамики [Троицкая, Бородовский, 1994. С. 39, 70; Плетнева, 2002. С. 63]. В то же время использование шамота в ряде сосудов свидетельствует о смешении гончарных традиций [Рыбаков, Степанова, 2013. С. 89]. Значительная часть сосудов из Томского Приобья имеет на своих стенках следы заглаживания зубчатым предметом, что является характерной чертой кулайской керамики.

При орнаментации сосудов использовалось девять элементов, выполненных в различной технике нанесения: штампование, отступление, протаскивание, накол, резная. По иерархии встречаемости, от наиболее частых к наименее частым, основные элементы орнамента¹ можно расположить следующим образом: ямки 62 %; жемчужник 51,7; гребенчатый штамп 31,1; гладкая уточка 26,4; лопатка 23,8; отступающая лопатка 6,3; накол уголка лопатки 5,3; отступающая палочка 3,6 % (рис. 5).

Орнаментация сосудов несет следы двухкомпонентности. В первую очередь это выражено в значительном количестве чистого жемчужника и его сочетаний, как правило, с ямками (рис. 6, 1, 2). При этом следует отметить полное отсутствие проколотого жемчужника и практически полное отсутствие приплюснутого. Последний является характерной чертой при орнаментации васюганской керамики [Чиндина, 1973. С. 162]. Очень редко встречается мотив, когда под рядом жемчужника расположен ряд ямок. Эта черта характерна для кулайской керамики Нарымского Приобья [Там же. С. 162]. В Томском Приобье преобладает мотив – ямочно-жемчужный пояс, когда жемчужник чередуется с ямками в одной строке (рис. 2, Б, 2, 18–20). Использование горизонтальных рядов наколов уголка лопатки на сосудах ряда кулайских памятников конца IV–II вв. до н. э. Томского Приобья (рис. 2, Б, 5–9) является весьма характерным орнаментальным признаком культур скифо-сибирского мира. Число таких сосудов в среднем составляет 8,8 % (рис. 6, 9). Применение гребенчатого штампа характерно как для кулайской, так и шеломокской керамики. Сам по себе он в данном случае не является культурным маркером, однако весьма показательным может быть орнаментальный мотив, который наносился с его использованием. Так, в Томском Приобье

¹ По законам математической статистики для установления основных элементов и мотивов орнамента как существенных признаков использован нижний порог значимости не менее 6 % от общей выборки керамического комплекса отдельного памятника.

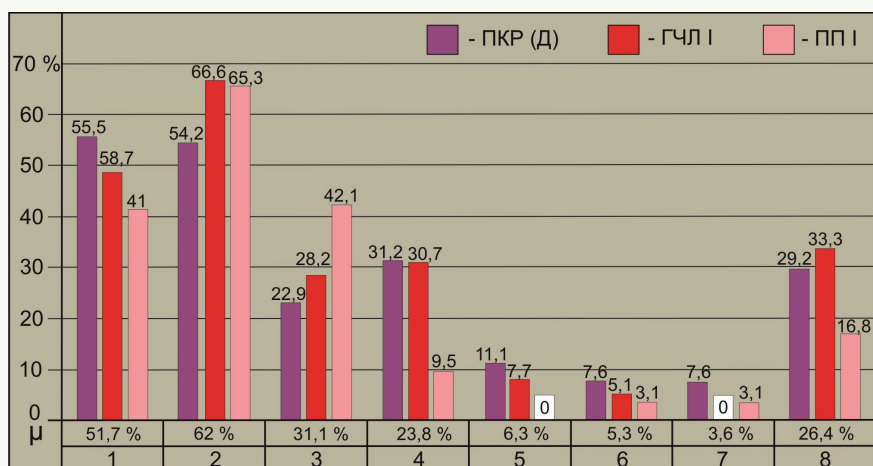

Рис. 5. Гистограмма частоты встречаемости основных элементов орнамента на сосудах из памятников первого этапа (конец IV–II вв. до н. э.) в Томском Приобье:
 1 – жемчужник; 2 – ямки; 3 – гребенчатый штамп; 4 – лопатка; 5 – отступающая лопатка; 6 – накол лопатки (уголок); 7 – отступающая палочка; 8 – гладкая уточка
 Fig. 5. Histogram of the frequency occurrence of the main ornamental elements on the vessels from the first stage sites (end of the 4th – 2nd centuries BC) in the Tomsk Ob region:

1 – punched nodes; 2 – pits; 3 – comb-impressed stamp; 4 – plain paddle; 5 – retreating paddle; 6 – angle paddle stamp; 7 – retreating stamp; 8 – geometric motifs and ornithomorphic figures – “ducks”

отсутствует двойной зигзаг, который использовался на васюганской керамике Нарымского Приобья [Чиндина, 1973. С. 162]. Очень редко используются ряды горизонтального и вертикального гребенчатого штампа. Зато получает распространение ряд наклонного гребенчатого штампа (рис. 2, Б, 3, 11, 13). Его усредненное значение по памятникам первого этапа составляет 26,3 % (рис. 6, б). Также для кулайской керамики Томского Приобья IV–II вв. до н. э. не характерно использование треугольного штампа. Фактически можно говорить об его отсутствии в этот период. Такая же закономерность замечена Т. Н. Троицкой для первого и второго этапов новосибирского варианта кулайской культуры [Троицкая, 1973. С. 158; 1979. С. 44). В свою очередь употребление треугольного штампа в Нарымском Приобье является хоть и не доминирующей, но весьма характерной чертой васюганской керамики. По материалам раскопок Н. В. Торощиной Степановского III поселения (среднее течение р. Васюган), 10,3 % сосудов керамического комплекса были орнаментированы треугольным штампом. При этом использовался исключительно взаимопроникающий мотив. Поселение датируется Н. В. Торощиной V–IV вв. до н. э.

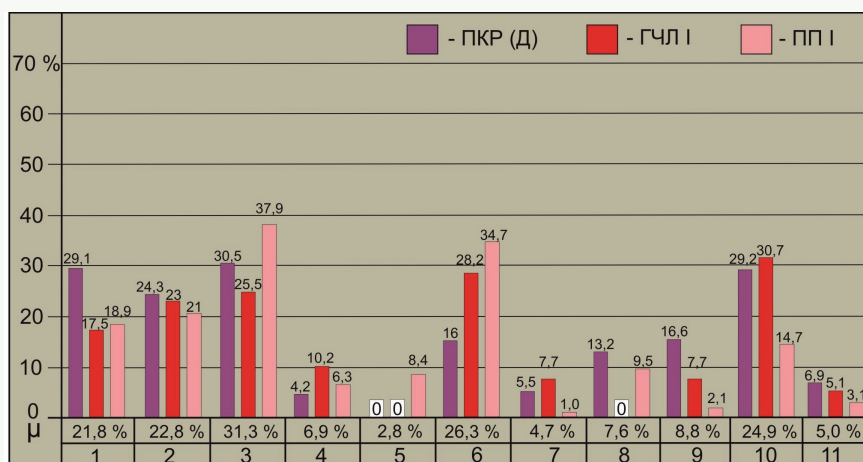

Рис. 6. Гистограмма частоты встречаемости основных орнаментальных мотивов на сосудах из памятников первого этапа (конец IV–II вв. до н. э.) в Томском Приобье:

1 – ряд жемчужника; 2 – ямочно-жемчужный пояс; 3 – ряд ямок; 4 – ряд сгруппированных ямок; 5 – ряд вертикально поставленного гребенчатого штампа; 6 – ряд наклоненного гребенчатого штампа; 7 – ряд вертикально поставленной лопатки; 8 – ряд наклонно поставленной лопатки; 9 – ряд наколов уголка лопатки; 10 – ряд гладкой уточки; 11 – ряд отступающей палочки или лопатки

Fig. 6. Histogram of the occurrence frequency of the main ornamental motifs on vessels from the sites of the first stage (end of the 4th – 2nd centuries BC) in the Tomsk Ob region
1 – a row of punched nodes; 2 – a belt of pits and punched nodes; 3 – a row of pits; 4 – a row of grouped pits; 5 – a row of vertically comb-impressed stamp; 6 – a row of inclined comb-impressed stamp; 7 – a row of vertically paddle stamp; 8 – a row of obliquely paddle stamp; 9 – a row of angle paddle stamp; 10 – a row of geometric motifs and ornithomorphic figures – “ducks”; 11 – a row of retreating stamp

[Торощина, 2012. С. 48]. Несколько меньшее соотношение – 4,7 % дает и керамический комплекс с городища Чонджа (среднее течение р. Кеть) [Рыбаков, 2016. С. 120]. Как и на Степановском III поселении здесь используется исключительно взаимопроникающий мотив из треугольного штампа. Предварительно городище датируется V–III вв. до н. э.

Значительная часть керамических сосудов кулайских памятников конца IV–II вв. до н. э. в Томском Приобье орнаментирована горизонтальными рядами штампа – гладкая уточка (рис. 2, Б, 14–16, 18–20). В среднем ее количество составляет 24,9 % (рис. 6, 10). Гребенчатая уточка встречается крайне редко и встречается лишь 1,4 % сосудов (рис. 2, Б, 17). Как правило, уточка сочетается с другими элементами орнамента – жемчужником, ямками, гладкой лопаткой, гребенчатым штампом, отступающей лопаткой или палочкой. Элементы, выпол-

ненные в отступающей технике нанесения, в основном встречаются лишь со штампом уточка (рис. 2, Б, 14–16, 18). Число таких сосудов незначительно и составляет 9,9 % (рис. 5, 5, 7). Сочетание штампа уточка с отступающей лопаткой и палочкой не характерны для керамики группы 5 по классификации Л. А. Чиндиной [Чиндина, 1984. С. 87–88]. В могильнике Каменный Мыс зафиксировано всего 3 сосуда, орнаментированных отступающей палочкой (4,3 % от общей выборки).

Одной из наименее малочисленных групп является керамика, орнаментированная антропоморфными и антропозооморфными изображениями (рис. 2, Б, 24–27). На данный момент можно говорить, что на территории Томского Приобья в конце IV–II вв. до н. э. известно 10 сосудов этой группы: 8 с поселения Кижирова II, 1 – с городища Рюзаково (Духовое), 1 – с Усть-Киндинского городища [Березовская, 2006. С. 96; Рыбаков, 2009. С. 63; Панкратова, Плетнева, 2012. С. 166–171]. В рамках кулайской культуры известно ещё два сосуда с зооморфными изображениями из Сургутского Приобья. Один найден на селище Барсова Гора III/10, другой на городище Барсова Гора II/6. Стилистика исполнения этих зооморфных изображений далека от томских [Челякин, 2008. Рис. 75, 1, 2]. Одно крайне схожее по стилистике антропоморфное изображение известно в материалах саргатского городища Богданово [Троицкая, Новиков, 2007. Рис. 28, 14]. Пока отсутствуют какие-либо данные о нахождении подобной керамики на территории Сургутского, Нарымского и Новосибирского Приобья, что дает основание предположить о ее локальном, ограниченном Томским Приобьем распространении.

Характерной чертой керамики Томского Приобья конца IV–II вв. до н. э. является ее меньшая орнаментальная насыщенность по сравнению с кулайской керамикой из Нарымского Приобья. В среднем число строк на одном сосуде составляет 3,7. К настоящему времени для Нарымского Приобья отсутствуют какие-либо опубликованные статистические данные на этот счет. Однако, судя по материалам Степановского III поселения, в среднем число строк на один сосуд составляет 7,4.

Значительное количество сплесков бронзы, фрагментов литья, а также тигельной керамики, обнаруженных на кулайских памятниках конца IV–II вв. до н. э. в Томском Приобье, свидетельствует о том, что металлообработка бронзы была широко распространена. В двух случаях выявлены производственные площадки с остатками медеплавильных горнов. Первая располагалась на внутренней площадке Киреевского III городища. С ней связаны семь литейных объектов

в виде открытых горнов-кострищ, которые содержали значительное количество находок, связанных с литейным производством: прокаленная дробленая керамика, пережженные мелкие кости. В кострищах и за их пределами обнаружены ошлаковки, целые и фрагментированные тигли, капли, сплески бронзы, каменные молоты, кувалды, наковальни [Чиндина, 2001. С. 197]. Вторая зафиксирована в ходе рекогносцировочных работ на городище Чердашный Лог I, где над искусственно засыпанными рвами городища в I тыс. до н. э. функционировал объект, связанный с металлообработкой бронзы [Ушакова, 2005. С. 21]. К сожалению, рекогносцировочный характер проведенных работ не позволяет получить представление о конструктивных особенностях выявленного объекта. Однако находки в его заполнении (фрагменты льячек, бронзовых сплесков, спекшейся глины, фрагменты культовой металлопластики), вне всякого сомнения, свидетельствуют о его связи с бронзолитейным производством.

Как показали экспериментальные работы, проведенные С. А. Терехиным, плавка бронзы могла проводиться в открытых горнах, оборудованных в жилищах. При отсутствии необходимости плавки металла горн мог служить очагом. Как считает С. А. Терехин, относительная простота процесса плавки позволяла заниматься отливкой медно-бронзовых изделий почти в каждом жилище в рамках замкнутого хозяйства, что свидетельствует об отсутствии в специализации литейного дела в раннекулайском обществе [Терехин, 1993. С. 33–34]. Это предположение подтверждается материалами раскопок. Так, в частично раскопанном Н. В. Березовской жилище № 5 Киндинского II городища располагалось два очага круглой и овальной форм, размерами 0,8 x 0,8 и 1,0 x 1,2 м, мощностью 0,2–0,28 м. Очаги состояли из верхнего спекшегося слоя темно-коричневой супеси, насыщенной пережженными костями и дробленой керамикой и нижнего слоя оранжевого прокала. При выборке заполнения жилища было обнаружено значительное количество находок, связанных с металлообработкой бронзы: фрагменты от 5 тиглей, литник втульчатого бронзового изделия, четыре сплеска и слиток бронзы [Березовская, 1994. С. 19–23].

Анализ культовой металлопластики показывает, что в Томском Приобье в конце IV–II вв. до н. э. получает распространение литье, выполненное в кулайском стиле (рис. 2, Б, 35–42). В его сюжетных отношениях отсутствует какой-либо синкретизм с культовым литьем, типичным для шеломокской культуры. Для манеры исполнения последнего был характерен скифо-сибирский звериный стиль [Плетнева, 2004; 2012]. В целом для культовой металлопластики Томского

Приобья конца IV–II вв. до н. э. не характерны простые зооморфные изображения, включающие в свой сюжет один образ животного. Отсутствуют изображения копытных, в том числе лосей. Последняя черта характерна также и для Сургутского Приобья [Чемякин, 2013. С. 140]. По мнению И. А. Дуракова, изображения лося являются специфической чертой кулайской культуры Нарымского Приобья [Дураков, 1995. С. 44–51]. Данная точка зрения поддержана и Ю. П. Чемякиным [Чемякин, 2010. С. 330]. В Томском Приобье основной массив находок состоит из сложных зооморфных и простых антропоморфных изображений.

Стилистические особенности культовой металлопластики отличаются от керамического материала, где наблюдается смешение технологических, морфологических и орнаментальных традиций с преобладанием кулайских черт. Традиционно считается, что в древности носителями гончарных традиций являлись женщины [Глушков, 1996. С. 118]. Учитывая, что в гончарном производстве и металлообработке отмечается явное половое разделение, можно предположить, что в ассимиляционные процессы со стороны шеломокцев было вовлечено прежде всего женское население.

Одна из важных особенностей кулайских памятников конца IV–II вв. до н. э. заключается в характере поселенческих комплексов. На сегодня отсутствуют факты, говорящие о том, что в Томском Приобье в систему поселенческих комплексов шеломокцев были включены городища. Поселения Кижирова II, Шеломок I, Шеломок II, Басандайка I, Самусь II, Лагерный сад, Нагорный Иштан, Каштаково, большая часть которых находится на высоких береговых террасах, не имеют следов фортификации [Плетнева, 1977. С. 7–28]. В то время как наиболее характерной чертой кулайских поселенческих комплексов является включение в их структуру городищ. В настоящее время можно говорить о 12 городищах, связанных с первоначальным кулайским освоением Томского Приобья (рис. 2, А, 1–5). Как правило, все они мысовые и защищены дуговидными и трапециевидными незамкнутыми системами фортификации. Топографическая приуроченность к мысовым участкам – характерная черта городищ в Нарымском Приобье, где одиннадцать относится к мысовым (одно из них расположено на мысовидном участке), два – террасным, одно расположено в глубине террасы [Борзунов, 1994. С. 325]. В Новосибирском Приобье кулайские городища III–II вв. до н. э. (Дубровинский Борок-2, Дубровинский Борок-4) – относятся к террасному типу. В дальнейшем эта фортификационная особенность, когда городища привязываются к террасам, в Новосибирском Приобье получает

развитие. В более позднее время здесь из шести кулайских городищ лишь одно является мысовым [Росляков, 1995. С. 73–79].

Поселения Томского Приобья конца IV–II вв. до н. э. отличаются значительными размерами. Оба этих фактора свидетельствуют о возможной военной конфронтации, имевшей место при освоении новых территорий кулайцами. В их структуре отмечены два типа западин: большие подпрямоугольные и малые подквадратные. Вызывает интерес факт существования в Томском Приобье парных кулайских городищ. Из двенадцати известных на сегодняшний день городищ, связанных с первоначальным кулайским освоением Томского Приобья, десять являются парными, т. е. находятся на расстоянии от 20 до 1500 м друг от друга.

Второй этап (I в. до н.э. – II в. н. э.). Отражает период дальнейшего генезиса кулайской культуры с учетом привнесенного шеломокского компонента, а также двух культурных импульсов: северного и южного. Судя по обобщенным статистическим данным двух памятников (городище Мурашка, поселение Мурашка IV), для сосудов этого периода, как и прежде, характерен прямой профиль венчика – 63,1 % с округлым (34,2 %) или горизонтальным срезом (21,2 %). Несколько уменьшается число сосудов со срезом, скошенным внутрь, – 29,1 %. На втором этапе несколько увеличивается число сосудов с профилем венчика, вогнутым внутрь, – 21,5 % и соответственно уменьшается с отогнутым наружу – 15,4 %. Особенностью керамических комплексов памятников I в. до н. э. – II в. н. э. является наличие некоторого числа (11,4 %) сосудов со скошенным внутрь венчиком и внутренним карнизиком. Для керамики кулайских памятников конца IV–II вв. до н. э. в Томском Приобье среднее число таких сосудов составляло 2 % (табл. 1, 2). Значительная часть сосудов остается плоскодонной. Сокращается число сосудов со следами заглаживания стенок зубчатым предметом.

Орнаментация сосудов I в. до н. э. – II в. н. э. в целом имеет те же черты, которые свойственны предыдущему периоду (рис. 3, Б, 1, 3–6, 8–11, 13–17). Это свидетельствует о ее генетической преемственности. Вместе с тем имеются и некоторые изменения. Они выражены в уменьшении числа сосудов, орнаментированных жемчужником, – 20,8 %, оттисков лопатки – 16 %, гладкой уточки – 15,2 %. Полностью исчезает отступающая техника орнаментации. Вместе с тем возрастает орнаментация ямками 68,4 %, гребенчатым штампом 52,2, протращенной гребенкой 6,2, гребенчатой уточкой 4,4 % (рис. 7). Появляются сосуды, орнаментированные треугольным 3,7 % и полуовальным 0,5 % штампом (рис. 3, Б, 12). Керамика группы с антропоморфными

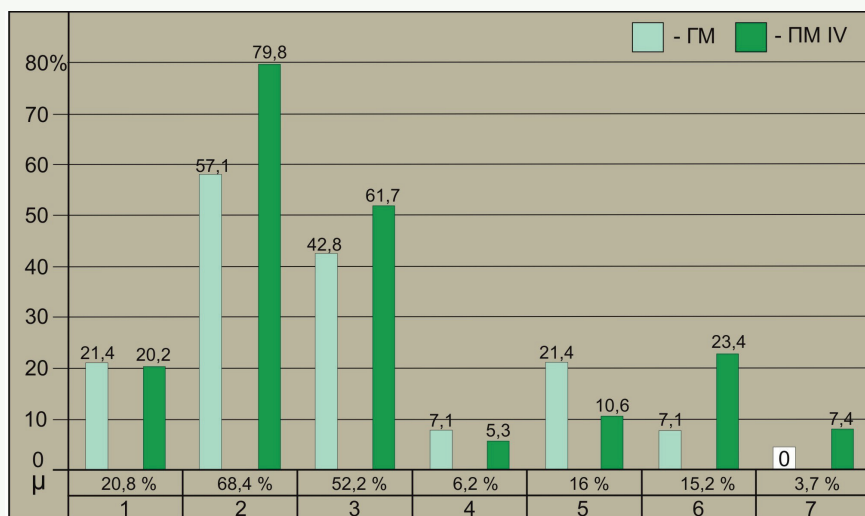

Рис. 7. Гистограмма частоты встречаемости основных элементов орнамента на сосудах из памятников второго этапа (I в. до н. э. – II в. н. э.) в Томском Приобье: 1 – жемчужник; 2 – ямки; 3 – гребенчатый штамп; 4 – протасенная гребенка; 5 – лопатка; 6 – гладкая уточка; 7 – треугольный штамп

Fig. 7. Histogram of the occurrence frequency of the main elements of the ornament on the vessels from the sites of the second stage (1st century BC – 2nd century AD) in the Tomsk Ob region:

1 – punched nodes; 2 – pits; 3 – comb-impressed stamp; 4 – dragged comb-impressed stamp; 5 – plain paddle; 6 – geometric motifs and ornithomorphic figures – “ducks”; 7 – triangle stamp.

изображениями фиксируется на городище Мурашка – 3,6 %, и поселение Мурашка IV – 1 % (рис. 3, Б, 18–20). В последнем случае схематизм изображения свидетельствует о затухании орнаментальной традиции использования антропоморфных изображений. Элементы орнамента образуют 14 основных орнаментальных мотивов (рис. 8). По сравнению с керамическим комплексом городища Мурашка частота встречаемости орнаментальных мотивов на керамике поселения Мурашка IV несколько отличается. В первую очередь обращает на себя внимание меньшее количество горизонтального ряда жемчужника на сосудах поселения Мурашка IV – 6,4 % (городище Мурашка – 21,4 %). В основном жемчужник используется в сочетании с ямками. Возрастает количество сосудов, орнаментированных рядом ямок, значительно увеличивается число сосудов, декорированных гребенчатым штампом (рис. 8, 5–8). Очевидно, что городище Мурашка функционировало несколько ранее поселения Мурашка IV.

Интересным является факт наличия в керамическом комплексе поселения Мурашка IV сосудов, орнаментированных треугольным 7,4 % (рис. 7, 7) и полуовальным 2,1 % штампами.

Уменьшение числа жемчужника, увеличение числа сосудов, орнаментированных ямками и гребенчатым штампом, является изменениями хронологического порядка. Наличие этих изменений в керамических комплексах Томского Приобья свидетельствует о том, что Томское Приобье находилось в рамках единого пространства, связанного с кулайской КИО. Вместе с тем имелось и некоторое своеобразие, причиной которого, как нам видится, стала приуроченность Томского Приобья к контактной лесостепной зоне. Так, судя по керамическому материалу памятников I в. до н. э. – II в. н. э., фиксируется два культурных импульса. Первый связан с территорией Нарымского Приобья, где в этот период проживало саровское население. Появление керамики со скошенным внутрь венчиком и внутренним карнизиком, орнаментированной ямками, гребенчатым штампом, протасенной гребенкой, гребенчатой уточкой, часто имеющую более насыщенную орнаментацию, достигающую иногда до 9–10 строк (рис. 3, Б, 2, 7), является надежным маркером этого импульса. Ее количество незначительно – в керамическом комплексе городища Мурашка составляет 14,2 %, поселении Мурашка IV 9,5 %. Очевидно, в данном случае можно говорить об инфильтрации отдельных незначительных групп саровцев на территорию Томского Приобья. Второй культурный импульс фиксируется на материалах поселения Мурашка IV, где появляется керамика, характерная для фоминских памятников, орнаментированная взаимопроникающими треугольниками и полуовалами (рис. 3, Б, 12). Очевидно, он происходит в конце второго этапа.

Анализ находок, имеющих отношение к металлообработке, позволяет сделать следующие выводы. На поселениях продолжают фиксироваться находки, связанные с металлообработкой бронзы. Это свидетельствует о том, что так же как и ранее она была широко распространена. Возможно, появляется некоторая специализация в этой отрасли производства. Об этом свидетельствует частично раскопанная литейная мастерская на поселении Тимирязево I [Плетнева, 1978. С. 53–54]. При этом отсутствуют какие-либо находки, связанные с железоделательным или кузнечным производством. Можно говорить о том, что черная металлургия в I в. до н. э. – II в. н. э. на территории Томского Приобья находилась на начальном этапе становления.

Несмотря на малочисленность находок культовой металлопластики I в. до н. э. – II в. н. э., в целом сохраняется преемственность сюжетной линии с предыдущим временем. Это выражается в отсутствии

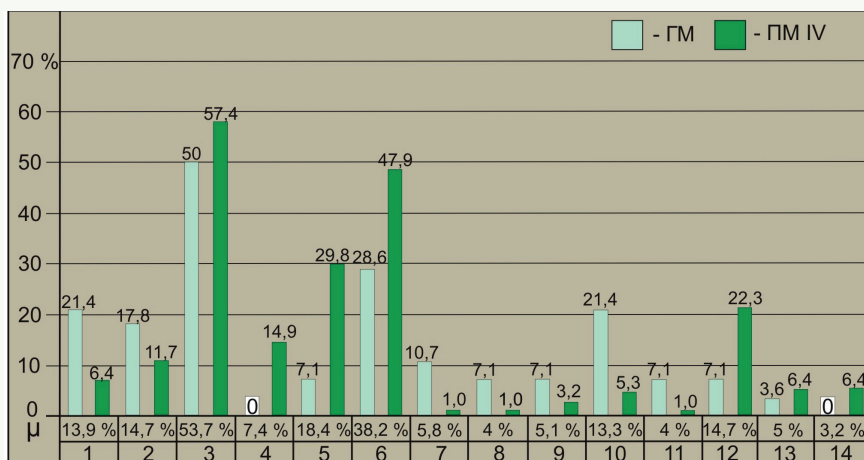

Рис. 8. Гистограмма частоты встречаемости основных орнаментальных мотивов на сосудах из памятников второго этапа (I в. до н. э. – II в. н. э.) в Томском Приобье:

1 – ряд жемчужника; 2 – ямочно-жемчужный пояс; 3 – ряд ямок; 4 – ряд сгруппированных ямок; 5 – ряд вертикально поставленного гребенчатого штампа; 6 – ряд наклоненного гребенчатого штампа; 7 – ряд «елочки» из оттисков гребенчатого штампа; 8 – ряд зигзага из оттисков гребенчатого штампа; 9 – ряд протасенной гребенки; 10 – ряд наклонно поставленной лопатки; 11 – ряд наколов уголка лопатки; 12 – ряд гладкой утки; 13 – ряд гребенчатой утки; 14 – ряд взаимопроникающего треугольного штампа

Fig. 8. Histogram of the occurrence frequency of the main ornamental motifs on the vessels from the sites of the second stage (1st century BC – 2nd century AD) in the Tomsk Ob region:

1 – a row of punched nodes; 2 – a belt of pits and punched nodes; 3 – a row of pits; 4 – a row of grouped pits; 5 – a row of vertically comb-impressed stamp; 6 – a row of inclined comb-impressed stamp; 7 – a row of “herringbone” comb-impressed stamp; 8 – a row of zigzag comb-impressed stamp; 9 – a row of dragged comb-impressed stamp; 10 – a row of obliquely paddle stamp; 11 – a row of angle paddle stamp; 12 – a row of geometric motifs and ornithomorphic figures – “ducks”; 13 – row of “ducks”-shape comb-impressed stamp; 14 – a row of interpenetrating triangle stamp

изображений лосей, незначительном количестве изображений хищников. Половину находок составляют орнитоморфные изображения (рис. 3, Б, 33–36). Продолжают изготавливать изделия, выполненные в технике полого литья. В то же время комплекс металлопластики второго этапа имеет два значительных отличия. Первое заключается в отсутствии антропоморфных изображений, второе в упрощении сюжетной композиции, когда на первое место выходит простой зооморфный образ. Сокращение количества изделий, очевидно, свидетельствует о постепенном затухании традиции изготовления культовой металлопластики.

Судя по планиграфии взаиморасположения городища Мурашка и поселения Мурашка V, так же как и ранее, поселение и городище составляют единый комплекс (рис. 3, А, 1). Продолжают встречаться длинные и подпрямоугольные западины. Однако появление в I в. до н. э. – II в. н. э. крупного поселения Мурашка IV (рис. 3, А, 2), в структуре которого отсутствуют какие-либо фортификационные сооружения, очевидно, свидетельствует о том, что в этот период на территории Томского Приобья происходит значительное ослабление военной напряженности. Похожая ситуация отмечена Т. Н. Троицкой в I в. до н. э. – I в. н. э. на материалах Новосибирского Приобья [Троицкая, 1979. С. 47].

Третий этап (III–IV вв. н. э.). Характеризуется кардинальными культурными изменениями, которые связаны с южной миграционной волной населения фоминской культуры. Судя по обобщенным статистическим данным двух памятников (поселение Аникино I, городище Тимирязево III), керамика этого периода характеризуется увеличением сосудов с вогнутым венчиком – 33,4 %. Особенно много закрытых сосудов в поселении Аникино I – 51,4 %. Вместе с тем значительное число сосудов, как и ранее, имеет прямой профиль венчика – 53,9 %. Отогнутый наружу венчик характерен для части керамического комплекса городища Тимирязево III – 22,7 %. Срез венчика, как правило, имеет округлую 41,6 % или скошенную внутрь 34,3 % форму. По сравнению с предыдущим этапом несколько уменьшается число сосудов с горизонтальным срезом венчика – 17,3 %. Число сосудов со скошенным внутрь срезом и внутренним карнизиком минимально и составляет 0,2 % (см. табл. 1, 2). Плоскодонных сосудов нет, все они имеют округлое дно. Исчезает заглаживание зубчатым предметом стенок сосудов, иногда используется лощение.

При орнаментации керамики широко используются различные виды фигурного штампа. Используются все известные до этого штампы, а также появляются новые: круглый, овальный, ромбовидный с рубчатым заполнением, шеврон (рис. 4, Б, 1–18). Значительно возрастает число сосудов, орнаментированных треугольным 15,9 % и полуовальным 5,5 % штампами (рис. 9, 6, 7). Общее число сосудов, декорированных уточкой, уменьшается до 15,2 % (рис. 9, 3, 4). Причем орнаментированных гребенчатой уточкой 8,7 % (рис. 4, Б, 8, 10–13) больше, чем сосудов, где для орнаментации использована гладкая уточка – 6,5 % (рис. 4, Б, 9, 17). В целом по сравнению с предыдущим этапам несколько сокращается число сосудов, орнаментированных ямками, – 60,5 % (рис. 9, 1). Происходит это из-за того, что ямки довольно часто не включаются в орнаментальную композицию сосудов

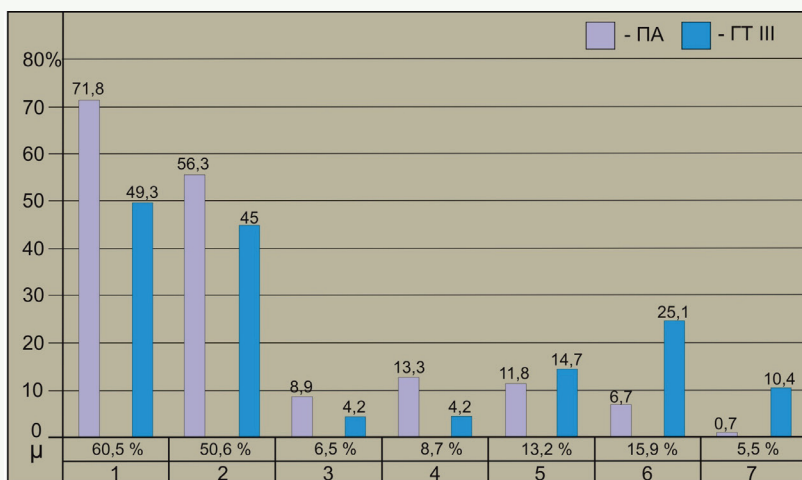

Рис. 9. Гистограмма частоты встречаемости основных элементов орнамента на сосудах из памятников третьего этапа (III–IV вв. н. э.) в Томском Приобье:

1 – ямки; 2 – гребенчатый штамп; 3 – гладкая уточка; 4 – гребенчатая уточка; 5 – печатная гребенка; 6 – треугольный штамп; 7 – полуovalный штамп

Fig. 9. Histogram of the occurrence frequency of the main elements of the ornament on vessels from the sites of the third stage (III–IV centuries AD) in the Tomsk Ob region: 1 – pits; 2 – comb-impressed stamp; 3 – geometric motifs and ornithomorphic figures – “ducks”; 4 – “ducks”-shape comb-impressed stamp; 5 – comb-impressed stamp; 6 – triangle stamp; 7 – semi-oval stamp

(рис. 4, Б, 9, 15, 18). Там, где они есть, их часто наносят поверх орнамента и практически всегда заглаживают с другой стороны. Это новая черта, не характерная для предыдущего времени. Гребенчатый штамп продолжает активно использоваться – 50,6 % (рис. 9, 2). В керамическом комплексе Тимирязево III полностью отсутствует орнаментация жемчужником, в поселении Аникино I его количество минимально – 0,7 %. Элементы орнамента образуют двенадцать основных мотивов (рис. 10).

Для III–IV вв. н. э. на фоминских материалах Верхнего Приобья Ю. В. Шириным была выделена отдельная фоминская культура [Ширин, 2003]. При этом Ю. В. Ширин рассматривает памятники фоминской культуры в рамках единой историко-культурной системы – позднекулайской общности первой половины I тыс. н. э. [Ширин, 2003. С. 135]. В целом керамика памятников Томского Приобья III–IV вв. н. э. очень близка фоминской (группа 9 по классификации Л. А. Чиндиной), но имеет и некоторые отличия. Так, в грунтовом могильнике Ближние Елбаны-VII большая часть сосудов имеет скошенный внутрь срез, а у 9,5 % имеется карнизик [Грязнов, 1956. Табл. XLVIII-LII; Тро-

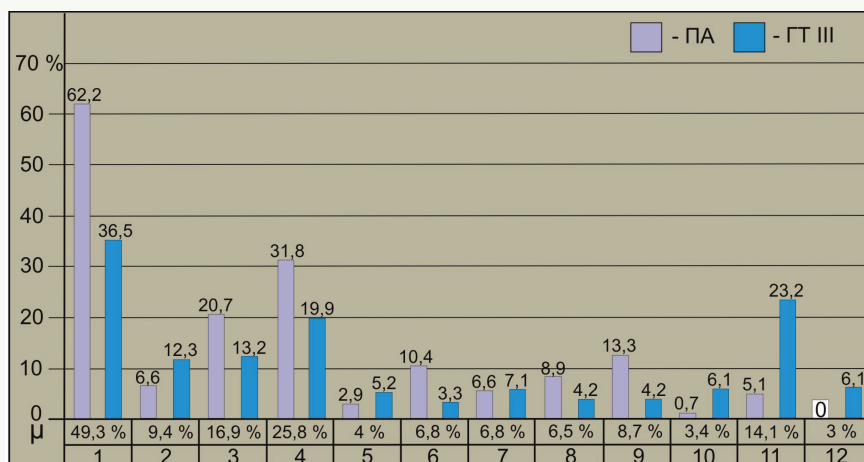

Рис. 10. Гистограмма частоты встречаемости основных орнаментальных мотивов на сосудах из памятников третьего этапа (III–IV вв. н. э.) в Томском Приобье:

1 – ряд ямок; 2 – ряд сгруппированных ямок; 3 – ряд вертикально поставленного гребенчатого штампа; 4 – ряд наклоненного гребенчатого штампа; 5 – ряд горизонтального гребенчатого штампа; 6 – ряд «елочки» из оттисков гребенчатого штампа; 7 – ряд наклонной печатной гребенки; 8 – ряд гладкой уточки; 9 – ряд гребенчатой уточки; 10 – ряд треугольного штампа вершиной вниз; 11 – ряд взаимопроникающего треугольного штампа

Fig. 10. Histogram of the occurrence frequency of the main ornamental motifs on vessels from the sites of the third stage (III–IV centuries AD) in the Tomsk Ob region:

1 – a row of pits; 2 – a row of grouped pits; 3 – a row of vertically comb-impressed stamp; 4 – a row of inclined comb-impressed stamp; 5 – a row of horizontally comb-impressed stamp; 6 – a row of “herringbone” comb-impressed stamp; 7 – a row of oblique comb-impressed stamp; 8 – a row of geometric motifs and ornithomorphic figures – “ducks”; 9 – a row of “ducks”-shape comb-impressed stamp; 10 – a row of inverted triangle stamp; 11 – a row of interpenetrating triangle stamp

ицкая, 1979. С. 41]. Похожие морфологические особенности отмечены и на поселении Ближние Елбаны-IV – большинство венчиков имеют скошенный внутрь срез, карнизники имеются на 8 % сосудов. Часть сосудов в Верхнем Приобье имеет уплощенное дно [Ширин, 1994. С. 4]. Некоторые сосуды заглажены изнутри зубчатым предметом [Грязнов, 1956. Табл. XLIX, 1-5; Троицкая, 1979. С. 43]. В Новосибирском Приобье из 30 сосудов городища Ивановка-4 у 2 (6,6 %) имеется карнизик [Троицкая, 1979. С. 38]. Для керамики III–IV вв. н. э. в Томском Приобье скошенный внутрь срез имеют 34,3 % венчиков, а внутренний карнизик присутствует лишь у 0,2 %. Есть и некоторые частные различия. В Барнаульском Приобье известен один сосуд на поддоне. Для Томского Приобья сосуды на поддонах характерны

для конца IV в. до н. э. – II в. н. э. В III–IV вв. н. э. они уже не встречаются. В то же время в материалах городища Тимирязево III имеется один ладьевидный сосуд и один сосуд с ушком. Различия касаются и орнаментации. Так, в Томском Приобье отсутствует искаженная уточка (Барнаульское Приобье – 6 %) и псевдоуточка, отсутствует орнаментальный мотив в виде вертикальной ленты. Для Томского Приобья характерно некоторое число сосудов, орнаментированное полуовальным штампом, в то время как в Барнаульском и Новосибирском Приобье этот элемент орнамента не получил распространения [Троицкая, 1979. С. 36–41; Ширин, 2003. С. 92]. В целом очевидно, что Томское, Новосибирское и Барнаульское Приобье имеют ряд локальных особенностей в морфологии и орнаментации керамики фоминского типа. В свое время это отличие на материалах Новосибирского и Барнаульского Приобья было отмечено Т. Н. Троицкой [Троицкая, 1979. С. 50]. При этих отличиях не вызывает сомнения однокультурность этой керамики.

Металлообработка на третьем этапе претерпевает значительные изменения. Это выражается в активном использовании изделий из железа. Находки шлаков на памятниках третьего этапа свидетельствует о развитии местного железоделательного производства. В то же время практически полное отсутствие тигельной керамики, сплесков бронзы, обломков литья дает основание говорить об упадке металлообработки бронзы.

Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что с III в. н. э. Томское Приобье оказывается прочно втянутым в сферу южного влияния. Данная точка зрения не вполне укладывается в концепцию Т. Н. Троицкой о территориальных рамках локальных групп кулайской культуры. Так, в первые века нашей эры, по ее мнению, Нарымское и Томское Приобье соотносятся с саровской группой, в то время как Новосибирское и Барнаульское – с фоминской [Троицкая, 1979. С. 47]. Новые данные позволяют говорить о том, что все Верхнее Приобье в III–IV вв. н. э. представляет собой территорию, где происходили схожие культурно-исторические процессы. Прежде всего это выражено в сходстве керамических комплексов. Анализ керамики поселений Томского Приобья конца IV в. до н. э. – II в. н. э. свидетельствует о том, что керамика фоминского типа не имеет местных генетических корней и попадает на территорию Томского Приобья в целом уже в сформировавшемся виде. Единственным возможным объяснением причины ее появления в Томском Приобье, на наш взгляд, является миграция фоминцев в III в. н. э. с территории Барнаульского и Новосибирского Приобья [Рыбаков, 2014. С. 345]. Этому

могло способствовать установление аномально теплого периода между 228–327 гг. н. э. [Наурзбаев, Сидорова, Ваганов, 2001. С. 22]. Однако на данный момент на территории Томского Приобья отсутствуют фоминские погребальные комплексы, что не дает возможности проведения сравнительного анализа по погребальным памятникам. Миграция фоминцев на территорию Томского Приобья, очевидно, носила относительно мирный характер и привела к тому, что кулайское население, проживавшее в Томском Приобье, было ассимилировано пришельцами. Этому процессу способствовала их общая культурная основа. Отсутствие городищ в структуре большинства поселений III–IV вв. н. э. (Шеломок III, Аникино I, Кайдаловка I) свидетельствует о том, что взаимодействие южных мигрантов и местного населения не носило характер военной конфронтации (рис. 4, А: 2).

Анализ археологических источников позволил сделать вывод о том, что Томское Приобье на протяжении с конца IV до н. э. по IV в. н. э. было подчинено эпохальным закономерностям, которые затронули все сферы жизнедеятельности общества. Особенности лесостепной контактной зоны, палеоклиматические изменения вносили значительные коррективы в культурное развитие региона. Учитывая хронологические особенности материалов кулайских памятников в Томском Приобье, период их бытования был разделен нами на этапы. Данная периодизация близка той, что была предложена Т. Н. Троицкой для Новосибирского варианта кулайской культуры [Троицкая, 1979]. Эта близость обусловлена, прежде всего, теми общими историко-культурными процессами, в которые были втянуты оба региона с началом миграционных процессов кулайского населения.

Выявленные культурно-исторические процессы в Томском Приобье позволяют говорить о том, что они происходили в едином культурном пространстве, связанном с кулайской КИО, с одной стороны, но имели различия локального уровня, с другой. Наличие последних позволяет говорить об отдельном томском варианте кулайской КИО.

Список литературы

Березовская Н. В. Киндинское II городище // Труды Томского государственного объединенного историко-архитектурного музея. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. Т. VII. С. 19–27.

Борзунов В. А. Городища второй половины раннего железного века. Лесная зона и северная часть лесостепи // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. I. Кн. 1. Поселения и жилища. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. С. 318–330.

Глушков И. Г. Керамика как археологический источник. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 1996. 328 с.

Грязнов М. П. История древнейших племен Верхней Оби // МИА. Вып. 48. М.; Л., 1956. 159 с.

Дураков И. А. Образ лося в культовом литье кулайской культуры // Традиции и инновации в истории культуры. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 1995. С. 44–51.

Наурзбаев М. М., Сидорова О. В., Ваганов Е. А. История климата позднего голоцена на востоке Таймыра по данным сверхдлинной древесно-кольцевой хронологии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2001. № 3 (7). С. 17–25.

Панкратова Л. В., Плетнева Л. М. Архитектоника антропозооморфных изображений на керамике Кижировского городища // Археолого-этнографические исследования Северной Евразии: от артефактов к прочтению прошлого. К 80-летию Светланы Вячеславовны Студзицкой и Михаила Федоровича Косарева. Томск: Аграф-Пресс, 2012. С. 166–187.

Плетнева Л. М. Керамика Томского Приобья эпохи раннего железа // ИИС. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1973. Вып. 7. С. 129–151.

Плетнева Л. М. О скифо-сибирском зверином стиле в Томском Приобье // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. Томск: Изд-во ТГПУ, 2004. Вып. 4 (41). С. 80–84.

Плетнева Л. М. Памятники кулайского типа в Томском Приобье // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири: Материалы совещания 25–31 мая 1970 г. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1970. С. 164–171.

Плетнева Л. М. Поселение Шеломок 2 // Труды Музея археологии и этнографии Сибири им. В. М. Флоринского Томского государственного университета. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. Т. 1. С. 57–66.

Плетнева Л. М. Предметы скифо-сибирского звериного стиля из Томского Приобья. Томск: Изд-во ТГПУ, 2012. 190 с.

Плетнёва Л. М. Томское Приобье в конце VIII–III вв. до н.э. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1977. 142 с.

Плетнева Л. М. Томское Приобье в кулайское время // Ранний железный век Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1978. С. 51–58.

Росляков С. Г. Укрепленные поселения кулайской культуры в Новосибирском Приобье // Археология вчера, сегодня, завтра: Межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 1995. С. 71–83.

Рыбаков Д. Ю. Взаимосвязь миграционных процессов и климатических изменений в раннем железном веке (на материалах Томского

Приобья) // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. IV. Казань. 2014. С. 365–369.

Рыбаков Д. Ю. Городище Чонджа – памятник кулайской культурно-исторической общности в Прикетье // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. Томск, 2016. № 3 (13). С. 112–121.

Рыбаков Д. Ю. Комплексные исследования городища Рюзаково (Духовое) // Проблемы археологии и истории Северной Евразии: Сборник, посвященный юбилею Л. А. Чиндиной. Томск: Аграф-пресс, 2009. С. 57–67.

Рыбаков Д. Ю., Степанова Н. Ф. Результаты технико-технологического анализа кулайской керамики поселенческого комплекса Рюзаково (Духовое) // Вестн. Том. гос. ун-та. История. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2013. № 2 (22). С. 86–90.

Терехин С. А. Экспериментальные работы в области цветной металлообработки кулайцев // Археологические исследования в Среднем Приобье. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1993. С. 26–34.

Торощина Н. В. Отчет об археологических раскопках на объекте археологического наследия регионального значения Степановское поселение III, в Каргасокском районе Томской области в 2010 г., Томск, 2012. 53 с. // Архив МБУ «Музей г. Северска», б/н.

Троицкая Т. Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: Наука, 1979. 122 с.

Троицкая Т. Н. О культурной принадлежности могильника Каменный Мыс // ИИС. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1973. Вып. 7. С. 152–160.

Троицкая Т. Н., Бородовский А. П. Большереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск: Наука, 1994. 184 с.

Троицкая Т. Н., Новиков А. В. Скифо-сибирский мир. Новосибирск: Гео, 2007. 123 с.

Ушакова И. В. Отчет об археологических исследованиях в Томском районе Томской области (между д. Козюлино и д. Нагорный Иштан, на городище Чердашный Лог – 1) в 2005 г. Северск. 2008. 60 с. // Архив МБУ «Музей г. Северска», б/н.

Чемакин Ю. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. Сургут; Омск: ОАО «Омский дом печати», 2008. 224 с.

Чемакин Ю. П. Культовая металлопластика сургутского варианта кулайской культуры // Вестн. Том. гос. ун-та. История. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2013. № 2 (22). С. 137–141.

Чемякин Ю. П. Образ лося в кулайской пластике // Культура как система в историческом контексте: Опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний: Материалы XV Междунар. Зап.-Сиб. археол.-этногр. конф. Томск, 2010. С. 327–330.

Чиндина Л. А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа (кулайская культура). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. 255 с.

Чиндина Л. А. Культурные особенности среднеобской керамики эпохи железа // ИИС. Вып. 7. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1973. С. 161–174.

Чиндина Л. А. О двух сакральных символах в кулайском бронзолитейном производстве // Евразия сквозь века: Сб. науч. тр., посв. 60-летию со дня рождения Дмитрия Глебовича Савинова. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2001. С. 197–199.

Чиндина Л. А. Саровское городище // Вопросы археологии и этнографии Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1978. С. 51–80.

Ширин Ю. В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тысячелетия н. э. (погребальные памятники фоминской культуры). Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2003. 288 с.

Ширин Ю. В. Источники по погребально-поминальной обрядности позднекулайской общности на юге Западной Сибири: Автореф. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Кемерово, 1994. 19 с.

References

Berezovskaya N. V. Kindinskoe II gorodishche. In: Trudy Tomskogo gosudarstvennogo ob"edinennogo istoriko-arkhitekturnogo muzeya. Tomsk: TSU Publ., 1994, Vol. VII, pp. 19–27. (In Russ.)

Borzunov V. A. Gorodishcha второй половины раннего железного века. Лесная зона и северная часть лесостепи. In: Ocherki kul'turogeneza narodov Zapadnoi Sibiri, Vol. I. Iss. 1, Poseleniya i zhilishcha, Tomsk. TSU Publ., 1994, pp. 318–330. (In Russ.)

Glushkov I. G. Keramika kak arkheologicheskii istochnik. Novosibirsk: IAE SB RAS Publ., 1996, 328 p. (In Russ.)

Gryaznov M. P. Istoriya drevneishikh plemen Verkhnei Obi. MIA, Vol. 48, Moscow – Leningrad, 1956, 159 p. (In Russ.)

Durakov I. A. Образ лося в культовом лицевом кулайской культуры. In: Traditsii i innovatsii v istorii kul'tury, Novosibirsk: NSPU Publ., 1995, pp. 44–51. (In Russ.)

Naurzbaev M. M., Sidorova O. V., Vaganov E. A. Istoriya klimata pozdnego golotsena na vostoке Taimyra po dannym sverkhdlinnoi

drevesno-kol'tsevoi khronologii. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 2001, No 3 (7), pp. 17–25. (In Russ.)

Pankratova L. V., Pletneva L. M. Arkhitektonika antropo-zoomorfnykh izobrazhenii na keramike Kizhirovskogo gorodishcha. In: *Arkheologo-etnograficheskie issledovaniya Severnoi Evrazii: ot artefaktov k prochteniyu proshlogo*, K 80-letiyu Svetlany Vyacheslavovny Studzitskoi i Mikhaila Fedorovicha Kosareva, Tomsk: «Agraf-Press», 2012, pp. 166–187. (In Russ.)

Pletneva L. M. Keramika Tomskogo Priob'ya epokhi rannego zheleza. *IIS*, Tomsk: TSU Publ., 1973. Iss. 7, pp. 129–151. (In Russ.)

Pletneva L. M. O skifo-sibirskom zverinom stile v Tomskom Priob'e. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, Tomsk: TSPU Publ., 2004, Vol. 4 (41), pp. 80–84. (In Russ.)

Pletneva L. M. Pamyatniki kulaiskogo tipa v Tomskom Priob'e. In: *Problemy khronologii i kul'turnoi prinadlezhnosti arkheologicheskikh pamyatnikov Zapadnoi Sibiri. Materialy soveshchaniya 25–31 maya 1970 g.* Tomsk: TSU Publ., 1970, pp. 164–171. (In Russ.)

Pletneva L. M. Poselenie Shelomok 2. In: *Trudy Muzeya arkheologii i etnografii Sibiri im. V. M. Florinskogo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. Tomsk: TSU Publ., 2002, Vol. 1, pp. 57–66. (In Russ.)

Pletneva L. M. Predmety skifo-sibirskogo zverinogo stilya iz Tomskogo Priob'ya. Tomsk: TSPU Publ., 2012, 190 p. (In Russ.)

Pletneva L. M. Tomskoe Priob'e v kontse VIII–III vv. do n.e. Tomsk: TSU Publ., 1977, 142 p. (In Russ.)

Pletneva L. M. Tomskoe Priob'e v kulaiskoe vremya. Rannii zheleznyi vek Zapadnoi Sibiri. Tomsk: TSU Publ., 1978, pp. 51–58. (In Russ.)

Roslyakov S. G. Ukreplennye poseleniya kulaiskoi kul'tury v Novosibirskom Priob'e, In: *Arkheologiya vchera, segodnya, zavtra: Mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov*. Novosibirsk: Izd-vo NGPU. 1995. S. 71–83. (In Russ.)

Rybakov D. Yu. Vzaimosvyaz' migratsionnykh protsessov i klimaticheskikh izmenenii v rannem zheleznom veke (na materialakh Tomskogo Priob'ya). In: *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Kazani*, Vol. IV, Kazan', 2014, pp. 365–369. (In Russ.)

Rybakov D. Y. Hillfort Chondzha – Settlement Kulaika as Cultural-Historical Community in the Ket Region. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. Tomsk, 2016, No 3 (13), pp. 112–121. (In Russ.)

Rybakov D. Yu. Kompleksnye issledovaniya gorodishcha Ryuzakovo (Dukhovoe). In: *Problemy arkheologii i istorii Severnoi Evrazii: Sbornik, posvyashchenniy yubileyu L. A. Chindinoi*. Tomsk. Agraf-press, 2009, pp. 57–67. (In Russ.)

Rybakov D. Yu., Stepanova N. F. Rezul'taty tekhniko-tekhnologicheskogo analiza kulaiskoi keramiki poselencheskogo kompleksa Ryuzakovo (Dukhovoe). *Tomsk State University Journal of History*. Tomsk: TSU Publ., 2013, No 2 (22), pp. 86–90. (In Russ.)

Terekhin S. A. Eksperimental'nye raboty v oblasti tsvetnoi metalloobrabotki kulaitsev. In: *Arkheologicheskie issledovaniya v Srednem Priob'e*. Tomsk: TSU Publ., 1993, pp. 26–34. (In Russ.)

Toroshchina N. V. Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh na ob"ekte arkheologicheskogo naslediya regional'nogo znacheniya Stepanovskoe poselenie III, v Kargasokskom raione Tomskoi oblasti v 2010 g., Tomsk, 2012. 53 p. In: *Arkhib MBU «Muzei g. Severska»*, without number. (In Russ.)

Troitskaya T. N. Kulaiskaya kul'tura v Novosibirskom Priob'e. Novosibirsk: Nauka Publ., 1979, 122 p. (In Russ.)

Troitskaya T. N. O kul'turnoi prinadlezhnosti mogil'nika Kamennyi Mys. *IIS*. Tomsk: TSU Publ., 1973, Vol. 7, pp. 152–160. (In Russ.)

Troitskaya T. N., Borodovskii A. P. Bol'sherechenskaya kul'tura lesostepnogo Priob'ya. Novosibirsk: Nauka Publ., 1994, 184 p. (In Russ.)

Troitskaya T. N., Novikov A. V. Skifo-sibirskii mir. Novosibirsk: «Geo» Academic Publ., 2007, 123 p. (In Russ.)

Ushakova I. V. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh v Tomskom raione Tomskoi oblasti (mezhdud. Kozyulino i d. Nagornyi Ishtan, na gorodishche Cherdashnyi Log – 1) v 2005 g. Seversk. 2008. 60 p. In: *Arkhib MBU «Muzei g. Severska»*, without number. (In Russ.)

Chemyakin Yu. P. Barsova Gora: ocherki arkheologii Surgutskogo Priob'ya. In: *Drevnost'. Surgut-Omsk: OAO «Omskii dom pečhati»*, 2008, 224 p. (In Russ.)

Chemyakin Yu. P. Kul'tovaya metalloplastika surgutskogo varianta kulaiskoi kul'tury. *Tomsk State University Journal of History*. Tomsk: TSU Publ., 2013, No 2 (22), pp. 137–141. (In Russ.)

Chemyakin Yu. P. Obraz losya v kulaiskoi plastike. Kul'tura kak sistema v istoricheskom kontekste: Opyt Zapadno-Sibirskikh arkheologo-etnograficheskikh soveshchani. In: *Materialy XV Mezhdunarodnoi Zapadno-Sibirskoi arkheologo-etnograficheskoi konferentsii*, Tomsk, 2010, pp. 327–330. (In Russ.)

Chindina L. A. Drevnyaya istoriya Srednego Priob'ya v epokhu zheleza (kulaiskaya kul'tura). Tomsk: TSU Publ., 1984, 255 p. (In Russ.)

Chindina L. A. Kul'turnye osobennosti sredneobskoi keramiki epokhi zheleza. *IIS*. Vol. 7. Tomsk: TSU Publ., 1973, pp. 161–174. (In Russ.)

Chindina L. A. O dvukh sakral'nykh simvolakh v kulaiskom bronzoliteinom proizvodstve. In: *Evraziya skvoz' veka. Sbornik nauchnykh*

trudov, posvyashchennykh 60-letiyu so dnya rozhdeniya Dmitriya Glebovicha Savinova. Saint Petersburg: SPbSU Publ., 2001, pp. 197–199. (In Russ.)

Chindina L. A. Sarovskoe gorodishche. In: Voprosy arkheologii i etnografii Sibiri. Tomsk: TSU Publ., 1978, pp. 51–80. (In Russ.)

Shirin Yu. V. Verkhe Priob'e i predgor'ya Kuznetskogo Alatau v nachale I tysyacheletiya n.e. (pogrebal'nye pamyatniki fominskoj kul'tury). Novokuznetsk: «Kuznetskaya krepost'» Publ., 2003, 288 p. (In Russ.)

Shirin Yu. V. Istochniki po pogrebal'no-pominal'noi obryadnosti pozdnekulaiskoj obshchnosti na yuge Zapadnoj Sibiri: avtoreferat na soiskanie uchenoi stepeni kandidata istoricheskikh nauk: 07.00.06. Kemerovo, 1994, 19 p. (In Russ.)

Материал поступил в редакцию
Received
26.11.2019

Таблица 1

Сравнительная характеристика сосудов по профилю венчика

Памятник	Профиль венчика, %		
	Вогнут внутрь	Прямой	Отогнут наружу
1 этап			
ПКР(Д)	11,8	54,2	34
ГЧЛ I	12,8	76,9	10,3
ПП I	26,3	56,8	16,9
2 этап			
ГМ	26	56	18
ПМ IV	17	70,3	12,7
3 этап			
ПА I	51,4	45,9	2,7
ГТ III	15,3	62	22,7
Усредненные значения по этапам			
1 этап	17	62,6	20,4
2 этап	21,5	63,1	15,4
3 этап	33,4	53,9	12,7

Таблица 2

Сравнительная характеристика сосудов по срезу венчика

Памятник	Форма среза венчика, %					
	1	2	3	4	5	6
1 этап						
ПКР(Д)	3,5	31,9	2,8	27,8	31,3	2,8
ГЧЛ I	2,6	33,3	—	25,6	35,9	2,6
ПП I	6,3	22,1	3,2	42,1	25,3	1,0
2 этап						
ГМ	—	33,3	11,1	29,6	22,2	3,7
ПМ IV	4,5	35,1	11,7	28,7	20,2	—
3 этап						
ПА I	0,7	41,5	—	37,8	20	—
ГТ III	10,4	41,7	0,4	30,8	14,7	1,9
Усредненные значения по этапам						
1 этап	4,1	29,1	2,0	31,8	30,8	2,1
2 этап	2,2	34,2	11,4	29,1	21,2	1,8
3 этап	5,5	41,6	0,2	34,3	17,3	0,9

1 – приостренный; 2 – округлый; 3 – скошенный внутрь с карнизиком; 4 – скошенный внутрь; 5 – горизонтальный; 6 – скошенный наружу

Информация об авторе / About the author

Рыбаков Дмитрий Юрьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории археологических и этнографических исследований Западной Сибири, Томский государственный университет (пр. Ленина, 36, Томск, 634050, Россия)

Rybakov Dmitry Yu., Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Laboratory of Archaeological and Ethnographic Research of Western Siberia, Tomsk State University (36 Lenin Ave., Tomsk 634050, Russia)

+7-952-881-28-83

dima0183@yandex.ru.

Фоторепортаж

Ойратский доспех — уникальная предметная историко-культурная реконструкция в Новосибирском государственном университете

Борисенко А.Ю.

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

На протяжении двадцати лет на базе Новосибирского государственного университета реализуется проект «С сибирским воином через века». В этом году был представлен результат работы за последние полтора года. Это доспех знатного ойратского воина XVII – первой половины XVIII вв., и одна из самых точных и, по мнению самих авторов проекта, успешных комплексных реконструкций, выполненных в рамках проекта. Элементы доспеха восстанавливались буквально по крупицам – по письменным и изобразительным источникам, а также использовались и реальные вещи, сохранившиеся в музеях и частных коллекциях России, Казахстана, Китая, США.

Помимо собственно предметной реконструкции, были установлены некоторые чисто научные факты. Так, Л.А. Бобров предполагает, что форма шлема, входящего в состав доспеха, была сознательно выполнена мастером в форме субургана – буддийской ступы, а совместно с коллегами из оружейной палаты им было восстановлено изображение триратны с этого боевого наголовья. (Рис. 1.) Все это должно было охранять владельца шлема не только от реальных врагов, но и злых духов.

Пластинчато-нашивной доспех – куяк – имеет бронированную подкладку из пластин различной формы. В наружной стороны доспех укреплен металлическими пластинами в виде буддийского символа «ма», со спины по центру – пластинами в виде чинтамани – пламенеющей жемчужины. (Рис. 2).

Доспех включает 8 роговых пороховниц. (Рис. 3)

Среди предметов вооружения, которыми пользовались джунгарские воины, были ружья. В реконструкции входит образец подобного ружья с замком сибирского типа и сошками. (Рис. 4, 5).

Кроме того, в комплекс вооружения входила пика-джида и сабля. При изготовлении сабли образцом послужила сабля из Цаган-огуй, которая, вероятно, была получена воином в качестве трофея (Рис. 6).

Более подробно о научно-исторической предметной реконструкции комплекса вооружения знатного ойратского воина и ее авторах можно узнать https://www.youtube.com/watch?v=ZhLuRxEDmWA&feature=emb_logo

(Рис. 7, 8).

Рис. 1. Ойратский шлем с триратной
Fig. 1. Oirat helmet with trirate

Рис. 2. Металлические пластины в виде буддийского символа «чинтамани»
Fig. 2. Metal plates in the form of the Buddhist symbol "Chintamani"

©Реконструкция: Леонид Бобров
и Юрий Филипович
©Фотограф: Борисенко Сергей

Рис. 3. Роговые пороховницы
Fig. 3. Horny powder flasks

©Реконструкция: Леонид Бобров
и Юрий Филипович
©Фотограф: Борисенко Сергей

Рис. 4. Ружье с сошками
Fig. 4. Shotgun with bipod

©Реконструкция: Леонид Бобров
и Юрий Филипович
©Фотограф: Борисенко Сергей

Рис. 5. Ружье с сошками
Fig. 5. Shotgun with bipod

©Реконструкция: Леонид Бобров
и Юрий Филипович
©Фотограф: Борисенко Сергей

Рис. 6. Сабля из комплекса вооружения восстановленного доспеха
Fig. 6. Saber from the set of weapons of the restored armor

Рис. 7. Натурные съемки в доспехе знатного ойратского воина
Fig. 7. Shooting from location in the armor of a noble Oirat warrior

Рис. 8. Натурные съемки в доспехе знатного ойратского воина
Fig. 8. Shooting from location in the armor of a noble Oirat warrior

Информация об авторе / About the author

Борисенко Алиса Юльевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории гуманитарных исследований, Новосибирский государственный университет (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия).

Alisa Yu. Borisenko, PhD in History, Senior Researcher of Laboratory for humanities, Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation).

aborisenko2@mail.ru

ORCID 0000-0001-9558-5678

In Memoriam

In Memoriam

№ 2 2020 Научный журнал

Universum Humanitarium

**Алексей Павлович Окладников.
Эссе об учителе**

Ж. Таймагамбетов

*Национальный музей Республики Казахстан
Нур-Султан, Казахстан*

Alexey Pavlovich Okladnikov. Essay On Teacher

Z. Taimagambetov

*National Museum of the Republic of Kazakhstan
Nur-Sultan, Kazakhstan*

В феврале 2020 года исполнилось 40 лет, как я впервые переступил порог Института истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР (ныне – самостоятельный Институт археологии и Этнографии СО РАН). 40 лет назад произошла моя встреча с крупнейшим ученым, легендой археологии, этнографии и истории народов Сибири, Северной, Центральной и Восточной Азии, Героем Социалистического Труда, Алексеем Павловичем Окладниковым. Наше общение длилось чуть больше года, но надолго оставил яркий след в моей жизни.

Уже 39 лет прошло, как мой учитель ушел навсегда. Ушел в вечную экспедицию...

Я пришел в археологию случайно. На 1 курсе учебы в вузе преподаватель курса «Основы археологии» доцент А.М. Оразбаев в «наказание» за несвоевременную сдачу контрольной работы дал мне тему курсовой работы «Палеолит Казахстана». После занятий я вечерами засиживался в библиотеке, пытаюсь найти необходимую литературу. Меня так увлекла проблема палеолита, что в 1979 году я защитил дипломную работу «Палеолит Казахстана» на «отлично» и комиссией вуза был направлен на работу в отдел первобытной археологии Института истории, археологии и этнографии АН КазССР.

Проработав два месяца в Институте в должности старшего лаборанта, я получил письмо из Новосибирска, от самого Алексея Павловича Окладникова с предложением приехать к нему на трехгодичную стажировку. 6 февраля 1980 года я приехал в Академгородок.

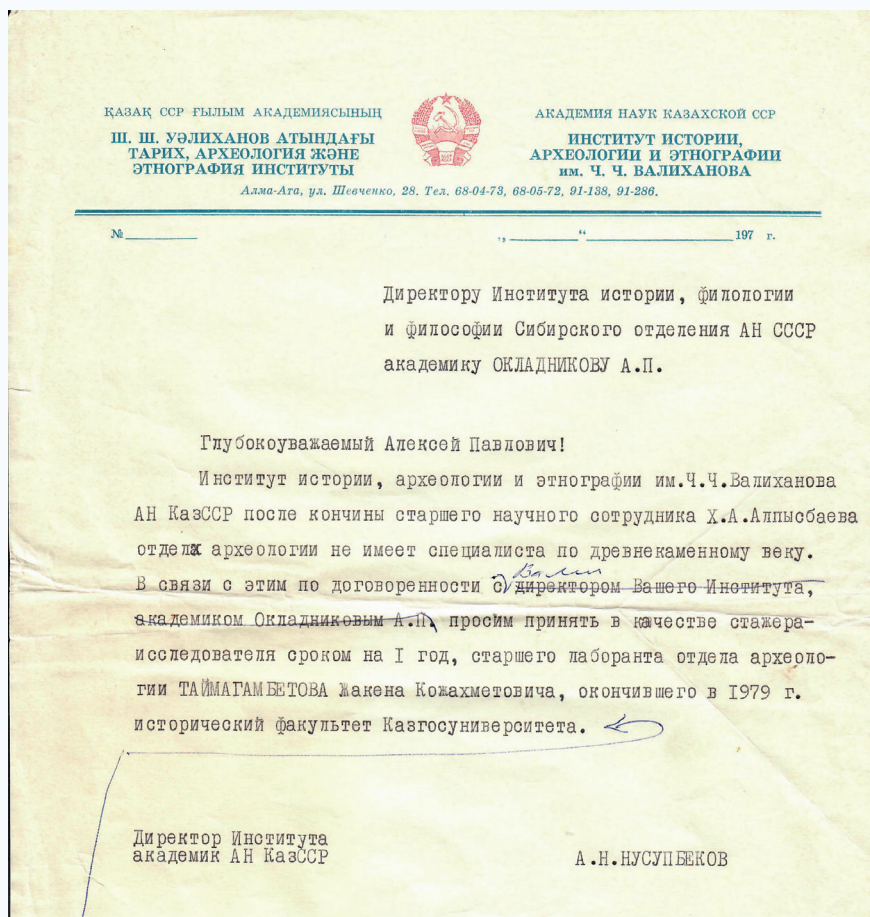

Рис. 1. 1979 г. Письмо Нусупбекова А. Н. Окладникову А. П.

Fig. 1. 1979 Letter of A. N. Nusupbekov to A. P. Okladnikov

Была солнечная погода, горы снега и сильный мороз. В Институте на втором этаже в здании Президиума АН СО АН СССР мне сказали, что Алексей Павлович в отъезде и будет чуть позже. Поскольку я никого не знал, то пошел в сквер через дорогу, что напротив главного входа в здание Президиума и сел на лавочку. Наконец появилась машина, из которой, к моему счастью, вышли двое – человек с тростью и сопровождающий его богатырь с большой бородой. Я быстро поднялся и побежал к зданию.

И вот я в приемной директора, где ждут аудиенции несколько человек. Я в смятении, вдруг Алексей Павлович откажется принять меня на стажировку? А что, если... И вот я зашел в кабинет и увидел

Рис. 2. 1980 г. Состав Северо-Азиатской археологической экспедиции.
В центре Окладников А. П.

Fig. 2. 1980 The North Asian archaeological expedition.
Okladnikov A.P. is in the center

за столом Алексея Павловича с ручкой, увлеченно склонившего голову над бумагами и делающего пометки. С порога, по-военному, я отчеканил: «Здравствуйте, Алексей Павлович! Таймагамбетов Жакен из Алма-Аты прибыл в Ваше распоряжение...». Он удивленно посмотрел на меня и, несмотря на занятость, возраст и занимаемую должность, встал с улыбкой из-за стола, подошел и крепко, по-отечески, обнял меня. «С приездом, я ждал Вас, присаживайтесь. Как добрались, рассказывайте..., где остановились и т.д.». Сразу улетучились все мои сомнения. Я запомнил его добрую и мягкую улыбку, уставший, любознательный взгляд.

Не злоупотребляя его расположением ко мне, коротко рассказал о себе, семье. Даже осмелился напомнить ему, что в приемной его ждут люди, а мне надо идти, пока светло и искать ночлег. Тогда он вызвал своего заместителя по общим вопросам, Барина Вадима Ивановича, и распорядился, чтобы меня на некоторое время разместили в гостинице «Золотая долина». Прощаясь, сказал: «Отдохните, а завтра, после обеда приходите, поговорим о работе». Вот и все его

слова при первой встрече, а сколько было в нем обнадеживающего и значимого для меня!

Так началась моя сибирская эпопея, длящаяся уже 40 лет. И я очень дорожу этой дружбой.

На следующее утро, в назначенное время я был у Алексея Павловича. Он представил меня двум молодым сотрудникам, Валерию Трофимовичу Петрину и Юрию Павловичу Холюшкину. «Берите его к себе в команду, покажите коллекции камней, подсказывайте и работайте вместе» – сказал Алексей Павлович на ходу, куда-то торопясь. Я с новоявленными коллегами поднялся на чердак, где находились и хранились многочисленные археологические коллекции в коробках разных размеров. Там же я познакомился с археологами Ю. Гричаном, Д. Березиным, С. Глинским, В. Буриловым, которые сидели между стеллажами с коробками и что-то горячо обсуждали.

Валерий Трофимович показывал мне коллекции каменных изделий с палеолитических стоянок Алтая и Сибири, давая им краткую характеристику, объяснил термины и назначение артефактов. Я помогал мыть находки, шифровать и рисовать камни, а заодно знакомился с коллекциями и публикациями по палеолиту.

С Алексеем Павловичем встречались, когда он вызывал к себе Валерию Трофимовича по работе, иногда и меня вместе с ним. Он интересовался, коллекции каких памятников я успел посмотреть, что я читаю и т.д.

Так проходили дни. Круг моего знакомства с археологами расширялся. Ранней весной 1980 года, в академгородке проходила этнографическая выставка «Искусство Океании», организованная художником, этническим русским из Франции Мишутушкиным Н.Н. Пока ждали высокопоставленных лиц из Москвы, Президиума СО АН СССР и Новосибирского обкома партии, Алексей Павлович рассказал мне и Руслану Сергеевичу Васильевскому, что когда Мишутушкин Н. Н. проходил службу в Новой Каледонии, то собирал этнографические экспонаты, а после заинтересовался искусством коренных народов Океании. Так и появилась в Академгородке эта выставка.

Так пролетели 3 месяца моей «научной стажировки». С Алексеем Павловичем виделись редко, он постоянно был в разъездах. Я часто общался с помощником Алексея Павловича, Александром Кирилловичем Конопацким, который по-дружески относился ко мне, и всячески поддерживал советами.

Однажды Алексей Павлович позвал меня к себе домой, в коттедж на Золото долинской. Когда я подошел в назначенное время, он сидел на стульчике у крыльца. После недолгого разговора, провел меня

в комнату и познакомил со своей супругой, Верой Дмитриевной Запорожской. За чаем Алексей Павлович предложил мне после майских праздников поехать с ним в Горный Алтай и принять участие в Северо-Азиатской археологической экспедиции. Я с удовольствием принял его предложение. Временами нас прерывали телефонные звонки, его искали, он был кому-то нужен. Даже дома не было покоя. По телефону кому-то давал распоряжения, с кем-то обсуждал план на ближайшее время, кого-то просил обратиться к заместителю и т.д. Он был постоянно в работе и в движении. Освободившись от очередного разговора, Алексей Павлович проводил меня в библиотеку, где на металлических стеллажах в несколько рядов находилось очень много книг, чтобы я посмотрел и подобрал специальную литературу для чтения. На прощание он подарил мне стопку книг по палеолиту и красивую японскую вазу, украшенную перламутрами. Поблагодарив за подарок, окрыленный возможностью поехать с ним в экспедицию, я пошел в общежитие.

Наступило 14 мая 1980 года. Мой первый выезд в экспедицию, с масштабно-интригующим названием «Северо-Азиатская археологическая экспедиция». Ранним утром мы выехали на Алтай, а по пути заехали в Барнаул, где нас встретил археолог Юрий Федорович Кирюшин. Пообщавшись, мы двинулись к месту назначения. Мне было интересно все: горы, тайга, высокие деревья, сосны, ели, пихта, обилие рек и ручьев – все это отсутствовало у нас, в степи, где я родился.

На следующий день мы прибыли к месту назначения. Разбили лагерь и приступили к раскопкам палеолитической стоянки Кара-Тенеш, которая находилась в Шебалинском районе. В день прибытия к Алексею Павловичу приехали местные руководители и в знак уважения к нему, преподнесли двух баранов.

Через несколько дней Алексей Павлович – или АП, как его все называли – дал нам задание, а сам вместе с Александром Кирриловичем уехал в разведку, на поиски новых памятников. Мы заложили небольшой раскоп на памятнике Кара-Тенеш, и на значительной глубине выявили культурный слой с артефактами и остеологическим материалом. Влажная, мягкая земля, не успела просохнуть после зимы, поэтому мы копали с удовольствием и быстро справились с поставленной задачей. АП вернулся через неделю, а утром мы собрались и поехали на раскопки новой стоянки, которую случайно обнаружил Алексей Павлович в ходе разведок. Он рассказал, что когда местные жители прокладывали дорогу, бульдозер разрушил верхнюю часть края стоянки и обнажил культурные слои с каменными орудиями из кремнистой породы черного цвета. Теперь мы должны спасти па-

Рис. 3. 1980 г. Палеолитическая стоянка Кара-Бом. Сидит Окладников А. П.

Fig. 3. 1980 Kara-Bom paleolithic site. Okladnikov A.P. is sitting

мятник археологии, пока его совсем не уничтожат. Должен заметить, Алексей Павлович (все его просто з) не любил засиживаться на одном месте. Если мы в пути где-то останавливались на «перекур», он успевал пройтись, осмотреть окрестности и обязательно что-то находил.

Новая стоянка каменного века находилась в Онгудайском районе Алтайского края, недалеко от с. Ело и назвали ее Кара-Бом (Черный прижим). Вот здесь Алексей Павлович задержался чуть дольше, чем на других памятниках. Лагерь разбили рядом, на открытой местности. В первую очередь мы занялись сбором подъемного материала, а затем был заложен раскоп. Целый день мы, А. К. Конопацкий, В. Т. Петрин, Ю. П. Холюшкин и я, копали стоянку, отлучались только на обед, приготовленный Борисом Абрамовым на костре, и снова за работу. Иногда на помощь приходили А. Готов и В. Мыльников, хотя перед ними стояла иная задача.

Некоторое время рядом с нами находился отряд под руководством А.П. Погожевой, который копал небольшой могильник эпохи ранне-

Рис. 4. 1980 г. Стоянка-мастерская Бигдон. Кубарев В., Окладников А. П.,
водитель Саша и автор

Fig. 4. 1980 Bigdon workshop site. Kubarev V., Okladnikov A.P.,
Sasha the driver and author

го железного века. Палатка АП всегда была в отдалении от основных, так как молодые ребята, Володя Мыльников, Саша Глов, Ира Кедрова, Петр Лабетский и водители – всегда вечером слушали песни Владимира Высоцкого на магнитофоне с записью на кассете с лентой. Часто ее «заедало», лента рвалась, ребята ее склеивали, и вновь разносился хриплый голос барда. Алексею Павловичу не нравился его голос и его песни, он любил классическую музыку.

Зачастую и Алексей Павлович любил сидеть у костра. В такие моменты была полная тишина, так как АП рассказывал нам истории из своей жизни, об археологии и древних культурах прошлого, новых открытиях. И я уносился в неведомые дали далекого времени, к загадочным людям Кара-Бомы, которые жили в то время и оставили большое количество артефактов. АП умел привлечь внимание, и мы с удовольствием слушали его рассказы под звездным небом Ал-

тая. В какой-то момент, что-то вспомнив, АП вставал и пожелав спокойной ночи, уходил в свою палатку. Там он зажигал свечи и работал над рукописью книги или статьи, а перед сном, в тихой ночи, до нас доносилась негромкая классическая музыка.

Рано утром он уже работал, сидя на стульчике у палатки, что-то читал или делал пометки в полевой книжке.

В один из вечеров АП сказал мне: «Завтра, Жакенчик, вставайте пораньше, соберите все необходимое, мы поедем на несколько дней в Кош-Агачский район, для встречи с казахами, посмотрите, как они живут. Вы же казах, а не знаете родной язык, поговорите с ними, пообщайтесь..., а по дороге произведем разведочные работы по поиску новых памятников археологии». К моему стыду, действительно я не знал родного языка. Как был мудр и прав Алексей Павлович. Сейчас у меня нет проблем с казахским языком.

И вот мы в пути. За рулем экспедиционной автомашины водитель по имени Саша Крицын, спокойный, но профессионал своего дела. Он доказал это по преодолению сложной дороги и серпантина Чуйского тракта.

Никогда не забуду день, как после обеда мы остановились в долине р. Чуи, не доезжая нескольких километров до районного центра Кош-Агач. Здесь нас встретил сотрудник метеостанции, и в то же время, любитель археологии Владимир Кубарев. Впоследствии, благодаря Алексею Павловичу, он защитил докторскую диссертацию и стал известным ученым-археологом. Он и показал нам обнаруженные им петроглифы на невысокой гряде Мешельдык, несколько рунических надписей в местечке Жалгыз-Тобо, во время осмотра которой на нас налетела огромная туча мелкой мошки. От нее невозможно было спрятаться – она пробиралась в уши, нос, глаза и сквозь волосы в голову. Я думал лишь об одном, как скорее убраться отсюда и забраться в машину, а АП спокойно, как ни в чем не бывало, продолжал внимательно рассматривать рисунки. В эти минуты он забывал обо всем, для него главным была работа. Глядя на него, мы тоже вынуждены были терпеть неудобства. Да и он не давал нам расслабиться. Алексей Павлович отнес надписи к древнетюркскому периоду и посоветовал В. Кубареву обратиться к тюркологам Института В. М. Наделяеву и Е. Д. Убрятовой. Он мгновенно решал многие вопросы, не откладывая на завтра.

Мы побывали в юрте у казахов. Убранство было скромное. Посередине юрты был подвешен казан с молоком. Самого хозяина-пастуха не было дома и, выпив горячего молока, поговорив с хозяйкой, мы покинули жилище. В дальнейшем я не раз убеждался, что АП до-

ставляло удовольствие общаться с простыми людьми. Ведь зачастую, пастухи и местное население были источниками информации о памятниках археологии, о пещерах, о выходах сырья, рисунках на скалах, каменных изваяниях, курганах и т. д.

После этого Владимир Кубарев показал Алексею Павловичу и нам стоянку-мастерскую палеолитического времени на небольших возвышенностях в местечке Бигдон, у подножья Курайского хребта. Меня поразило, что многочисленные леваллуазские нуклеусы, каменные орудия, остроконечники, скребла и отщепы располагаются прямо на поверхности и на большой площади. Алексей Павлович говорил, что в Монголии такое явление часто встречается, и датировал обнаруженный памятник мустьерским временем. Позже в Казахстане наша совместная экспедиция с российскими коллегами во главе с академиком А. П. Деревянко обнаружила десятки подобных стоянок-мастерских человека эпохи палеолита.

Возвратившись через несколько дней в лагерь, мы продолжили раскопки на стоянке Кара-Бом. Каждый день преподносил сюрпризы в виде уникальных орудий, площадок для обработки камня. Работать на Кара-Боме было интересно. В минуты перерыва мы ходили по склону и находили артефакты. Все эти находки показывали и обсуждали с А.П. Александр Киррилович тщательно заносил карандашом на планшет-миллиметровку находки каждого квадрата, дополнительно делая зарисовки камней, остатки очага. Для меня это была хорошая практика. Алексей Павлович сидел на стульчике и внимательно следил за ходом работ, за нами, как мы работаем. Мы с Трофимычем, да и другие ребята иногда подходили к нему и показывали уникальные экземпляры находок. В эти минуты он преображался, глаза светились искоркой, и он сразу начинал рассказывать о леваллуазской технологии расщепления.

В минуты отдыха Юрий Холюшкин рассказывал о палеолите и археологах Узбекистана, о Самаркандской стоянке, так как он оттуда родом и успел поработать там. Трофимыч говорил о палеолите Урала, о стоянке Могочино, которую он раскапывал и Игнatieвской пещере, которую только начал исследовать.

Именно в этой экспедиции, в июле 1980 года, Алексей Павлович предложил мне пойти к нему в аспирантуру. Вначале я ответил: «...мне еще рано в аспирантуру...», но друзья убедили: «Жакен Кожахметович, надо, ведь Алексей Павлович не каждому предлагает поступить к нему в аспирантуру. Другие бегают за ним годами или за них просят руководители Институтов, вузов. А тут сам академик предлагает, а ты отказываешься. Он знает, что говорит...». Уже в Алма-Ате,

Рис. 5. 1981 г. Окладников А. П. и Таймагамбетов Ж. К.
у памятника Жамбылу Джабаеву
Fig. 5. 1981 Okladnikov A. P. and Taimagambetov Zh. K.
at the monument to Zhambyl Dzhabayev

я рассказывал всем в отделе археологии, кто был свободен от экспедиции, что меня сам А.П. Окладников пригласил поступить в аспирантуру. Мало кто мне верил.

На следующий день, АП собирался в Новосибирск и сказал мне срочно собираться и ехать вместе, далее лететь в Алма-Ату. Я должен подготовить и сдать до 1 августа необходимые документы для поступления в очную аспирантуру. После завтрака, наскоро закидав вещи в рюкзак, попрощавшись с ребятами, я поехал с АП на машине, уже на «Волге», за рулем которой был прекрасный человек – Анатолий Борисов. По дороге, делая остановку, Алексей Павлович посылал меня сбегать на ту или иную горку и внимательно посмотреть обнажение террасы, обратить внимание на наличие каменных изделий и т. д. Сам же уходил по другую сторону дороги. И здесь, он не терял время, производил разведочные работы. Мы побывали на стоянке Улалинка, которую открыл АП, и он рассказал о древних артефактах из кварцита, обнаруженных им в погребенном виде. Человек щедрой души, добрый, скромный и обаятельный в жизни Алексей Павлович широко

*Рис. 6. 1981 г. Окладников А. П., Конопацкий А. К.,
Таймагамбетов Ж. К. у памятника Жамбылу Джабаеву*
Fig. 6. 1981 Okladnikov A. P., Konopatsky A. K., Taimagambetov Zh. K.
at the monument to Zhambyl Dzhabayev

делился своими энциклопедическими знаниями не только со мной, но и со всеми, кто его окружал.

1 декабря 1980 года вышел приказ по Институту истории, филологии и философии СО АН СССР о зачислении меня в очную аспирантуру сроком на три года и моим руководителем назначен А. П. Окладников. Казалось, что теперь я буду часто видаться с научным руководителем, но нет, Алексей Павлович был неуловим, постоянно занят, его приглашали на различные мероприятия, встречи, выступать на ТВ и радио и т.д. Он всегда был в окружении людей.

Как научный руководитель, Алексей Павлович дал мне тему кандидатской диссертации «Проблема леваллуа-мустье Казахстана». Я работал над ней и, в то же время, над камеральной обработкой каменных орудий из памятников Алтая. Я приступал к работе с раннего утра, и часто засиживался на чердаке до 12 ночи. В один из таких вечеров, когда я сидел и шифровал камни, открывается дверь и заходит Алексей Павлович с водителем Анатолием Борисовым. Поздоровавшись, он сказал: «Еду я мимо и смотрю, горит свет в одном из окон чердачного помещения. Думаю, кто там оставил не выключенным свет, не дай бог пожар случится, или может кто-то из сотрудников загулял до ночи, решил посмотреть, а это вы работаете... Ну молодец, но надо отдохнуть. Давайте я вас подвезу на машине куда надо, какой академик еще вас подвезет...». Я отказался, сказал, что мне идти здесь близко, заодно подышу воздухом. Алексей Павлович тут же прошал к столу Александра Кирриловича и, распечатав коробку с книгами, вынул одну из них в красной обложке «Открытие Сибири» и размашистым почерком написал «Дорогому Жакену Кожахметовичу за усердие в науках!», поставил подпись и вручил мне. До сегодняшнего дня она находится на видном месте в моей библиотеке, я храню и берегу ее.

Учеба, работа, пролетела зима. С Алексеем Павловичем я встречался только по мере необходимости, докладывал о трудностях в сборе информации по теме диссертации, так как вопросы леваллуа были для меня сложными, и он обещал, что-нибудь придумать, найти правильное решение.

В Институте я часто общался со многим корифеями археологии, этнографии, палеонтологии, истории, филологии и философии – В. И. Молодиным, Р. С. Васильевским, В. Е. Ларичевым, В. Е. Медведевым, Ю. С. Худяковым, И. Н. Гемуевым, Н. Д. Оводовым, И. В. Асеевым, В. В. Алексеевым, В. И. Ламиным, познакомился со многими другими археологами Алтая, Сибири и Дальнего Востока – Ю. Ф. Кирюшиным, Г. И. Медведевым, Н. И. Дроздовым, А. И. Мар-

тыновым, В. В. Бобровым, И. И. Кирилловым, М. В. Константиновым, Д. Л. Бродянским, Харуо Ойи и Кимура Хидеаки из Японии, и др. Все они всегда оказывали мне помощь и давали ценные советы.

Однажды Алексей Павлович пригласил меня к себе домой, и в спокойной обстановке мы говорили о моей работе и планах на будущее. Тогда он и предложил поменять тему моей будущей кандидатской работы на «Периодизацию палеолита Южного Казахстана». Затем он предложил мне поехать в Казахстан на лето и поработать в сопредельной Горному Алтаю территории, т.е. в Восточном Казахстане. Я с радостью согласился, тем более в Казахстане возобновила работы Шульбинская археологическая экспедиция в зоне будущего затопления Шульбинской ГЭС. Получив необходимые сопроводительные документы и напутствие от Алексея Павловича, я приехал в Алма-Ату, где меня назначили начальником палеолитического отряда. Поработав 4 месяца в экспедиции, я обнаружил несколько прекрасных памятников палеолита, в том числе и стратифицированную стоянку Шульбинка. По возможности, я звонил из почтового отделения и ставил в известность своего научного руководителя о своих открытиях, знакомил с ходом работ и получал ценные советы.

Осенью Алексей Павлович оформил мне командировку в Волгоград, чтобы ознакомиться с коллекциями Сталинградской стоянки, а заодно и перевезти семью в Академгородок. Зная, что моя супруга филолог по образованию, он думал подыскать ей работу, а затем подготовить ее для поступления в аспирантуру. Это было в октябре месяце. Попрощавшись, я улетел в Волгоград. Ничто не предвещало, что это была наша последняя встреча.

Я перевез жену и дочь из Волгограда в Новосибирск. Иногда прогуливаясь с ними мимо коттеджа, где проживал Алексей Павлович, я надеялся встретить его. Я знал, что он в Москве, но вдруг он вернулся, и я увижу его на улице. Находясь в Москве, в больнице, он по телефону передал Александру Кирриловичу, как должна выглядеть структура моей диссертационной работы, из-за измененной темы. Даже в такие минуты, Алексей Павлович думал о работе, не забывал обо мне.

Но однажды, 18 ноября, Александр Киррилович сообщил скорбную весть. Алексей Павлович покинул нас.

Мы, археологи, начали готовить место на кладбище, под березой, на которую указал сам Алексей Павлович. Был сильный мороз, мы копали мерзлую землю, тщательно зачищая стенки, как будто на раскопе, чтобы не видно было следов от лопаты. Алексея Павловича должны были доставить самолетом из Москвы ночью 20 ноября.

Рис. 7. 1981 г. Одна из последних фотографий Окладникова А. П.
Fig. 7. 1981 One of the last photographs of A.P. Okladnikov

Рис. 8. Памятник А.П. Окладникову в г. Новосибирске
Fig. 8. Monument to A. P. Okladnikov in Novosibirsk.

Утром 21 ноября было прощание с Алексеем Павловичем. Народу было много. Выступал президент СО АН СССР В.А. Коптюг и многие общественные, партийные деятели, соратники, друзья. Александр Кириллович все время стоял у изголовья Алексея Павловича. Мы, археологи, несли гроб, поместили его на катафалк, и колонна из многочисленных автомашин двинулась на кладбище. После был воинский салют. Разошлись все, кто пришел проститься с Алексеем Павловичем. Остались у могилы лишь несколько сотрудников из Института, которых не пугал ни мороз, ни быстро надвигающаяся ночь. На душе было пусто и одиноко.

Теперь мы втроем, Александр Кириллович, Трофимыч и я, часто были вместе. Уход Алексея Павловича еще теснее сблизил нас. Однажды Александр Кириллович, когда был у меня в гостях вместе с Трофимычем, подарил мне книгу «Открытие Сибири» с подписью: «Дорогому Жакену Таймагамбетову на память о нашем общем учителе, удивительном человеке, Алексее Павловиче Окладникове, авторе этой увлекательной и интересной книги. 10 октября 1982 г., г. Новосибирск». Это было второе издание книги, подаренной в свое время мне Алексеем Павловичем. Эти две книги дороги мне, потому что одна напоминает о моем учителе, а вторая – о моем добром и надежном друге Александре Кирилловиче Конопацком.

В Институт директором был назначен ученик Алексея Павловича, молодой и опытный археолог, прекрасный организатор науки, академик Анатолий Пантелеевич Деревянко, который достойно и долгие годы руководит прекрасным коллективом. Начиная с 1992 года и по настоящее время он оказывает непрерывную и неоценимую помощь в исследовании палеолита Казахстана. Дружба, заложенная Алексеем Павловичем, и преемственность поколений продолжают.

Я благодарен судьбе за то, что она свела меня с Алексеем Павловичем Окладниковым. Я не забуду, какую он мне оказал помощь, поддержку и доверие, и я стараюсь равняться на таких людей, как он. Алексей Павлович был яркой личностью, отзывчивым, добрым человеком, настоящим ученым. Он остался в многочисленных научных трудах и людях, в своих учениках.

Портрет Алексея Павловича со всеми заслуженными его наградами на пиджаке, всегда висит у меня над рабочим столом. Мягкая и добрая улыбка на лице, и мне кажется, что он жив, просто находится в длительной экспедиции...

Информация об авторе / About the author

Таймагамбетов Жакен Кожахметович – член-корреспондент Национальной академии наук Республики Казахстан, д.и.н., профессор, Заслуженный деятель Республики Казахстан, главный научный сотрудник отдела археологии и этнографии Национального музея Республики Казахстан (просп. Тауелсиздик 54, Нур-Султан 010000, Казахстан).

Zhaken K. Taimagambetov, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Historical Sciences, Professor, Honored Worker of the Republic of Kazakhstan, Chief Researcher of the Department of Archeology and Ethnography of the National Museum of the Republic of Kazakhstan (54 Tauelsizdik Avenue, Nur-Sultan 010000, Kazakhstan).